Кудайбергенов М. Б.

Международная уголовная ответственность физических лиц

Учебник

Алматы
2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГЛАВА 1. Понятие и сущность международной уголовной ответственности физических лиц

ГЛАВА 2. История возникновения и развития института международной уголовной ответственности физических лиц

ГЛАВА 3. Доктринальное оформление института международной уголовной ответственности физических лиц

ГЛАВА 4. Характер, основания и объем международной уголовной ответственности физических лиц

ГЛАВА 5. Проблемные вопросы разграничения международно-правовой ответственности государств и физических лиц

ГЛАВА 6. Ответственность физических лиц за преступления против международного права

ГЛАВА 7. Ответственность физических лиц за преступления против мира и безопасности человечества по уголовному законодательству Республики Казахстан

ГЛАВА 8. Правовой статус Международных уголовных трибуналов “ad hoc” для бывшей Югославии и Руанды

ГЛАВА 9. Иные судебные органы для наказания за отдельные преступления против международного права

ГЛАВА 10. Постоянный Международный уголовный суд: правовой статус и проблемные вопросы реализации международной уголовной ответственности

ГЛАВА 11. Признание и дальнейшее прогрессивное развитие международного уголовного права

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права».

(Из Приговора Нюрнбергского трибунала)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основной целью современного международного права является регулирование международных отношений, осуществляемых государствами, международными межправительственными организациями, нациями и народами. Нормальные международные отношения могут поддерживаться только если будут соблюдаться основополагающие принципы и нормы международного права, среди которых особое следует выделить принципы суверенного равенства, невмешательства во внутренние дела государств, неприменения силы или угрозы силой, всеобщего уважения прав и свобод человека. Таким образом, являясь юридической формой современных международных отношений международное право непосредственно призвано охранять и поддерживать в целом всю систему международного правопорядка. Только международный мир и безопасность, охраняемые государствами на основе и в строгом соответствии с международно-правовыми нормами и принципами, могут гарантировать спокойствие и стабильность в международных делах, обеспечить светлое будущее всему роду человеческому.

Одной из серьезных угроз как для международных отношений, так и в целом для всего человечества является неумолимо растущая преступность. Приобретая все больше международный характер, тесным образом связанная с научно-техническим прогрессом и развитием цивилизации, угрожая не только национальной безопасности отдельно взятого государства, но и в целом международной безопасности, современная преступность не видит каких-либо границ и преград. В данном случае речь идет о так называемой «международной преступности».

В составе международной преступности выделяют следующие два вида преступлений: **международные преступления и преступления международного характера**. Главное отличие указанных видов преступлений от общеуголовных заключается в первую очередь в том, что такие преступления – это беда и социальное зло для всего мирового сообщества, поэтому и меры по предупреждению, пресечению и наказанию таких преступлений должны носить только международный характер.

В этой связи уголовно-наказуемый характер таких преступлений, как агрессия, геноцид, биоцид, международный терроризм, наркобизнес определяется в специально принимаемых международных соглашениях, так как такие указанные и многие другие аналогичные и не менее опасные виды преступлений направлены против:

- нормального развития государств;
- национальной безопасности государств;
- всей существующей системы международного правопорядка;
- самой сущности современного международного права, призванного поддерживать международный мир и безопасность.

Таким образом, особо тяжкий преступный характер таких деяний предопределяет их направленность именно против и в ущерб международному праву.

Учитывая все вышесказанное следует заключить, что именно в международном праве необходимо искать нормы для борьбы с преступлениями против международного права (международными преступлениями и преступлениями международного характера), а виновные в их совершении государства и отдельные индивиды должны подлежать соответствующей международно-правовой ответственности согласно этому праву.

Все сказанное предопределяет, таким образом, особую роль в современном международном праве института международно-правовой ответственности. Только ответственность способна гарантировать восстановление справедливости в международных делах и недопустимость совершения в будущем международно-противоправных деяний.

Ответственность физических лиц по международному праву за деяния, направленные против

этого права – одно из новых и не до конца исследованных явлений в международном праве. Поэтому целью настоящего учебника и спецкурса с одноименным названием, который, по мнению автора, необходимо вводить на юридическом и международно-правовом факультетах, является более подробное ознакомление студентов, магистрантов и аспирантов указанных факультетов с некоторыми наиболее важными нормами международного уголовного права и его неотъемлемого института международной уголовной ответственности физических лиц.

Основываясь на собственном диссертационном исследовании, научных исследованиях и трудах наиболее видных юристов-международников, автор настоящего учебника попытался комплексно и в неразрывной связи рассмотреть наиболее важные проблемные вопросы признания и реализации данного института, выявить некоторые существенные, но устранимые пробелы в сотрудничестве государств в области борьбы с международной преступностью, дать собственные видения по некоторыми аспектам в рамках рассматриваемых вопросов.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Под международной уголовной ответственностью физических лиц следует понимать ответственность за совершение преступлений, посягающих на нормы и основные принципы международного права. В этой связи уголовно-наказуемый характер таких преступлений предусматривается именно в международно-правовых нормах (международных договорах, конвенциях).

Прежде следует определиться собственно с понятием ответственности в самом международном праве. В современном международном праве ответственность представляет собой не отдельный принцип или определенную норму, а целостный правовой институт, известный как частному, так и публичному праву и присутствующий во всех без исключения отраслях международного права. Необходимо признать, что хотя по времени своего возникновения этот институт совпадает с появлением международного права вообще, правовые нормы института международно-правовой ответственности до сих пор полностью не кодифицированы, и в связи с этим он в большей степени основывается на применении обычно-правовых норм, сложившихся на базе прецедентов и судебных решений, хотя основные действующие нормы и принципы этого института подтверждены в договорных нормах[1].

В современном международном праве основной формой осуществления международной ответственности признается охранительное правоотношение. То есть, ответственность в международном праве представляет собой правоотношение, с одной стороны, обязывающее субъекта-правонарушителя прекратить осуществление противоправных действий, ликвидировать или компенсировать последствия таких противоправных действий, а с другой - дающее пострадавшей стороне право требовать совершения указанных действий: прекратить совершение противоправных действий, ликвидировать или возместить ущерб. Следовательно правоотношение ответственности можно признать вторичным и охранительным по отношению первичного правоотношения. То есть правоотношение ответственности появляется автоматически и в независимости от воли сторон в случае нарушения одной из них своих обязанностей в первичном правоотношении.

По данному вопросу российский ученый-юрист, профессор международного права И. И. Лукашук очень точно определяет следующие основные цели ответственности:

1) сдерживание потенциального субъекта-правонарушителя;

2) побуждение такого субъекта выполнить принятые на себя международные обязательства надлежащим образом;

3) предоставление потерпевшему субъекту соответствующей компенсации за причиненный ему моральный или материальный ущерб;

4) превентивное влияние на будущее поведение субъектов в интересах добросовестного выполнения ими своих обязательств по международным договорам (pacta sunt servanda)[2].

Именно несоблюдение и нарушение субъектом международно-правовых отношений своих обязательств, вытекающих из добровольно принятых международных соглашений, ведут к дестабилизации международных отношений в целом, негативно сказываются на функционировании самого международного права, принижая юридическую силу его норм и демонстрируя другим субъектам недопустимую возможность отклонения от таких норм и изменения своего поведения в дальнейшем. Поэтому, только путем применения особого международно-правового механизма, заключающегося в наложении на субъекта-правонарушителя особой международно-правовой ответственности, может быть обеспечена, в первую очередь, действенность международного права цивилизованного мирового сообщества, на которое и возложена всеми субъектами международных отношений обязанность по поддержанию международного правопорядка.

В современном международном праве все международные правонарушения принято делить собственно на международные преступления и деликты. Под последними понимаются совершаемые субъектом международного права действия (бездействие), представляющие нарушение международно-правовых норм и принципов или договорных обязательств[3]. Ответственность за совершение международного деликта носит в основном характер

двустороннего правоотношения, в силу которого делинквент ответственен только перед потерпевшим субъектом. Тогда как в случае международного преступления возникают универсальные правоотношения ответственности, в силу которых правонарушитель несет ответственность не только перед одной потерпевшей стороной, но и перед всем международным сообществом.

Именно в связи с нарушением универсальных обязательств “erga omnes”, подразумевающих право каждого субъекта международного права требовать от субъекта-правонарушителя прекращения преступных действий и ликвидации их последствий, в юридической доктрине и международной практике получила признание концепция, что среди многообразных международных деликтов явно существует категория международных преступлений, имеющих особую общественную опасность[4]. Таким образом, международные преступления можно квалифицировать как особо опасные деликты, тягчайшие международно-противоправные деяния, посягающие на основы существования государств и народов, подрывающие основные принципы международного права и угрожающие международному миру и безопасности.

Выше обозначенный характер международных преступлений подтверждается, в частности, и Комиссией международного права ООН, которая на протяжении многих лет занимается кодификацией норм о международно-правовой ответственности[5]. В специально подготовленном Комиссией проекте статей об ответственности государств зафиксировано: “международно-противоправное деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление перед международным сообществом в целом, составляет международное преступление”. Основными принципами данного проекта являются:

a) всякое международно-противоправное деяние государства влечет за собой его международно-правовую ответственность;

b) любое государство может рассматриваться как совершившее международно-противоправное деяние;

c) элементами такого деяния являются: i) любое поведение, заключающееся в действии или бездействии, которое может присваиваться государству; ii) такое поведение представляет собой нарушение международно-правовых обязательств этого государства;

d) деяние квалифицируется как противоправное лишь на основе международного права. На такую квалификацию не может влиять квалификация этого деяния внутренним правом государства как правомерного[6].

Из выше изложенных положений вытекает одно наиболее важное положение: международно-правовая ответственность лежит на государстве в целом. Виновное в совершении международного преступления государство несет ответственность не только за действия своих органов, но и за деятельность физических лиц, находящихся под его юрисдикцией. Таким образом, особое место в международном праве занимают именно вопросы ответственности физических лиц, выступающих от имени государства и совершающих действия, которые квалифицируются как преступления против международного права[7]. Ответственность физических лиц в первую очередь за международные преступления, чаще всего наступает при условии, что их преступные деяния связаны с преступной деятельностью государства. То есть, международное преступление государства складывается из преступных действий или бездействия физических лиц, чья ответственность - как по формам, так и по содержанию - соизмерима с уголовной ответственностью за другие преступления, совершаемые физическими лицами[8].

Впервые принцип индивидуальной уголовной ответственности за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечества нашел свое международное признание и практическое применение в приговоре Нюрнбергского военного трибунала, в котором, в частности, указывалось, что “преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права”[9].

К преступлениям против международного права, совершенными главными военными преступниками нацистской Германии, Приговор отнес преступления против мира, военные

преступления и преступления против человечности. Впервые именно Международный военный трибунал в Нюрнберге в своем приговоре осудил агрессию как преступный акт. “Война, - сказано в приговоре, - по своему существу - зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, они затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера - оно является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных”[10].

Перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге предстали 24 фашистских руководителя. В соответствии с принципами Устава Международного военного трибунала, являющегося неотъемлемой частью Соглашения между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции “О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран “оси” от 8 августа 1945 г., подсудимым было предъявлено обвинение:

- в планировании, подготовке, развязывании или ведении агрессивной войны в целях установления мирового господства германского империализма, то есть в преступлениях против мира;
- в убийствах и истязаниях военнопленных и мирных жителей оккупированных стран, угоне гражданского населения в Германию для принудительных работ, убийствах заложников, разграблении общественной и частной собственности, бесцельном разрушении городов и деревень, в разорении, не оправданном военной необходимостью, то есть в военных преступлениях;
- в истреблении, порабощении, ссылках и других жестокостях, которые были совершены в отношении гражданского населения по политическим, расовым или религиозным мотивам, то есть в преступлениях против человечности.

Нюрнбергский приговор не только напоминает, но и предупреждает о суровой ответственности физических лиц за совершение преступления агрессии. Идеи и принципы Устава и приговора Международного военного трибунала в Нюрнберге, подтвержденные впоследствии Организацией Объединенных Наций, должны в полном объеме применяться к тем, кто совершает военные преступления и преступления против человечества.

Ни в коем случае не умаляя особой ответственности государства-правонарушителя международно-правовая доктрина признает, что государства, виновные в совершении преступлений против международного права, несут международную ответственность, а индивиды - международную уголовную ответственность. Такая ответственность может реализовываться международными судебными органами (например, Международный военный трибунал в Нюрнберге, Международные уголовные трибуналы по Югославии и Руанде) и национальными судами. То есть, является международной и ответственность физических лиц перед национальными судами, если такая ответственность устанавливается нормами международного права[11].

Долгое время в вопросах международно-правовой ответственности, помимо господствования цивилистической концепции, сводившейся только к требованию возмещения ущерба, явившегося следствием правонарушения, существовала и так называемая “Доктрина государственного акта”. Нюрнбергский процесс категорически отверг данную доктрину, в соответствии с которой деяния, совершаемые государственными органами, инкриминируются только собственно государству, что исключает индивидуальную вину лиц, являющихся исполнителями этих деяний. Существовала также точка зрения, что главы государств ни в коем случае не могут предаваться суду и по крайней мере не несут ответственности за действия своих подчиненных[12].

Важное значение Нюрнбергского процесса по данным вопросам заключается в том, что в ходе этого процесса высокое положение обвиняемого в государственном аппарате, дававшее ему возможность знать о преступных целях политики гитлеровской Германии и содействовать ее осуществлению, не только не рассматривалось в качестве смягчающего обстоятельства, но даже служило основанием для его квалификации как главного военного преступника. Трибунал исходил из того, что “должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государств или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению

наказания” (ст. 7 Устава)[13].

Таким образом, еще раз отметим, что непреходящее историческое значение Нюрнбергского процесса заключается в том, что впервые агрессивная война была признана тягчайшим международным преступлением, а преступники, совершившие чудовищные злодеяния против мира, законов и обычаев войны, и в целом против человечества, были публично осуждены всем мировым сообществом[14]. Значение международной уголовной ответственности нацистских преступников состоит в том, что “привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших во время второй мировой войны преступления против человечества, является серьезным средством охраны международного правопорядка[15] и служит предостережением поджигателям новой войны”[16].

Судебный процесс над главными японскими военными преступниками, совершившими преступления против мира, человечности, против законов и обычаев войны проходил с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. в Токио. Токийский военный трибунал (так же как и Нюрнбергский) был образован на основе соглашений государств-победителей и действовал на основании Устава в соответствии с демократическими принципами уголовного процесса. Важность данного процесса заключается в том, что за злодеяния, совершенные в связи или во время второй мировой войны, главные японские военные преступники по приговору Токийского трибунала понесли суровую международную уголовную ответственность.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно заключить, что преступность агрессивной войны, противоправные методы ведения военных действий, преступное посягательство на права и свободы человека - основная база, на которой начали возникать международные нормы индивидуальной уголовной ответственности физических лиц и международные нормы ответственности государств. Именно первоначальная идея о преступности и наказуемости агрессивной войны явилась исходным пунктом для появления института международной уголовной ответственности физических лиц.

После опубликования Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге и Устава Международного военного трибунала по Дальнему Востоку прошло уже больше полувека и, казалось, что человечество больше никогда не станет свидетелем ужасов и злодеяний, вызываемых войнами, не будет со страхом думать о завтрашнем дне и питать неуверенность к действиям своих правительств. Тем не менее, конец второй мировой войны ознаменовался не только вынесением справедливого международного вердикта международным преступникам. Именно в послевоенный период впервые против мирного гражданского населения было применено атомное оружие, началась конфронтация различных систем, гонка вооружений, имела место преступная политика геноцида и апартеида. Человечество всерьез встревожилось нарастанием глобального экологического кризиса. В связи с этим нельзя не согласиться со справедливыми высказываниями В. С. Степина о том, что “... наращивание силы, технологической мощи человечества привели его к такому состоянию, когда оно не только не может реализовать изначальные претензии всестороннего господства над обстоятельствами, а, напротив, окончательно попадает во власть обстоятельств, становится заложником орудий массового уничтожения, которые оно само же изобретает”[17].

Именно в послевоенный период оружие массового уничтожения, и, в первую очередь, ядерное оружие, становятся главной угрозой для всего человечества, в связи с чем формируется норма о преступности применения химического, биологического и атомного оружия. Эта тенденция нашла свое отражение в таких важных международных документах, как: Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, 1963 г.; Договор о нераспространении ядерного оружия, 1968 г.; Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и оружия массового уничтожения, 1971 г.; Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и о его уничтожении, 1972 г.; Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, 1993 г.

Особо необходимо отметить резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 1981 г. “Предотвратить ядерную катастрофу”, в которой, в частности, указывается: “Государства и государственные деятели, которые первыми прибегнут к использованию ядерного оружия, совершат тягчайшее

преступление против человечества”[18]. Таким образом, указанное положение на деле должно подразумевать и способствовать признанию в качестве международного преступления против мира и безопасности человечества разработку и применение государствами, в первую очередь, ядерного оружия – как наиболее опасного вида оружия массового уничтожения, ставящего под угрозу будущее всего человечества и всей жизни на Земле. А это, в свою очередь, должно подкрепляться именно международно-правовыми санкциями в отношении виновных государств и физических лиц: в отношении государств должны строго применяться нормы международно-правовой ответственности, а в отношении физических лиц – нормы международной уголовной ответственности. Поэтому, помимо запрещения разработки и применения ядерного оружия и признания таких действий как особо опасных международных преступлений, необходимо и надлежащее обеспечение реализации международно-правовой ответственности государств и физических лиц.

Не случайно и то, что в послевоенный период развитию исследуемого института большое внимание уделяет Генеральная Ассамблея ООН, Комиссия международного права. Проблема международной уголовной ответственности физических лиц приобретает особую актуальность в свете продолжающихся в мире актов агрессии, необъявленных войн, в том числе с использованием насилия и методов государственного терроризма.

Страшными событиями ушедшего тысячелетия стали война в Югославии, этнические чистки официального югославского правительства в отношении косовских албанцев, применение странами НАТО вооруженной агрессии против этой страны. Еще после первых аккордов балканской драмы в 1994 году Организацией Объединенных Наций специально создается Международный уголовный трибунал, уполномоченный проводить международное расследование и осуществлять международное правосудие в отношении всех лиц, обвиняемых в совершении серьезных нарушений международного гуманитарного права в годы войны в этой стране. Аналогичный орган был создан в 1994 году и для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан этой страны, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 года по 31 декабря 1994 года. Следует только добавить, что существование таких международных уголовных трибуналов еще раз подтверждает актуальность и безусловную необходимость признания и дальнейшего развития института международной уголовной ответственности физических лиц, так как реализация именно такой ответственности является оправданным средством сохранения мира и безопасности, восстановления международной справедливости и выполнения принципа неотвратимости наказания за совершенное международно-противоправное деяние.

Особое влияние на развитие исследуемого института оказывает тяжелая ситуация во всем мире, связанная с распространением преступлений международного характера (транснациональных преступлений), которые развиваются и усложняются одновременно с развитием и усложнением международных отношений. Эффективное сотрудничество в вопросах расследования и судебного преследования является, по мнению автора, чрезвычайно необходимым элементом деятельности государств по борьбе с такими преступлениями. Часто непреодолимой преградой на пути осуществления справедливого правосудия в отношении преступлений международного характера становится неспособность государств обеспечить выдачу лиц, виновных в их совершении, нежелание сотрудничать по таким вопросам. Такими препятствиями для выдачи, как правило, являются: различие во взглядах государств относительно необходимости договоров о выдаче; традиции по отказу в выдаче граждан страны другим государствам; существование в некоторых странах положений, требующих наличия необходимой основы двухстороннего договора о выдаче.

Необходимо и далее стремиться к выработке единого и действенного механизма, способствующего беспрепятственному выполнению обязательного принципа неотвратимости наказания за совершенное деяние, к окончательному признанию принципа универсальной юрисдикции в отношении наиболее опасных преступлений против международного права, к устранению барьеров на пути применения института экстрадиции. Все это положительно повлияет и на процесс признания и применения государствами института международной уголовной ответственности физических лиц.

Этому также будет способствовать скорейшее принятие Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, который, как следует из его проекта, стирает границы между

некоторыми наиболее опасными международными преступлениями и преступлениями международного характера, относя их к разряду преступлений против мира и безопасности человечества[19].

В целом, признание и дальнейшее прогрессивное развитие института международной уголовной ответственности физических лиц является одним из наиболее действенных способов пресечения распространения международной преступности и неукоснительного осуществления принципа неотвратимости наказания за совершенное международно-противоправное деяние.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К ГЛАВЕ 1

1. Дайте определение международной уголовной ответственности физических лиц.

2. В чем заключается основная сущность и содержание института международной уголовной ответственности физических лиц?

3. Каково влияние международной преступности на рассматриваемый институт?

---

[1] Международное право: Учебник. Отв. Ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. М.: Международные отношения, 1995. С. 257-258.

[2] Лукашук И. И. Международное право: Учебник. Общая часть. М.: БЕК, 1997. С. 179.

[3] Международное право. Словарь-справочник. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 57.

[4] Лукашук И. И. *Указ. соч.* С. 180.

[5] Об этом более подробно см.: Ю. М. Колосов. Ответственность в международном праве. М., 1975; В. А. Мазов. Ответственность в международном праве: Проблемы кодификации и прогрессивного развития норм и принципов международно-правовой ответственности. М., 1979.

[6] Лукашук И. И. Хроника 48-й сессии Комиссии международного права ООН.//Научно-теоретический и информационно-практический журнал «Московский журнал международного права». №2. – Москва, 1997. С. 185-186.

[7] Преступления против международного права включают в себя международные преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера. Необходимость и правильность объединения указанных категорий преступлений в единое понятие преступлений против международного права обосновывается первоначальным определением их уголовно-наказуемого характера в нормах международных договоров, что отличает их от общеуголовных преступлений.

[8] Международное уголовное право: Учебник. Под ред. В. Н. Кудрявцева. М.: Наука, 1999. С. 10.

[9] Ответственность за военные преступления и преступления против человечества. Сборник документов. Москва, 1969. С. 42.

[10] Александров Г. Н. Нюрнберг вчера и сегодня. Москва, 1971. С. 6-7.

[11] Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. Москва, 1966. С. 43.

[12] Historical Survey of the Question of International Criminal Jurisdiction. N.Y., 1949. P. 2.

[13] Международное уголовное право в документах. Сост. М. Б. Кудайбергенов. Т.1. Алматы: Гылым, 1999. С. 77.

[14] Кудайбергенов М. Б. Международное уголовное право: Учебное пособие. Алматы: Гылым, 1999. С. 20.

[15] По мнению автора наиболее точное определение международного правопорядка дает российский профессор И. Лукашук: «**международный правопорядок** - система международно-правовых отношений, призванная придать мировому сообществу государств структурную устойчивость на основе целей и принципов международного права».

[16] Алексеев Н. С. Ответственность нацистских преступников. Москва, 1968. С. 3.

[17] Степин В. С. Человечество перед лицом глобальных опасностей //Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. М., 1991. С. 192.

[18] Красов С. И. Международная уголовная ответственность индивидов (правовые проблемы). Диссертация на соискание ученой степени канд. юр. наук. Москва, 1985. С. 6.

[19] Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1991 года содержит следующие составы преступлений: агрессия; угроза агрессии; вмешательство; колониальное господство и другие формы иностранного господства; геноцид; апартеид; систематические и массовые нарушения прав человека; исключительно серьезные военные преступления; международный терроризм; незаконный оборот наркотических средств; преднамеренный и

серьезный ущерб окружающей среде.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Для того, чтобы полностью раскрыть содержание международной уголовной ответственности физических лиц и понять, в чем заключается актуальность проблемных вопросов признания международной уголовной правосубъектности индивидов в современных международных отношениях и международном праве необходимо проанализировать основные этапы развития института международно-правовой ответственности вообще.

Прежде следует согласиться с утверждением профессора Колосова о том, что проблема международно-правовой ответственности приобретает с каждым годом все большее значение в практике международных отношений, как один из охранительных институтов, способствующих поддержанию в мире определенного правопорядка[1]. Следует признать, что именно использование института ответственности является одним из важных способов обеспечения порядка в международных отношениях с древнейших времен до наших дней.

В процессе исторического развития государств понятия об ответственности и ее основных принципах претерпевали существенные изменения. Так, в свое время ответственность выражалась в праве объявления войны государству, нарушившему военный союз. В качестве примера укажем на Союзную конференцию в Спарте (432 год до н. э.), которая была созвана по поводу нарушения Афинами договора 445 года, образовавшего Пелопонесский союз. Некоторые делегации на этой конференции открыто требовали применения санкций против Афин в виде открытия против них военных действий. Большая часть делегатов признала, что договор был нарушен Афинами и что неизбежным следствием этого является война[2].

К выше изложенному следует добавить, что в современных международных отношениях и международном праве данного принципа не существует. Хотя в настоящее время не всегда удается избежать международных конфликтов с применением вооруженной силы или угрозы силой, тем не менее, война не может считаться законным средством разрешения споров между государствами.

Современное международное право, как право цивилизованного мирового сообщества, не признает любую войну в качестве способа реализации международно-правовой ответственности. В свою очередь, под такой ответственностью следует понимает юридическую обязанность субъекта правонарушителя ликвидировать последствия вреда, причиненного другому субъекту международного права в результате совершенного правонарушения[3]. Исходя из данного определения можно заключить, что только субъекты международного права, и в первую очередь, государства и международные межгосударственные организации, могут считаться субъектами международно-правовой ответственности, тогда как физические лица, не обладающие международной правосубъектностью, за совершение международно-противоправного деяния подлежат индивидуальной уголовной ответственности.

Практически во всех исследованиях по данному вопросу авторы, в принципе, едины в одном: ответственность физических лиц за совершение международно-противоправного деяния наступает на основе норм национального или международного уголовного права[4]. Не окончательно признанной является именно международная уголовная ответственность физических лиц, причем ответственность физических лиц за международные преступления чаще всего наступает при условии, что их преступные деяния связаны с преступной деятельностью государства. Государства, виновные в совершении таких преступлений, несут международную ответственность, а физические лица - уголовную ответственность. В связи с чем, целесообразным следует считать выделение международной уголовной ответственности физических лиц в качестве отдельного института международного права, в частности, международного уголовного права.

Впрочем, международно-правовое признание международной уголовной ответственности физических лиц произошло ни сразу. Прежде произошли важные исторические события, которые и привели к необходимости признания такой ответственности и ее выделения в составе общего института международно-правовой ответственности.

Переходя к рассмотрению вопросов возникновения и развития института международной уголовной ответственности физических лиц необходимо сразу заметить, что непосредственное

влияние на формирование данного института и его дальнейшее признание оказал другой, самый древний институт международного уголовного права - институт выдачи преступников (экстрадиции). Именно с института выдачи преступников берет свое начало международное уголовное право. Следует согласиться с высказыванием российского ученого-юриста В. Панова о том, что именно с института выдачи начинается и периодизация международного уголовного права, совпадающая с известной периодизацией общего международного права вообще[5]. Таким образом, начальным направлением международного сотрудничества в области борьбы с преступностью, безусловно, можно считать оказание правовой помощи по уголовным делам (например, в розыске преступников) и, непосредственно, институт экстрадиции (выдачи преступников)[6].

По мнению другого известного ученого-юриста Мартенса, именно в учении о выдаче преступников сосредоточен в настоящее время весь интерес международного уголовного права[7]. К примеру, практически во всех известных трудах, посвященных международному уголовному праву в качестве доказательства существования экстрадиции еще в рабовладельческую эпоху приводится соглашение, заключенное в 1296 г. до н.э. между египетским фараоном Рамсесом-2 и правителем хеттов Хаттушилем-3, в котором говорится, что “Если кто-либо убежит из Египта и уйдет в страну хеттов, то царь Хеттов не будет его задерживать, но вернет в страну Рамсеса”[8]. Таким образом, данное соглашение можно рассматривать как важное свидетельство того, что уже в период рабовладельческого строя институт выдачи преступников из обычного постепенно превращается в договорной. При этом, можно предположить, что договоры о выдаче в этот период носят преимущественно двусторонний характер, что, в свою очередь, позволяет более полно учитывать интересы сторон.

Далее содержание института выдачи преступников постепенно менялось, и связано это было, в первую очередь, с естественным процессом развития самого человеческого общества, а также с изменениями института права убежища.

В древнем мире применение института выдачи ограничивалось институтом гостеприимства, предоставлением убежища. Тесная взаимосвязь института выдачи преступников и института права убежища прослеживается и в последующие эпохи.

Эпоха средневековья характеризуется расширением сотрудничества государств по вопросам выдачи преступников. Растет количество договоров об экстрадиции, в которых конкретизируются круг лиц, подлежащих выдаче, определяются ее основания. В этот период начинают выдаваться лица, бежавшие в другую страну по политическим мотивам, а также перебежчики, которые не являлись преступниками. Характерным для этого периода времени является также жестокое преследование врагов католической церкви, еретиков, которые, по общему правилу, подлежали обязательной выдаче. К примеру, Трактатом 1303 г. Франция и Англия обязались не предоставлять у себя убежища обоюдным врагам и бунтовщикам[9].

С образованием своего государства Россия также заключала двусторонние договора, из которых вытекала обязанность выдавать лиц, совершивших определенные преступные деяния. Так, в договорах Олега с греками 911 г. и Игоря, 944 г. указывалось, что русские, совершившие преступления в Византии, должны быть обязательно выданы для наказания, отечеству и, наоборот, греки, совершившие аналогичные преступления на территории Руси, должны быть отосланы в Византию. Положения данных договоров свидетельствуют об особом значение института выдачи для развития общеуголовного принципа неотвратимости наказания за совершенные деяния[10]. В связи с этим необходимо отметить, что именно принцип неотвратимости наказания за совершенные правонарушения является одним из главных принципов международного уголовного права. Таким образом, в этом и состоит важное значение института выдачи преступников для признания и развития института международной уголовной ответственности физических лиц.

Вплоть до начала XVIII века характерным явлением становится заключение между государствами договоров о выдаче политических преступников и лиц, совершивших некоторые уголовные преступления. Именно с этого периода времени договоры о выдаче все больше начинают распространяться на уголовные преступления, которые квалифицируются в качестве таковых по внутреннему праву государств, являющихся сторонами по таким договорам.

Наметилось активно поддержанное церковью сотрудничество государств в борьбе с конкретными видами преступлений, затрагивающих общие интересы государств, например с морским пиратством. Даже те страны, которые, используя в борьбе за господство на море и направляя на открытие новых владений, тайно снаряжали и поддерживали «джентльменов удачи», официально вынуждены были признать их врагами рода человеческого (hostis humoni generis)[11].

В рассматриваемый период ведущей страной в области выдачи преступников становится Франция, по инициативе которой был сформулирован ряд положений института выдачи преступников. Лица, ранее преследовавшиеся по политическим мотивам, в период буржуазных революций восставшие против феодализма и абсолютизма, стали исключаться из договоров о выдаче преступников[12]. Соответственно постепенно утверждается принцип выдачи лишь лиц, совершивших общеуголовные преступления.

С появлением таких преступлений как работорговля, фальшивомонетничество, пиратство, незаконный оборот наркотических средств и других преступлений, которые представляют угрозу не только одному отдельно взятому государству, а все больше приобретают транснациональный характер, возникает естественная необходимость кооперации усилий и принятия совместных действий по предупреждению и наказанию таких преступлений. Если в процессе осуществления сотрудничества государств по борьбе с преступностью пока еще не поднимается вопрос о международной уголовной ответственности за вышеперечисленные преступления, то по крайней мере возникает острая необходимость в унификации норм национального уголовного права, квалифицирующих преступления, для взаимного оказания правовой помощи в процессе сбора доказательств, расследования преступлений, выдачи преступников и т.д.

Особо остро в XIX веке стоит вопрос о борьбе с такими античеловечными преступлениями международного характера как рабство и работорговля. Так, на Венском конгрессе в 1815 году принимается первый акт об отмене торговли неграми-рабами, а в развитие этого документа в 1841 году пять держав подписали договор, запрещающий перевозку в Америку негров-рабов. Данный договор в дальнейшем был дополнен документами, принятыми на Берлинской конференции, - о реке Конго в 1885 году, где подтверждена преступность и наказуемость работорговли и запрещалось использовать бассейн реки Конго в качестве рынка рабов или транзитных путей при их перевозке, и на Брюссельской конференции - о борьбе с работорговлей в 1890 г. В соответствии с Брюссельским Генеральным актом государства-участники взяли на себя обязательства принять уголовные законы, которые бы устанавливали ответственность за любые насильственные действия как то насильственный захват рабов, их перевозку, а также обязались принять практические меры с тем, чтобы пресечь совершение таких преступлений на своих территориях[13].

В вышеперечисленных документах работорговля уже рассматривалась как опасное преступление международного характера, для борьбы с которым требовалось именно принятие совместных активных действий государств. Именно начиная с этого периода формируется договорное правило, в соответствии с которым рабство, работорговля и в дальнейшем другие преступления международного характера признаются уголовно-наказуемыми деяниями. Государства, заключающие те или иные соглашения по борьбе с определенными видами преступлений международного характера, обязуются принимать соответствующие национальные законы по борьбе с такими преступлениями.

С принятием вышеперечисленных документов в области борьбы с рабством и работорговлей можно говорить и о первых попытках признания института международной уголовной ответственности. В современном понимании международная уголовная ответственность подразумевает не только ее реализацию посредством специально создаваемых для этих целей международных юрисдикционных органов. Признание того или иного деяния в качестве преступления нормами международного договора и привлечение к уголовной ответственности национальным судом также входит в понятие “международной уголовной ответственности”. Таким образом, несмотря на то, что в международном праве рабство было полностью запрещено только в середине XX века, тем не менее, перечисленные выше документы оказали большое влияние на развитие институтов выдачи преступников и международной уголовной ответственности физических лиц.

Дальнейшее развитие рассматриваемый институт получает благодаря признанию в качестве преступлений международного характера таких деяний, как торговля женщинами и детьми в

целях разврата, проституция, распространение порнографии, фальшивомонетничество и др. По всем из ним, соответственно, принимаются специальные международные договоры, в которых такие деяния и признаются в качестве преступлений международного характера и которые требуют принятия национальных законов по борьбе с ними и наказания виновных лиц.

В целом, международно-правовая ценность межгосударственных соглашений XIX - начала XX века состоит как в признании отдельных уголовных преступлений преступлениями международного характера, так и в том, что совокупность содержащихся в них международно-правовых норм служит основанием для выделения находящейся на стадии становления специфической отрасли международного права - международного уголовного права. Помимо этого, признание таких преступлений в качестве преступлений международного характера особо сказалось в целом и на процессе признания и развития института международной уголовной ответственности физических лиц. Формируется общее правило, в соответствии с которым государство не может являться субъектом ответственности за преступления международного характера. Это также повлияло на то обстоятельство, что ответственность за такие преступления в этот период предусматривается только по национальному уголовному праву и только в отношении физических лиц государств.

Новый этап в развитии как международного уголовного права, так и института международной уголовной ответственности физических лиц начинается после Первой мировой войны. Как уже отмечалось, после окончания Первой мировой войны в соответствии с Версальским договором были подготовлены проекты международных соглашений об ответственности Вильгельма-II как военного преступника за совершение преступлений против мира и других деяний, выходящих за рамки национальных общеуголовных преступлений.

Международно-правовое значение соглашений состоит прежде всего в том, что впервые появляется новый вид преступлений - *преступления против мира*. Признается, что такие преступления являются опасными для всего мирового сообщества и, поэтому, никак не могут рассматриваться как общеуголовные преступления, являющиеся уголовно-наказуемыми в соответствии с национальным уголовным правом государств. Нарушение ранее принятых международных договорных обязательств предопределяет наступление международной уголовной ответственности виновных индивидов. В целом, все это предопределяет наступление уголовной ответственности не по национальному уголовному праву, а на основании межгосударственных соглашений.

В частности, вопросу об уголовной ответственности за преступления, совершение которых инкриминировалось Вильгельму-II, была специально посвящена седьмая часть Версальского договора, озаглавленная “Санкции“ (ст. 227 по ст. 230). Там, в частности, указывалось, что: “Союзные и объединившиеся державы предъявляют Вильгельму-II Гогенцоллеру, бывшему германскому императору, публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров...” (ст. 227). Статья 228 Версальского договора устанавливала право союзных и объединившихся стран предавать военному суду и других лиц, сподвижников кайзера, виновных в совершении действий, противных законам и обычаям войны. Предполагалось создание специального международного военного суда, который должен был состоять из пяти судей (от Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Франции, Италии и Японии). Ответственность военных преступников должна была наступать “независимо от всяких процессов или преследований в суде Германии или ее союзников” (ст. 228).

Однако поскольку как договор, так и заключенные в его развитие соглашения не содержали четких формулировок ни состава преступления, ни меры наказания за него, не был учрежден суд, на который возлагалось бы осуществление правосудия, а сам принцип ответственности за агрессию еще не вошел в общее международное право, Вильгельм-II и другие виновники войны остались безнаказанными.

Тем не менее, большая ценность Версальского договора 1919 года как для института международной уголовной ответственности индивидов, так и для всего международного уголовного права состоит в том, что данным договором нарушения законов и обычаев войны впервые провозглашены наказуемыми, а содержащиеся в нем нормы составили правовое основание для привлечения к международной уголовной ответственности виновников первой мировой войны. Как отмечал в этой связи Н. Н. Кравченко, “Версальский договор в категорической форме признал, что международное право запрещает нарушение законов и обычаев войны и возлагает международную уголовную ответственность на конкретных лиц,

виновных в их нарушении”[14].

Таким образом, именно Версальский договор явился важным этапом процесса признания и развития института международной уголовной ответственности физических лиц. Договор закрепил наличие в международном праве норм, согласно которым наступает индивидуальная ответственность лиц, виновных в нарушении законов и обычаев войны, а это, в свою очередь, ознаменовало первый шаг в международном праве на пути признания агрессивных войн, ранее считавшихся крайним способом разрешения международных споров, международным преступлением, влекущим не только ответственность государств-агрессоров, но и персональную уголовную ответственность индивидов на основании международного договора.

В период до начала второй мировой войны наибольшее распространение в свете продолжающегося роста преступности во всем мире приобретают международные конференции и конгрессы, активизируется международные контакты между полицейскими ведомствами государств. Так, на одной из таких международных конференций 16 ноября 1937 года принимаются два наиболее важных для рассматриваемого института международно-правовых акта: 1) Международная конвенция о предупреждении терроризма и наказании за него; 2) Конвенция об учреждении Международного уголовного суда.

Важность первого документа заключается в том, что в нем впервые предпринимается попытка определения терроризма как международного преступления. Так под актами терроризма в Конвенции понимались «преступные акты, направленные против какого-либо государства и имеющие целью или рассчитанные на создание атмосферы террора в сознании отдельных лиц или общественности в целом». Статья 2 рассматриваемой конвенции содержала конкретный перечень деяний, отнесенных международным правом к разряду «уголовно-наказуемых».

В Конвенции об учреждении Международного уголовного суда детально регламентированы процессуальные нормы его деятельности: постоянство (ст. 3)[15]; место проведения заседаний (ст. 4); состав суда (ст. 5, 6); регламент работы (ст. 25); круг участников процесса – гражданский истец (ст. 26); адвокат (ст. 29); свидетели, эксперты (ст. 32) и многие другие вопросы процессуального характера.

В качестве правовой основы деятельности Международный уголовный суд должен был применять положения обеих конвенций, а также «общие принципы права», определяющие преступность и наказуемость целого ряда деяний, совершаемых индивидами и именуемых международными преступлениями. В целом, хотя указанные конвенции так и не вступили в силу, тем не менее они еще раз доказывают понимание мировым сообществом той опасности для человечества, которую кроют в себе международные преступления, и, в частности, международный терроризм. В этой связи, положения этих конвенций положительно повлияли на всю дальнейшую историю международного сотрудничества государств по борьбе с международной преступностью и, непосредственно, на процесс создания постоянного Международного уголовного суда.

Таким образом, на основании рассмотренных периодов развития института международной уголовной ответственности физических лиц можно сделать вывод о том, что накануне второй мировой войны в международном праве уже имелась совокупность норм, определяющих условия наступления международной уголовной ответственности конкретных физических лиц, виновных в нарушении законов и обычаев войны, в создании атмосферы террора, в совершении таких преступлений, как рабство и работорговля, торговля женщинами и детьми, распространение порнографии, подделка денежных знаков и ценных бумаг и ряда других преступлений.

Начало второй мировой войны и все последующие события характеризуют следующий этап как в истории развития института международной уголовной ответственности физических лиц, так и в истории развития общего международного права. По мнению Лебедевой «развязав вторую мировую войну, гитлеровская Германия полностью отбросила общепринятые и установленные Гаагскими и Женевскими конвенциями правила ведения войн. Она не считалась ни с какими нормами международного права, ни с какими требованиями человеческой морали, прибегая к самым жестоким методам и средствам, беспощадно разрушая без военной необходимости города и села, истребляя мирное население, превращая оккупированные территории в “выжженную землю”, применяя нечеловеческие пытки, проявляя жестокость и зверства к военнопленным и гражданским лицам»[16].

Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что немаловажное значение для реализации идеи об ответственности гитлеровцев первоначально имели и некоторые заявления руководителей стран антигитлеровской коалиции. В частности, Премьер-министр Англии У. Черчилль, выступая 22 июня 1941 г. с особой тревогой отметил, что “опасность, угрожающая России, - это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, - это дело свободолюбивых людей и свободолюбивых народов во всех уголках земного шара”[17]. А в официальном заявлении госдепартамента Соединенных Штатов от 23 июня 1941 года говорилось, что “гитлеровские армии в настоящее время представляют главную угрозу американскому материку”[18]. Добавим также, что первым общим шагом на пути противостояния фашизму и объединения усилий для наказания главных военных преступников гитлеровской Германии стало подписание в Вашингтоне в январе 1942 г. странами антигитлеровской коалиции Декларации, в которой они обязались совместно бороться за свободу и независимость всех наций, за сохранение человеческих прав и справедливости.

Наибольшее значение для реализации идеи о привлечении главных гитлеровских военных преступников к международной уголовной ответственности и, таким образом, для признания принципа неотвратимости наказания за совершенные злодеяния, имели некоторые официальные документы Советского правительства. В частности, в заявлениях наркома иностранных дел СССР от 22 июня 1941 г. непосредственно содержались идеи уголовной ответственности германских фашистских правителей за развязывание агрессивной войны. А в Декларации советского правительства, оглашенной на межсоюзнической конференции в Англии 24 сентября 1941 г. отмечалось о недопущении того, чтобы “шайка вооруженных до зубов гитлеровских разбойников, возомнивших и объявивших себя высшей расой, безнаказанно громила города и села, опустошала земли, истребляла многие тысячи и сотни тысяч мирных людей во имя осуществления бредовой идеи господства гитлеровской банды над всем миром”[19]. В нотах Советского правительства от 25 ноября 1941 г., от 6 января 1942 г. и от 27 апреля 1942 г. сообщалось о зверствах, превосходивших по своей жестокости все известное ранее в истории, и вся ответственность за них возлагалась на преступное гитлеровское правительство[20].

Продолжая перечисление основных наиболее важных заявлений, в которых непосредственно выдвигается идея о необходимости наказания военных преступников третьего рейха необходимо указать и на ноту Советского правительства от 27 апреля 1942 г., в которой на основании трофейных документов сообщалось, что планы и приказы фашистских захватчиков предусматривают всеобщее ограбление населения СССР, полное разрушение городов и деревень, захват земли, рабско-крепостнический труд и кабалу для советского народа, насильственный увод в Германию на принудительные работы нескольких миллионов советских граждан, пытки и массовое истребление населения всего Советского Союза, военнопленных и партизан[21]. В этой ноте помимо перечисления указанного основного состава преступлений заявлялось также, что *гитлеровское правительство и его пособники не уйдут от суровой ответственности и от заслуженного наказания за всех и неслыханные преступления против народов СССР и против всех свободолюбивых народов*.

Неотвратимость международной уголовной ответственности гитлеровцев за их злодеяния нашла свое выражение и в совместной декларации правительства Советского Союза и правительства Польской Республики о дружбе и взаимопомощи от 4 декабря 1942 г. В ней, в частности, устанавливалась неразрывная связь между наказанием нацистских преступников и обеспечением прочного и справедливого мира[22].

1 ноября 1943 г. была опубликована Московская декларация правительств СССР, США и Англии, в которой они выступая в интересах тридцати трех Объединенных Наций, предупредили военных преступников, что “*наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки обвинителей с тем, чтобы могло совершиться правосудие*”. В этом документе устанавливалась необходимость их выдачи и ответственность за преступные деяния, не связанные с определенным географическим местом[23].

Самым важным моментом в деле воплощения в жизнь всех отмеченных заявлений можно считать подписание в августе 1945 года в Лондоне Соглашения между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции “О судебном преследовании и наказании главных военных

преступников европейских стран оси", на основании которого был учрежден Международный военный трибунал для суда над главными военными преступниками европейских стран. В качестве приложения к Соглашению Устав, состоящий из семи разделов, определяет порядок организации Трибунала и принципы его работы.

Наиболее важной частью Устава является та, в которой дается характеристика состава международных преступлений. Так, преступления, направленные на подрыв мира, на провокацию агрессивных войн и сопровождающих их военных преступлений и преступлений против человечности, образуют состав международных преступлений, как его определяет статья 6 Устава Международного военного трибунала.

Как уже указывалось, впервые именно Устав Трибунала классифицирует международные преступления по трем основным группам: **преступления против мира**, **военные преступления** и **преступления против человечности** и дает им исчерпывающее определение, которое впоследствии было дополнено Конвенцией 1968 года о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, в которой содержится более уточненный и расширенный перечень международных преступлений.

Приговор Нюрнбергского трибунала получил широкое международное одобрение: 11 декабря 1946 года Генеральная Ассамблея ООН на пленарном заседании приняла резолюцию 95 (1), в которой подтвердила принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в приговоре Трибунала.

19 января 1946 года был опубликован Устав Международного военного трибунала в Токио для суда над главными японскими военными преступниками. Судебный процесс проходил с 3 мая 1946 года по 12 ноября 1948 года в Токио. Токийский военный трибунал, так же как и Нюрнбергский, был образован на основе соглашений государств-победителей и действовал на основании вышеупомянутого Устава в соответствии с демократическими принципами уголовного процесса. Статья 5 Устава Токийского трибунала закрепила ту же формулировку состава международных преступлений, что и в ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала: преступления против мира, человечности, законов и обычаев войны. Позднее, в 1948 году, в СССР в Хабаровске состоялся судебный процесс над некоторыми неглавными японскими военными преступниками (Хабаровский процесс).

Непреходящее историческое значение Нюрнбергского и Токийского процессов заключается в том, что за всю историю человечества преступники, совершившие чудовищные злодеяния против мира, законов и обычаев войны, против государства, были привлечены к международной уголовной ответственности и осуждены, хотя далеко не все они предстали перед международным судом и были наказаны. В связи с этим следует полностью согласиться с утверждением Алексеева о том, что значение международной уголовной ответственности нацистских преступников состоит в том, что "привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших во время второй мировой войны преступления против человечества, является серьезным средством охраны международного правопорядка и служит предостережением поджигателям новой войны"[24].

Появление нового этапа в развитии института международно-правовой ответственности как государств, так и физических лиц непосредственно связано именно с созданием и деятельностью Организации Объединенных Наций, одной из задач которой является поддержание международного мира и безопасности и с этой целью принятие эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира. Наибольшую роль в деле формирования и развития как международного уголовного права, так и института международно-правовой ответственности играет, прежде всего, главный орган организации - Генеральная Ассамблея. Помимо Генеральной Ассамблеи не менее важное значение имеет деятельность Совета Безопасности, Комиссии международного права и Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

Сразу следует отметить, что, к сожалению, создание Организации Объединенных Наций и признание почти всем цивилизованным мировым сообществом основополагающих принципов международного права, среди которых особо следует выделить принцип неприменения силы или угрозы силой, не помогли человечеству полностью искоренить агрессивные войны и военное вмешательство. Доказательством тому может служить послевоенная агрессия Соединенных Штатов в отношении Вьетнама, некоторых стран Африки и Латинской Америки. В целом же, доминирующее положение политики и национальных интересов некоторых государств над

правом, в том числе над международным правом, приводит к появлению и распространению таких особо опасных международно-противоправных деяний, как геноцид, расизм, апартеид, сионизм, наемничество, государственный терроризм и др. Расширение перечня международных преступлений является прямым следствием преступной политики, проводимой правительствами некоторых государств в отношении населения своей страны и человечества в целом. К примеру, геноцид и апартеид непосредственно посягают на основные права и свободы человека, направлены на уничтожение человека как живого существа. В связи с этим именно под эгидой Организации Объединенных Наций в 1948 и в 1973 гг. принимаются Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него.

Важное значение данных документов для исследуемой проблемы состоит в том, что помимо признания таких деяний в качестве международных преступлений, устанавливается принцип универсальной юрисдикции в отношении таких деяний: виновные физические лица должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или таким международным уголовным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении сторон данных конвенций, признавших юрисдикцию такого суда (статья 6 Конвенции о геноциде 1948 г. и статья 5 Конвенции об апартеиде 1973 г.).

В связи с этим Конвенции 1948 и 1973 гг. можно рассматривать в качестве главного юридического основания для дальнейшего признания международной уголовной юрисдикции в отношении физических лиц. Конвенции также были учтены при разработке норм в сфере прав человека в рамках хельсинского процесса по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в 1975 году. Результатом стало закрепление и признание в Заключительном Акте СБСЕ от 1 августа 1975 года уважения прав и свобод человека в качестве основополагающего принципа международного права.

В целом же, вопрос об актуальности международной уголовной ответственности физических лиц приобретает наибольшую значимость в свете продолжающегося распространения вышеуказанных деяний и появления новых международных преступлений и расширения перечня международных уголовных преступлений.

Особую актуальность исследуемая проблема получает в связи с послевоенным устройством мира и развязыванием так называемой “холодной войны”, во время которой происходит повсеместное наращивание вооружений или, точнее говоря, гонка вооружений. Ядерное оружие и другие виды оружия массового уничтожения наряду с расширением перечня международных преступлений и преступлений международного характера становятся главной угрозой для всего человечества. Поэтому, с учетом той угрозы, которую таит в себе в первую очередь ядерное оружие в международном праве формируется норма о преступности применения такого оружия.

В этой связи необходимо особенно отметить также Декларацию ООН “О праве народов на мир” от 12 ноября 1984 г., так как одобрение именного этого документа 92 государствами является доказательством стремления народов мира устранять опасность термоядерной катастрофы, грозящей всей человеческой цивилизации, которая наряду с правом каждого человека на жизнь стала непосредственным объектом посягательства, нового вида международного преступления - против мира и человеческой цивилизации.

Практически с первых дней создания Комиссии международного права Организации Объединенных Наций не прекращается процесс работы над Кодексом преступлений против мира и безопасности человечества. Принятие именно данного документа представляет собой окончательный процесс признания международной уголовной юрисдикции в отношении физических лиц за наиболее тяжкие международные преступления против мира и безопасности человечества: агрессии, геноцида, серьезных нарушений международного гуманитарного права и ряда других преступлений.

Еще в 1947 году Генеральной Ассамблеей Комиссии было поручено подготовить проект такого кодекса. По ряду причин работа над проектом Кодекса прекращалась и возобновлялась по несколько раз, что в свою очередь замедляло процесс создания постоянного международного уголовного суда. Так, в первый раз Генеральной Ассамблее пришлось отложить рассмотрение Кодекса по той причине, что еще не был принят документ, в котором давалось бы официально признанное определение агрессии. Лишь после принятия такого определения в 1974 году Комиссия международного права смогла возобновить работу над данным проектом. Полный проект Кодекса был принят Комиссией в первом чтении в 1991 году и впоследствии был

направлен через Генерального секретаря Организации Объединенных Наций правительствам государств-членов.

К основным особенностям принятого проекта Кодекса следует отнести прежде всего то, что в нем отсутствует традиционное деление на международные преступления и преступления международного характера. В нем также не указаны санкции за перечисляемые преступления, так как данный вопрос было решено оставить на усмотрение внутреннего права государств. Тем не менее, установлено, что Кодекс останется проектом до тех пор, пока не будет решен вопрос о санкциях, без которых, следовательно, он не сможет вступить в силу. Самое важное значение проекта Кодекса, на наш взгляд, заключается в том, что он ограничивается исключительно международной уголовной ответственностью физических лиц и в нем проводится четкое разграничение между ответственностью физических лиц и государства. Непосредственно признается, что то или иное лицо может совершить преступление против мира и безопасности человечества не только в качестве индивида, но также как “агент государства”, “в интересах государства”, “от имени государства”. В связи с этим, обязанность персонально наказывать индивидов не снимает с повестки дня вопрос об ответственности государств по международному праву за действие, вменяемое этому государству (статья 5 проекта Кодекса).

Последними важными историческими событиями, которые еще в большей степени способствовали общемировому признанию международной уголовной ответственности в качестве безальтернативного гаранта восстановления международного мира и безопасности и обеспечения неотвратимости наказания за наиболее опасные международно-противоправные деяния, стали трагические события, имевшие место в Югославии и Руанде. Ответной реакцией на чудовищные нарушения прав человека, совершение актов геноцида в отношении гражданского населения, нарушения законов и обычаев войны стало учреждение на основании решений Совета Безопасности 1993 и 1994 гг. двух Международных уголовных трибуналов “ad hoc” для Югославии и Руанды. Первый - “Международный трибунал для преследования лиц, виновных в серьезных нарушениях международного гуманитарного права, совершенных на территории бывшей Югославии, начиная с 1991 года”, второй - “Международный уголовный трибунал для преследования лиц, виновных в геноциде и иных серьезных нарушениях международного гуманитарного права, совершенных на территории Руанды и руандийских граждан, виновных в геноциде и иных подобных преступлениях, совершенных на территории соседних государств в период между 1 января 1994 года и 31 декабря 1994 года”.

Бесспорно то обстоятельство, что создание таких юрисдикционных органов явилось естественной реакцией цивилизованного мирового сообщества на серьезные нарушения норм международного права и международной морали, в результате которых под угрозу поставлена жизнь и безопасность многих народов. Те деяния, которые были совершены на территории Югославии и Руанды представителями официальных властей (геноцид, военные преступления, преступления против человечности), не могут быть мотивированы суверенным правом государства самостоятельно определять свою политику и пути развития. Государственная политика никогда не может быть преступной по своему характеру и способу реализации и, тем более никогда не должна нарушать права и свободы человека, посягать на мир и безопасность во всем мире.

Поэтому, в целях недопущения совершения в будущем наиболее опасных преступлений против международного права (права цивилизованных народов) и обеспечения неотвратимости наказания за их совершение официальными представителями государств-членов ООН на международной конференции (июнь-июль 1998 г.) учреждается Международный уголовный суд. В этой связи Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан отметил, что создаваемый Международный уголовный суд должен стать “сильным и независимым институтом, орудием правосудия, способным защитить слабых против сильных, спасать человеческие жизни, быть прочным заслоном против зла. В будущем ООН и все ее члены должны приложить максимум усилий для того, чтобы ни в одном уголке мира не повторялись такие трагедии, как в Руанде и бывшей Югославии. Мы должны четко продемонстрировать, что подобные преступления больше не останутся безнаказанными”[25].

Хотя концепция международной уголовной юрисдикции в отношении физических лиц, как и вся концепция международной уголовной юстиции в целом до сих пор не является общепризнанной, тем не менее, современные реалии, выражающиеся в невозможности избежания

агрессивных войн в международных отношениях, росте международной преступности, расширении категорий международных преступлений и преступлений международного характера, доказывают необходимость в таком орудии в руках международного сообщества, с помощью которого можно было бы предотвратить совершение любых международно-противоправных деяний, посягающих на мир и международную безопасность, нарушающих основополагающие принципы международного права, среди которых принцип неприменения силы в международных отношениях и принцип всеобщего уважения прав человека.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К ГЛАВЕ 2

1. Охарактеризуйте основные этапы развития института международной уголовной ответственности физических лиц?

2. Каким образом проявляется влияние института выдачи преступников на развитие института международной уголовной ответственности физических лиц?

3. В чем заключается международно-правовая ценность межгосударственных соглашений в области борьбы с преступностью XIX – начала XX вв. и каково их влияние на рассматриваемый институт?

4. Каково историческое значение Версальского договора для процесса признания ответственности физических лиц за преступления против мира?

5. Какие важные международно-правовые акты в области борьбы с терроризмом принимаются в 1937 году и каково их влияние на дальнейшее формирование норм о международно-правовой ответственности индивидов?

6. В чем состоит историческое значение Нюрнбергского и Токийского судебных процессов для рассматриваемого института?

---

[1] Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. Москва, 1975. С. 3.

[2] История дипломатии. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1959. С. 43-45.

[3] Международное право: Учебник. Отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. М.: Международные отношения, 1995. С. 257.

[4] См. В. П. Панов. Международное уголовное право. М., 1997.; Международное уголовное право/ Н. П. Блищенко, Р. А. Каламкарян, И. И. Карпец и др. - М.: Наука, 1995.; Международное уголовное право. Под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1999.

[5] Панов В. П. Международное уголовное право: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 8.

[6] Бородин С. В., Ляхов Е. Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. М.: Международные отношения, 1983. С. 11.

[7] Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 2. СП-б, 1905. С. 391.

[8] Панов В. П. *Указ. соч.* С. 8.

[9] Бородин С. В., Ляхов Е. Г. *Указ. соч.* С. 13.

[10] Валеев Р. М. Выдача преступников в современном международном праве. Казань, 1976. С. 12-13.

[11] Бородин С. В., Ляхов Е. Г. *Указ. соч.* С. 13.

[12] Валеев Р. М. *Указ. соч.* С. 13.

[13] Панов В. П. *Указ. соч.* С. 10.

[14] Кравченко Н. Н. Официальная германская доктрина о военнопленных.//Известия министерства иностранных дел, 1916. С. 25.

[15] Однако заседания Международного уголовного суда предполагалось созывать только тогда, когда возникала необходимость рассмотрения конкретного уголовного дела, подлежащего его юрисдикции. Местом пребывания Суда был определен голландский город Гаага.

[16] Лебедева Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса. Москва, 1975. С. 6.

[17] Churchill W. S. Great Speeches. London, 1957. 140 p.

[18] Documents on American Foreign Relations. Vol. 3. Boston, 1941. 364-365 p.

[19] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. Москва, 1946. С. 127, 164.

[20] Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны. Москва, 1949.

С. 93, 146.

[21] *Там же.* С. 115, 116.

[22] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. Москва, 1973. С. 257.

[23] Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие. Москва, 1986. С. 10.

[24] Алексеев Н. С. Ответственность нацистских преступников. Москва, 1968. С. 3.

[25] Панорама. № 26. 3 июля 1998. С. 5.

ГЛАВА 3. ДОКТРИНАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Говоря о доктринальном оформлении института международно-правовой ответственности физических лиц необходимо отметить, что общепризнанным основоположником идеи индивидуальной ответственности физических лиц является Гуго Гроций, который ставил себе единственной задачей определение в отдельных конкретных случаях необходимых предпосылок для порождения международно-правовой ответственности государя или общества. В своем трактате "О праве войны и мира" Гроций, в частности, указывал: "В соответствии с тем, что нами вообще выяснено, зачинщики войны обязаны к возмещению за содеянное их силами или по их совету. Они ответственны за то, чем обычно сопровождается война, а также за все обычные действия, поскольку совершены они по их повелению или совету, и не встретили препятствий их стороны, когда для этого имелась возможность. И полководцы ответственны за все совершенное под их командой, ответственны и все воины, участвовавшие в каком-нибудь совместном действии, например в сожжении города; в делах же, совершенных по одиночке, каждый ответственен за вред, виновником или среди виновников которого он был"[1].

В этом же труде Г. Гроций далее отмечает: "Если же какой-нибудь воин или кто-нибудь иной даже в справедливой войне подожжет неприятельские здания, опустошит поля и такого рода действиями причинит убытки не в силу приказа и когда это не вызвано никакой необходимостью и отсутствует для этого необходимая причина, то соответствующее лицо обязано возместить ущерб"[2].

Признавая тот факт, что ошибочно мнение Г. Гроция о том, что за такие действия физические лица должны нести гражданскую ответственность, а не уголовную, нельзя отрицать в целом идею Г. Гроция о том, что физические лица не должны оставаться без ответственными за совершаемые деяния во время войны. Эта идея Г. Гроция уже заслуживает особого внимания и признания ее непосредственного влияния на развитие рассматриваемого института.

Одной из первых научных работ, в которой была предпринята попытка изучить рассматриваемые вопросы, является статья профессора Петербургского университета Н. М. Коркунова "Опыт конструкции международного уголовного права" (1883 г.). В ней он указывал, что "уголовное международное право... международные облегчения участи раненых и больных воинов и целый ряд подобных вопросов имеет историческое значение именно как вопрос права"[3].

Общую тенденцию в международно-правовой доктрине, одним из направлений которой становится стремление к формулированию противоправных деяний, которые влекут наступление ответственности, выразил профессор Брюссельского университета А. Ривье. В частности в своем исследовании он отмечал, что "одностороннее насилие не есть война, но международное преступление, если это не предусмотренная международным правом принудительная мера". Ривье, проводя анализ дозволенных и запрещенных средств нанесения вреда неприятелю во время войны, в качестве основания для признания противоправности таких средств указывает, что "всякий вред, не направленный к цели военного ослабления неприятельского государства и переходящий ее границы, не может быть оправдан"[4].

Несколько дальше в исследовании рассматриваемых вопросов пошел профессор Берлинского университета Ф. Лист. Квалифицируя войну как самое крайнее средство для разрешения международных споров, он поясняет, что "субъектами войны могут быть только суверенные государства, но субъектом деликта против международного права, то есть международного преступления, может быть отдельное лицо"[5].

Профессор Берлинского университета А. Гефтер в своем труде "Европейское международное право" право войны рассмотрел в рамках отдельного раздела. Он указывал: "Требования человечности не допускают употребление таких разрушительных средств, которые разом и механически истребляют целые массы народа, низводя человека до положения неодушевленной вещи"[6]. Гефтер определяет всякое действительное и безусловное отрицание прав людей и народов как нарушение международного права в целом. Такого рода нарушение представляет собой оскорбление всех государств, подчиняющихся одинаковым нравственным законам и

вызывает общие усилия к их подавлению[7].

Таким образом, ценность высказываний Гефтера и их значимость для рассматриваемого института заключается в выделении объекта посягательства международного преступления - права людей и народов; законы нравственности, честь всех государств. Определяется также противоправность этих деяний - “нарушение международного права”; и говорится о их наказуемости - “общие усилия в их подавлении”.

Но Гефтер не останавливается лишь на этих высказываниях и далее делает очень важный вывод о том, что “лица, виновные в нарушении законов войны и уголовных законов, охраняющих личную и имущественную неприкосновенность, могут быть судимы как общим судом страны, так и полевым судом неприятеля”[8].

Значимость исследований выше указанных юристов-международников состоит в стремлении обосновать необходимость дальнейшей гуманизации сферы вооруженной борьбы и принятия соответствующего механизма для реализации надлежащей ответственности виновных лиц.

В современный период наибольший интерес представляют исследования некоторых советских (российских) ученых, юристов-международников. Следует отметить книгу профессора Ю. А. Решетова «Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности». В главе VI указанной работы «Международная ответственность физических лиц за международные преступления» непосредственно говорится, что «одним из основных юридических последствий совершения международных преступлений как особо тяжких деликтов, направленных против мира и международной безопасности, касающихся всего международного сообщества государств, является изъятие из судебного суверенитета государств-дилинквентов физических лиц, виновных в индивидуальном качестве в этих преступлениях, и возложение на них самостоятельной международной ответственности наряду с международно-правовой ответственностью государств»[9].

Определенно точно характеризуются юридические основания такой ответственности – «обязательные предписания международно-правовых актов, квалифицирующие отдельные составы в качестве международных преступлений, ответственность за которые может быть возложена на физические лица, и устанавливающие принципы и нормы наказания»[10]. То есть, автор признает необходимость наличия именно международных договоров, в которых те или иные деяния могут быть квалифицированы как «международно-противоправные», а это, в свою очередь, предопределяет наступление особой «международной» ответственности конкретных индивидов, виновных в их совершении.

Согласно позиции другого российского ученого - С. В. Черниченко «…индивид нарушает принципы и нормы международного права через посредство государства. За эти нарушения он несет ответственность, и именно в международном праве следует искать основания уголовной ответственности данных лиц», но «не ответственность является международно-правовой, а ее основания»[11]. Таким образом, позиции ученых сходятся в одном – основанием возникновения особой «международной» ответственности индивидов является квалификация совершенных ими деяний как «международно-противоправных» именно в нормах международного права. При этом международная уголовная ответственность индивидов может реализовываться не только через посредство специально создаваемые международные уголовные суды, но и национальными судами государств.

Существенный вклад в исследование рассматриваемых вопросов внес российский ученый Ю. Барсегов. Так, в одной из своих научных статей, посвященной преступлениям против мира и безопасности человечества, исследователь приходит к заключению, что «физические лица, виновные в совершении международных преступлений, подлежат уголовной ответственности. Но уголовными эти преступления можно считать лишь отчасти: несмотря на политический характер, международные преступления под руководством государственной власти либо в качестве ее носителя для целей правосудия рассматриваются как уголовные»[12].

Фундаментальным исследованием в области международного уголовного права и, непосредственно, международной уголовной юстиции является книга известных российских ученых И. П. Блищенко и И. В. Фисенко «Международный уголовный суд». Авторы впервые детально и с учетом современных тенденций в доктрине международного права подвергают

анализу актуальные вопросы создания и перспектив функционирования международного уголовного суда – независимого и действующего на постоянной основе международного юрисдикционного органа, призванного осуществлять судебное преследование и наказание физических лиц, виновных в совершении наиболее тяжких преступлений против международного права, международного мира и безопасности.

В этой связи, для обоснования актуальности, необходимости и возможности создания такого органа авторы довольно подробно исследуют и проблемные вопросы признания института международной уголовной ответственности физических лиц. Так, следует выделить следующую их позицию по данной проблеме: «…в силу действия Конвенции о геноциде 1948 г. и Конвенции об апартеиде 1973 г. существует возможность наступления ответственности физических лиц за нарушение норм международного права по международному праву. Индивиды могут непосредственно нарушать международное право и нести за это ответственность по международному праву. Доказательством последнего положения является вся деятельность МВТ после второй мировой войны»[13].

Среди других видных российских ученых, исследовавших некоторые аспекты ответственности государств и физических лиц за международные преступления, особо следует выделить Ю. М. Колосова[14], Д. Б. Левина[15], П. С. Ромашкин[16], С. И. Красова.

Ничуть не умаляя достоинств многочисленных исследований наиболее известных западных и американских ученых-юристов, юристов-международников по рассматриваемым вопросам, думается, что достаточно будет только назвать некоторых авторов. Так, непосредственно, исследованию вопросов признания индивида как субъекта международной уголовной ответственности посвящена работа Е. Торнаритиса[17]. В целом, вопросам международной ответственности и международного уголовного права посвящены исследования следующих авторов: Дж. Аречага[18], Алаззау[19], Дж. Барбериса[20], Ч. Бассиони и В. Нанда[21].

В формирующейся казахстанской науке международного права до сегодняшнего дня не было исследований, специально посвященных вопросам международного уголовного права и международной уголовной ответственности. Вопросы международного сотрудничества государств по борьбе с преступностью впервые рассматриваются профессором международного права М. А. Сарсембаевым в монографии «Международное право», где, в частности, довольно подробно характеризуются основные формы и механизмы такого сотрудничества, рассматривается деятельность главных международных органов по борьбе с преступностью[22].

В учебном пособии «Уголовное право», написанном коллективом авторов под редакцией профессора И. Рогова и профессора М. Сарсембаева, во втором разделе «Основные начала международного уголовного права» довольно подробно излагаются общие принципы и формы сотрудничества государств в борьбе с преступлениями международного характера, рассматриваются вопросы относительно роли и значения международных организаций в борьбе с международными уголовными преступлениями[23].

Автором настоящей работы было проведено исследование и в феврале 1999 года опубликовано учебное пособие «Международное уголовное право», в котором помимо характеристики, истории развития данной отрасли международного права в Главе 13 раскрываются вопросы международной уголовной ответственности физических лиц. При написании данной работы автор использовал, помимо работ других исследователей (учебников, учебных пособий, монографий), большое количество международно-правовых актов, которые, впоследствии, были выпущены в трехтомном сборнике - «Международное уголовное право в документах».

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К ГЛАВЕ 3

1. В чем заключается необходимость и значимость научного (доктринального) оформления института международной уголовной ответственности физических лиц?

2. Каково основное содержание и направленность трактата Гуго Гроция «О праве войны и мира»?

3. В чем заключается схожесть выводов Ривье и Листа по вопросам, касающимся дозволенных и запрещенных средств нанесения вреда во время войны?

4. Расскажите о советской (российской) науке международного права и о наиболее ярких ученых-юристах, чьи научные труды посвящены исследованию вопросов борьбы с международной преступностью.

---

[1] Г. Гроций. О праве войны и мира. Москва, 1956. Кн. 3, Гл. 10. С. 689.

[2] Г. Гроций. *Указ. соч.* С. 759.

[3] С. И. Красов. *Указ. соч.* С. 15.

[4] А. Ривье. Учебник международного права. Москва, 1983. С. 245.

[5] Ф. Лист. Международное право. Юрьев, 1917. С. 193.

[6] А. Гефтер. Европейское международное право. Сб-т., 1880. С. 239-240.

[7] А. Гефтер. *Указ. соч.* С. 201.

[8] А. Гефтер. *Указ. соч.* С. 235.

[9] Ю. А. Решетов. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М.: Международные отношения, 1983. С. 168.

[10] Ю. А. Решетов. *Указ. соч.* С. 168.

[11] С. В. Черниченко. Статус подсудимых в международных судебных органах//Советское государство и право. М., 1971. №7. С. 65.

[12] Ю. Г. Барсегов. Актуальные вопросы разработки проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества//Советский ежегодник международного права. М., 1989. С. 53.

[13] И. П. Блищенко, И. В. Фисенко. Международный уголовный суд. М.: Закон и право, 1998. С. 44.

[14] См. например: Ю. М. Колосов. Ответственность в международном праве. Москва, 1975.

[15] См. например: Д. Б. Левин. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966.

[16] См. например: П. С. Ромашкин. Преступления против мира и человечества. М., 1967.

[17] См. E. Tornaritis. The Individual as a Subject of International Criminal Responsibility. A Treatise on International Criminal Law. Vol. 1.

[18] См. J. Arechaga. International Responsibility. – Manual of Public International Law. L.-New York, 1968.

[19] См. Y. Alazzawi. Criminal Responsibility of Individuals under International Law. Tennessee, 1977.

[20] J. Barberis. Nouvelles questions concernant la personnalité juridique internationale. RCADI, tome 179, 1984.

[21] См. Ch. Bassiouni, V. P. Nanda. A treatise on International Criminal Law, vol. 1 “Crime and Punishment”. Ch. Thomas, Springfield, 1973.

[22] См.: М. А. Сарсембаев. Международное право. Алматы, 1996. и Международное право (общая и особенная части) с изменениями и дополнениями. Алматы, Гылым, 1998.

[23] См.: Уголовное право (право казахстанское, право международное). Учебное пособие. Алматы, «Гылым», 1998.

ГЛАВА 4. ХАРАКТЕР, ОСНОВАНИЯ И ОБЪЕМ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Международная уголовная ответственность физических лиц - самостоятельный институт международного уголовного права, который существенно отличается от международно-правовой ответственности государств. Как уже было определено, международная уголовная ответственность физических лиц представляет собой ответственность за посягающие на основополагающие принципы и нормы международного права деяния, уголовно-наказуемый характер которых предусматривается именно в нормах международных договоров. Ответственность за такие деяния может предусматриваться как специальными нормами международных договоров, так и уголовным законодательством государств.

Мы также выяснили, что первым официальным международным документом, определившим категории физических лиц, ответственных за международные преступления является Устав Международного военного трибунала 1945 года. Нюрнбергский процесс явился самым первым послевоенным судебным процессом над главными нацистскими военными преступниками, которые были привлечены к ответственности специально созданным в Нюрнберге странами антигитлеровской коалиции трибуналом. Международный военный трибунал утвердил принцип уголовной ответственности отдельных физических лиц за международные преступления.

Еще в 1919 году была создана Комиссия, состоявшая из 15 членов с целью изучения вопросов ответственности, относящихся к войне. Изучив факты варварского и противозаконного ведения военных действий в годы первой мировой войны, Комиссия приняла рекомендацию, согласно которой «все лица, принадлежащие вражеским государствам, какой бы высокий ранг они ни занимали, без различия рангов, включая глав государств, которые были виновны в нарушениях законов и обычаев войны или законов гуманности, подлежат уголовному преследованию»[1]. В выводах Комиссии также указывалось, что вражеские государства должны признать юрисдикцию Верховного трибунала в отношении таких лиц, а их правительства должны принять меры для выдачи этих лиц с целью суда над ними. Однако, по известным причинам, правосудие не свершилось, и виновники преступлений против человечности не понесли в то время наказания.

В отношении международной уголовной ответственности физических лиц общая теория международного права разработала целый ряд понятий и институтов, известных в первую очередь национальному уголовному праву при определении уголовной ответственности индивидов за преступления, предусмотренные национальным уголовным законодательством. И, прежде всего, это относится к таким понятиям и институтам, как вменяемость, достижение определенного возраста для привлечения к уголовной ответственности, которые также применимы и к лицам, совершающим, в первую очередь, международные преступления. Но существуют некоторые различия в определении возраста, с которого может наступать ответственность за совершение уголовно-наказуемого деяния.

Так, к международной уголовной ответственности за совершение международного преступления могут быть привлечены физические, вменяемые лица, достигшие установленного международным правом возраста. Как правило, такой ответственности не подлежат лица, не достигшие к моменту совершения международного преступления, совершеннолетнего возраста. При этом, не вступая в противоречие с Конвенцией о правах ребенка от 20 ноября 1989 года, международное уголовное право исходит из невозможности привлечения к международной уголовной ответственности за международное преступление лиц, не достигших 18-летнего возраста. Эта норма, в частности, подтверждается Статутом Международного уголовного суда, в статье 26 которого указано, что «Суд не обладает юрисдикцией в отношении любого лица, не достигшего 18-летнего возраста на момент предполагаемого совершения преступления».

В порядке сравнения необходимо отметить, что национальное уголовное законодательство государств допускает возможность привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности за совершение определенных общеуголовных преступлений. К примеру, в соответствии с уголовным законодательством Республики Казахстан уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста (ч. 1, ст. 15). При этом казахстанское уголовное законодательство допускает привлечение к уголовной ответственности и лиц, достигших ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста (ч. 2, ст. 15), за целый ряд тяжких преступлений, среди которых:

убийство (ст. 96); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 103); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью при отягчающих обстоятельствах (ст. 104, ч. 2); изнасилование (ст. 120); насильственные действия сексуального характера (ст. 121) и ряд других преступлений[2].

В отличие от международных преступлений, возрастной ценз, определяемый национальным уголовным законодательством, применим в отношении преступлений международного характера и преступлений против мира и безопасности человечества, так как ответственность за такие преступления наступает по национальному праву государств. То есть, преступный характер указанных преступлений первоначально определен нормами международного права, а виновные в их совершении физические лица, как правило, привлекаются к ответственности национальным судом. Поэтому, ясно, что, к примеру, в соответствии с национальным уголовным законодательством Республики Казахстан уголовной ответственности за определенные виды преступлений международного характера и/или за преступления против мира и безопасности человечества, как они определены в Главе 4 Уголовного кодекса республики, подлежат лица, достигшие к моменту совершения таких преступлений шестнадцатилетнего возраста или, в некоторых случаях, - четырнадцатилетнего возраста.

В современной юридической литературе высказываются различные мнения относительно характера ответственности физических лиц, совершающих международные преступления. Предполагает ли признание физических лиц в качестве субъектов международной уголовной ответственности одновременно и признание их субъектами международного права вообще? Продолжая линию на признание публично-правовой правосубъектности физических лиц, Л. Н. Галенская и некоторые другие известные российский ученые полагают, что международная уголовная ответственность физических лиц, совершивших тягчайшие международные преступления, означает их международную правосубъектность[3].

В. М. Шуршалов полагает, что индивид, не являясь субъектом международного права, может, тем не менее, быть субъектом конкретных международных правоотношений[4]. Так, Шуршалов убежден, что для того, чтобы быть полноправным субъектом международного права, недостаточно обладать правами и обязанностями, непосредственно вытекающими из норм международного права. Необходима еще способность участвовать в создании норм международного права и возможность обеспечивать их соблюдение. По его мнению, физическое лицо может обладать правами и обязанностями, вытекающими из международного права и не быть при этом субъектом, но в то же время он может быть субъектом международного правоотношения.

В этом вопросе следует согласиться с утверждением С. В. Черниченко: «…физическое лицо, будучи субъектом права, может не быть субъектом каких-либо определенных правоотношений, так как для возникновения таких правоотношений, кроме наличия норм права, необходимо наличие определенного юридического факта. Так же как и невозможно быть субъектом правоотношения, не будучи субъектом права»[5].

В свою очередь следует считать правильным то положение, что сама ответственность, допустим, военных преступников представляет собой объект правоотношений прежде всего государств. Об этом непосредственно говорится в «Принципах международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества». Здесь, в частности, отмечено, что «Государства осуществляют сотрудничество друг с другом на двусторонней и многосторонней основе в целях пресечения и предупреждения военных преступлений и преступлений против человечества и принимают в этих целях необходимые внутренние и международные меры. Каждое государство обладает правом судить своих собственных граждан за военные преступления или преступления против человечества».

По данному вопросу нельзя не указать и точку зрения известного ученого-юриста, профессора международного права Ю. М. Колосова, который считает, что «Ответственность государства-агрессора выражается также в праве других государств осуществлять правосудие в отношении его граждан, виновных в непосредственном совершении военных преступлений и преступлений против человечества. Сами военные преступники не могут считаться субъектами международного права»[6].

В юридической литературе высказываются также два других спорных мнения по данному вопросу. Во-первых, поднимается вопрос о возможности признания личной материальной ответственности физических лиц, совершающих международные преступления. В этом вопросе следует согласиться с мнением профессора Колосова, считающего, что такая постановка вопроса может привести к подмене уголовной ответственности материальной и тем самым ослабить политическую ответственность государства их гражданства[7]. Во-вторых, с другой стороны существование тесной связи между ответственностью государства и его представителя при отрицании международной правосубъектности физических лиц в конечном счете приводит к заключению, что уголовная ответственность физических лиц за международные преступления является одним из проявлений политической ответственности государства, которое утрачивает юрисдикцию в отношении собственных граждан.

Н. А. Ушаков полагает, что «не существует международной уголовной ответственности в смысле определения уголовной ответственности физических лиц международным уголовным судом, действующим на основе международных уголовно-процессуальных норм. Уголовная ответственность индивидов существовала и по-прежнему существует как ответственность по национальному уголовному праву, подлежащая преследованию национальными судами с соблюдением национальных процессуальных норм применительно ко всем уголовным преступлениям, в том числе упоминавшимся выше, и многим другим уголовным преступлениям международного характера. Факт образования и деятельности двух специальных военных трибуналов - Нюрнбергского и Токийского - отнюдь не меняет существа изложенного. На сегодня это исключение, которое лишь подтверждает, а не изменяет общее правило»[8].

В свою очередь, следует полагать, что физические лица, совершившие международное преступление, подлежат международной уголовной ответственности согласно нормам международного права, даже если их действия вполне соответствуют предписаниям национального права. Нормы внутригосударственного права, закрепляющие и поощряющие политику геноцида, апартеида, расовой дискриминации, не оправдывают действий совершивших их физических лиц и не освобождают их ответственности по международному праву. Сами нормы национального права, разрешающие, поощряющие или предписывающие проведение политики, противоречащей нормам международного права, нарушение которых составляет международное преступление, недействительны с точки зрения международного права[9].

Несколько иначе подходит к формулировке международной уголовной ответственности физических лиц С. В. Черниченко. Он полагает, что нормы международного права об уголовной ответственности физических лиц в случае совершения государством международного преступления применяются к физическим лицам не непосредственно, а в трансформированном виде, как нормы национального права. Говоря об ответственности главных нацистских преступников перед Нюрнбергским трибуналом он утверждает, что «...нельзя также считать, что процессуальное положение подсудимых в Нюрнберге определяется путем непосредственного применения к ним норм международного права, предусмотренных Лондонским соглашением... Статья 1 Закона Контрольного Совета для Германии N10 от 20 декабря 1945 г. установила, что Московская декларация 1943 г. и Лондонское соглашение 1945 г. (включая и Устав Международного военного трибунала) составляют неотъемлемую часть внутреннего права, действовавшего в тот период на территории Германии. Его можно рассматривать как совместное внутреннее право четырех оккупирующих держав для Германии, именно как нормы внутреннего права, т. е. в трансформированном виде; касались они лично подсудимых, регулируя, в частности, их процессуальное положение»[10].

В отношении выше изложенных положений можно сделать следующие выводы:

1. Международная уголовная ответственность физических лиц за нарушение норм международного права может наступать как по национальному, так и по международному уголовному праву. В данном случае под “международной уголовной ответственностью физических лиц” следует понимать ответственность за преступления (международные преступления и/или преступления международного характера), которые признаются уголовно-наказуемыми в нормах международных договоров. Такая ответственность может реализовываться как национальными судами, так и специально созданными международными юрисдикционными органами (международные уголовные трибуналы, международный уголовный суд). Таким

образом, ответственность индивидов перед национальным судом будет также являться международной, если такая ответственность устанавливается нормами международного права[11].

2. Доказательством того, что ответственность физических лиц за нарушение норм международного права может наступать и по национальному праву является также наличие в национальном уголовном законодательстве государств санкций за некоторые виды международных преступлений и преступлений международного характера. Как правило, нормы о наказуемости таких преступлений в национальном уголовном законодательстве появились после принятия соответствующих международных соглашений по каждому отдельно взятому преступлению, где они признаются в качестве уголовно-наказуемых. При этом сами международные соглашения обязывают государства-участников принимать национальные законы, где преступления признаются уголовно-наказуемыми. Как уже отмечалось, к примеру, появлению в уголовном кодексе Республики Казахстан от 16 июля 1997 года Главы 4 “Преступления против мира и безопасности человечества” непосредственно способствовало присоединение Республики Казахстан к некоторым основным международным договорам в области борьбы с преступностью.

3. В отношении некоторых наиболее тяжких международных преступлений конвенциями предусматривается принцип универсальной юрисдикции, когда виновные в их совершении лица могут привлекаться к уголовной ответственности судом того государства, на территории которого были совершены такие преступления, любым судом любого государства, либо специально созданным международным уголовным судом (Конвенция о геноциде 1948 г. и Конвенция об апартеиде 1973 г.).

4. Юрисдикция международных юрисдикционных органов, по моему мнению, может иметь двоякий характер: она может иметь приоритет над юрисдикцией национальных судов в отношении преступлений, предусмотренных уставом таких органов (Международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде), либо дополнять национальные органы уголовной юстиции или заменять национальную уголовную юрисдикцию, если последняя становится неэффективной (Международный уголовный суд).

5. Абсолютно неприемлем тезис о том, что, факт создания и функционирования двух первых международных трибуналов - Нюрнбергского и Токийского - представляет собой исключение из общего правила. Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в его приговоре, получили международно-правовое признание в резолюции 95 (I) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 11 декабря 1946 года и имеют в настоящее время универсальное значение. Учитывая то обстоятельство, что кодификация этих принципов пока еще полностью не завершена, следует, тем не менее, признать, что они устанавливают вполне определенные материальные и процессуальные нормы, которые должны применяться в случае осуществления международной уголовной юрисдикции в отношении физических лиц.

6. Не до конца аргументированным остается утверждение С. В. Черниченко о том, что физическое лицо может нести ответственность перед международным юрисдикционным органом и в то же время к нему не могут быть применены нормы международного права. Такое утверждение не совсем точно характеризует правовую природу института международной уголовной ответственности физических лиц вообще. Не корректно и высказывание С. В. Черниченко о том, что Международный военный трибунал представлял собой оккупационный суд. Упомянутый Закон N10 от 20 декабря 1945 г. предусматривал, что он издается в целях «осуществления Московской декларации от 30 декабря 1943 г., Лондонского соглашения от 8 августа 1945 г., Устава Международного военного трибунала в целях установления в Германии единообразных принципов судебного преследования военных и других подобных преступников, за исключением лиц, против которых ведется преследование Международным военным трибуналом»[12]. То есть, в Законе N10 речь идет о тех процессах над немецкими военными преступниками, которые осуществлялись военными трибуналами оккупационных держав в соответствующих зонах оккупации, а не о процессе над главными военными преступниками. Помимо этого, следует напомнить, что данный Закон был принят 20 декабря 1945 года, то есть ровно через месяц после начала процесса в Нюрнберге.

7. Во всех случаях ответственность физических лиц за нарушение норм международного права, то есть, за совершение преступлений против международного права, будет именоваться международной уголовной ответственностью тогда, когда уголовно-наказуемый характер таких

преступлений первично признан в соответствующих международно-правовых актах. При этом могут иметься в виду как международные преступления (преступления против мира и безопасности человечества), так и преступления международного характера.

В подтверждение последнего положения следует указать мнение П. С. Ромашкина, который считает, что «... идея о международной уголовной ответственности лиц, являющихся виновниками агрессии и военных преступлений, стала общепризнанным принципом современного международного права, хотя осуществление данного принципа может происходить в различных формах, в форме международной юрисдикции... и в форме национальной юрисдикции»[13]. Но и во втором случае - это международная уголовная ответственность, вытекающая из норм международного права и осуществляемая часто вопреки не только нормам национального права государства-правонарушителя, но и национального права страны в случае отсутствия в нем соответствующих норм.

Таким образом, из характера международной уголовной ответственности физических лиц попытаемся определить основания такой ответственности. Юридические основания международной уголовной ответственности физических лиц можно определить следующим образом: - это обязательные предписания международно-правовых актов, квалифицирующие отдельные составы в качестве международных преступлений, преступлений против мира и безопасности человечества или преступлений международного характера, ответственность за которые может быть возложена на физические лица, и устанавливающие принципы и нормы наказания.

В данном вопросе следует согласиться с мнением Ю. А. Решетова о том, что в некоторых международно-правовых актах формально речь идет о деяниях собственно государств, однако современное международное право исходит из возможности возложения за них ответственности и на физических лиц[14]. Не должно вызывать сомнение и то обстоятельство, что одним из главных юридических источников ответственности физических лиц за преступления против международного права являются международные договоры. К ним можно отнести следующие наиболее важные акты:

1) Парижский договор об отказе от войны в качестве средства национальной политики (Пакт Бриана-Келлога), 1928 г.

2) Устав Нюрнбергского военного трибунала, 1945 г. и Международного военного трибунала по Дальнему Востоку, 1946 г.

3) Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, 1948 г.

4) Женевские конвенции о защите жертв войны, 1949 г. и два Дополнительных протокола к ним, 1977 г.

5) Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами, 1949 г.

6) Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, 1956 г.

7) Единая конвенция о наркотических средствах, 1961 г.

8) Токийская конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г.

9) Конвенция о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, 1968 г.

10) Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, 1970 г.

11) Гаагская конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, 1970 г.

12) Монреальская конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, 1971 г., дополненная Протоколом о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, 1988 г.

13) Конвенция о психотропных веществах, 1971 г.

14) Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, 1973 г.

15) Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него, 1973 г.

16) Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, 1979 г.

17) Конвенция о физической защите ядерного материала, 1980 г.

18) Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, 1984 г.

19) Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, 1988 г.

20) Римская конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства и Римский протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1988 г.

21) Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях обнаружения, 1991 г.

22) Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, 1991 г.

23) Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии, 1993 г.

24) Устав Международного трибунала по Руанде для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории этой страны, а также граждан Руанды, ответственных за совершение таких действий в соседних государствах, 1994 г.

25) Статут Международного уголовного суда, 1998 г.

Подтверждением тому, что международный договор является главным источником исследуемого института, является тот факт, что как и во внутригосударственном, так и в международном уголовном праве одним из принципов законности традиционно рассматривается правило, согласно которому преступность и наказуемость деяния определяются законом, действующим во время совершения этого деяния. Так, в национальном уголовном законодательстве государств эффективность принципа законности обеспечивается наличием уголовных кодексов, перечисляющих все возможные составы преступлений. Главной отличие национального от международного уголовного права состоит в том, что в последнем пока еще не определяются вид и мера наказания. К примеру, при разработке проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества вопрос о санкциях решено было оставить на рассмотрение национального права государств. Тем не менее принцип “**nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege**” то есть, правило о невозможности наказания без принятого ранее закона также имеет большое значение как для института международной уголовной ответственности физических лиц, так и для международного уголовного права в целом.

Именно принцип «nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege» и его применимость к нормам международного права вызвали в свое время острые дискуссии среди ряда ученых по исследуемой проблеме. Прежде необходимо отметить, что по формулировке Комиссии международного права, согласно одному из принципов, признанному Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшим выражение в его решении, каждое лицо, обвиняемое в международно-правовом преступлении, имеет право на справедливое рассмотрение дела на основе фактов и права (Принцип V).

Адвокаты подсудимых на Нюрнбергском процессе выдвинули в этой связи вопрос о ретроактивности, то есть об обратной силе положений Устава Нюрнбергского трибунала. В настоящее время имеются ряд исследователей, которые поддерживают таким образом тезис о неправомерности решений Нюрнбергского трибунала, но и среди них нет единого мнения в отношении того, к каким из преступлений, рассматриваемых Нюрнбергским трибуналом, это относится. Так, к примеру, В. Алаззау в своем исследовании по данному вопросу пишет, что «преступления против человечности не были к этому времени признаны в качестве влекущих уголовное наказание»[15]. А по мнению западногерманского юриста Х. Бааде только нарушения законов и обычаев войны и преступления против человечности были наказуемы по международному праву к моменту Нюрнбергского процесса[16].

Таким образом, отталкиваясь от принципа “nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege” и не находя юридического основания для определения состава преступления против мира, указанные ученые и ряд их сторонников[17] выражают сомнения в правомерности привлечения Нюрнбергским военным трибуналом к международной уголовной ответственности лиц, обвиненных в преступлениях против мира.

Но в этой связи можно ответить как на необоснованные доводы защиты главных нацистских военных преступников, так и на высказывания указанных исследователей той формулировкой, которая была дана в приговоре Нюрнбергского военного трибунала. Так, в нем отмечалось, что ссылка на отсутствие в международном праве довоенного периода норм, запрещающих агрессивную войну, являлась несостоятельной, поскольку Пакт Бриана-Келлога провозгласил отказ от войны как инструмента национальной политики, что сделало такую войну беззаконной в соответствии с международным правом. «Те, кто планирует такую войну с ее неизбежными и ужасными последствиями, действуя таким образом, совершают преступление». Поэтому, - сделал вывод трибунал, - принцип «nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege» неприменим в данном случае[18].

Следовательно, следует считать, что делая такой вывод, трибунал принимал во внимание, прежде всего, опасность преступлений против мира для всего мирового сообщества. Поэтому согласимся с утверждением Ю. А. Решетова о том, что «с учетом общественной опасности преступлений против мира принцип «nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege» должен быть объявлен недействительным в интересах гарантирования другого, более важного в данном случае общего принципа правосудия, а именно: что не только не будет несправедливостью наказать тех, кто совершил эти преступления, но будет несправедливо оставить безнаказанным совершенное ими зло»[19].

Анализ Статута Международного уголовного суда, принятого по истечении 53-х лет с момента опубликования Устава Нюрнбергского трибунала, показывает, что его разработчики в Комиссии международного права попытались дать более точное толкование принципам «nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege» с тем, чтобы у общественности больше не возникало сомнений в правомерности распространения международной уголовной юрисдикции в отношении некоторых категорий преступлений, предусмотренных Статутом. Так, в статье 21 Статута «Применимое право» зафиксировано, что Суд вправе применять:

а) во-первых, настоящий Статут, Элементы преступлений и свои Правила процедуры и доказывания;

б) во-вторых, в соответствующих случаях, применимые международные договоры, принципы и нормы международного права, включая общепризнанные принципы международного права вооруженных конфликтов;

в) если это невозможно, Суд применяет общие принципы права, взятые им из национальных законов правовых систем мира, включая соответственно национальные законы государств, которые при обычных обстоятельствах осуществляли бы юрисдикцию в отношении данного преступления, при условии, что эти принципы не являются несовместимыми с настоящим Статутом и с международным правом и международно признанными нормами и стандартами[20].

Таким образом, из вышеизложенных положений Статута видно, что помимо применения норм и принципов международного права, в том числе международного права вооруженных конфликтов, Суд может обращаться к нормам и принципам национального законодательства государств. Главным условием для применения Судом норм и принципов национального права является их совместимость с нормами и принципами Статута и международно-правовыми нормами и принципами.

К общим принципам уголовного права Статут относит принципы: «Nullum crimen sine lege» (ст. 22); «Nulla poena sine lege» (ст. 23); «Rations personae» (ст. 24); «Индивидуальной уголовной ответственности физических лиц» (ст. 25); и «Неприменимость срока давности». Так, согласно обозначенным общим принципам уголовного права, зафиксированным в части 3 Статута Суда, лицо не подлежит уголовной ответственности по настоящему Статуту, если только соответствующее деяние в момент его совершения не образует преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда. При этом требуется точное толкование определения преступления и не должно допускаться применение определения преступления по аналогии. В случае двусмысленности определение всегда должно толковаться в пользу лица, которое находится под следствием, в отношении которого ведется судебное разбирательство или которое признано виновным. Но, как отмечается далее, вышеизложенное положение не может и не должно влиять на квалификацию любого деяния как преступного по международному праву, независимо от настоящего Статута Суда (ст. 22).

Из принципа «Nulla poena sine lege», указанного в статье 23 Статута, следует, что «лицо, признанное Судом виновным, может быть наказано только в соответствии с положениями настоящего Статута». Поэтому лицо не может подлежать уголовной ответственности в соответствии со Статутом суда за деяние до вступления Статута в силу (rations personae). При этом, в случае внесения изменения в закон, применимый к данному делу до вынесения окончательного решения или постановления, применяется закон, более благоприятный для лица, которое находится под следствием, в отношении которого ведется судебное разбирательство или которое признано виновным (ст. 24 Статута).

Неотвратимость наказания лиц, виновных в преступлениях против международного права, - один из важных принципов международного права, непосредственно связанных и с институтом международной уголовной ответственности физических лиц. Впервые зафиксированный в Московской декларации от 30 октября 1943 г., Лондонском соглашении от 6 августа 1945 г. и в некоторых других не менее важных документах государств антигитлеровской коалиции, данный принцип позднее более полно формулируется Комиссией международного права в первом нюрнбергском принципе: «Всякое лицо, совершившее какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, несет за него ответственность и подлежит наказанию».

Для придания императивного характера принципу неотвратимости наказания в 1968 году принимается также Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, которая устанавливает неприменение сроков давности, независимо от времени совершения, к: военным преступлениям, как они определяются в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала и подтверждаются резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН 3(I) от 13 февраля 1946 года и 95 (I) от 11 декабря 1946 года, также, в частности, «серьезные нарушения», перечисленные в Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 года; преступлениям против человечества, независимо от того, были они совершены во время войны или в мирное время, как они определяются в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала и подтверждаются в резолюциях 3(I) от 13 февраля 1946 года и 95 (I) от 11 декабря 1946 года Генеральной Ассамблеи ООН, изгнание в результате вооруженного нападения или оккупации и бесчеловечные действия, являющиеся следствием политики апартеида, а также преступление геноцида, определяемое в Конвенции 1948 года о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены (ст. 1).

Из вышеизложенных положений Конвенции 1968 года можно заключить, что, помимо выделения в отдельную категорию совершенно нового вида преступления - **преступления против человечества**, в ней еще раз наглядно продемонстрирован тезис о том, что принцип «Nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege», когда на него ссылаются в качестве основания для освобождения от ответственности по международному праву не может применяться, если деяние, не квалифицируемое по национальному праву в качестве уголовно-наказуемого, квалифицируется в качестве такового по международному праву. То есть, для правомерности привлечения к уголовной ответственности по международному праву не будет являться препятствием то обстоятельство, что по национальному праву, деяние, инкриминируемое индивиду, не является преступным.

По данным вопросам профессор Ю. Решетов пошел дальше установившегося правила, полагая, что «если какие-то процессуальные нормы мешают отправлению правосудия, то они, очевидно, могут временно не применяться или применяться в видоизмененной форме в интересах осуществления правосудия»[21]. Принцип недопустимости наказания без наличия ранее изданного закона является, по мнению профессора Ю. Решетова, общеправовым принципом. В качестве такового он может применяться как во внутреннем, так и в международном праве. Однако, каждая из этих систем права имеет свои особенности, оказывающие влияние на его функционирование.

Таким образом, еще раз показывая абсолютную применимость норм международного права в отношении преступлений физических лиц, направленных против этого права, угрожающих в целом всему международному правопорядку, необходимо отметить, что в случае совершения каким-либо государством преступления против международного права нормы последнего могут и

должны применяться в отношении виновных физических лиц. В такой ситуации суверенитет государства не может охранять и защищать виновных физических лиц от непосредственного действия международного права. Здесь не возникает необходимости санкционировать национальным правом применение норм международного в отношении субъектов национального права. Ответственность физических лиц в таком случае является международно-правовой. В случае совершения государством международного преступления - именно в силу правомерного ограничения его суверенитета - виновные физические лица подпадают под непосредственное действие норм международного права, определяющих их международную уголовную ответственность[22].

Уже было отмечено, что в национальном праве государств преступность и наказуемость какого-либо деяния определяется законодателем и выражается в наличии специальных кодексов. В международном праве же такого законодателя не существует и как отмечалось в приговоре Нюрнбергского трибунала «международное право не является продуктом международного законодательства и такие международные соглашения, как Пакт Бриана-Келлога должны рассматривать общие принципы, а не формальные вопросы процедуры». Особенность в данном случае международного права заключается в том, что в международных договорах устанавливается, как правило, только преступность тех или иных деяний, тогда как вопрос о конкретной санкции за их осуществление остается на рассмотрение национального права. Следовательно, ошибочными можно считать утверждения о том, что принцип «Nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege» не применим в отношении преступлений против международного права.

Следует согласиться, что международно-правовая квалификация какого-либо деяния как преступного без конкретного указания о виде и мере наказания имеет важные юридические последствия. В частности, одним из таких последствий является допустимость того, чтобы конкретная мера наказания определялась либо национальными судами, либо международным трибуналом уже после совершения таких действий. Следовательно можно утверждать, что общие принципы уголовного права «Nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege» применимы и в международном праве с одной лишь оговоркой, что конкретный вид и мера наказания могут устанавливаться после совершения преступления. Но и эта оговорка относительна, потому что как международные трибуналы, так и национальные суды, устанавливая меру наказания за международное преступление, по общему правилу, действуют по аналогии, то есть устанавливают наказание примерно в пределах существующего за самые серьезные преступления во внутреннем праве[23].

Для подтверждения вышеизложенного положения обратимся к ныне функционирующим Международным трибуналам по Руанде и бывшей Югославии. Так, в Уставе руандийского трибунала в статье 23 «Меры наказания» зафиксировано, что «Наказание, назначаемое Судебной камерой, ограничивается тюремным заключением. При определении сроков тюремного заключения Судебные камеры руководствуются общей практикой вынесения приговоров о тюремном заключении в судах Руанды»[24]. Аналогичное положение закреплено и в статье 24 Устава Трибунала по бывшей Югославии: «Наказание, назначаемое Судебной камерой, ограничивается тюремным заключением. При определении сроков тюремного заключения Судебные камеры руководствуются общей практикой вынесения приговоров о тюремном заключении в судах бывшей Югославии».

Разработчики Статута Международного уголовного суда, с учетом того, что отсутствие указания на конкретные применимые меры наказания может вызвать сомнения у противников международной уголовной юстиции, решили включить в Часть 7 Статута положения о применимых мерах наказания (ст. 77) и об определении меры наказания (ст. 78). Так, к применимым мерам наказания отнесены:

a) лишение свободы на определенный срок, исчисляемый в количестве лет, которое не превышает максимального количества в 30 лет; или

b) пожизненное лишение свободы в тех случаях, когда это оправдано исключительно тяжким характером преступления и индивидуальными обстоятельствами лица, признанного виновным в его совершении;

c) помимо лишения свободы - штраф в соответствии с критериями, предусмотренными в Правилах процедуры и доказывания;

d) конфискация доходов, имущества и активов, полученных прямо или косвенно в результате преступления, без ущерба для прав bona fide третьих сторон.

При определении меры наказания Международный уголовный суд в соответствии с Правилами процедуры и доказывания принимает во внимание такие немаловажные факторы, как тяжесть преступления и личность осужденного. При этом здесь под «личностью осужденного» понимается то обстоятельство, что особое положение осужденного (глава государства, ответственное должностное лицо правительства) не может являться основанием для смягчения наказания, а наоборот должно в большей мере способствовать ужесточению меры наказания за деяния, совершенные такими лицами. Это положение, в частности, подтверждено в статье 7 Устава Нюрнбергского трибунала.

Не исключены и такие обстоятельства, когда за какое-либо деяние по национальному праву не установлено наказания, хотя такое деяние признается уголовно-наказуемым в международном праве. В данном случае следует вновь обратиться к сформулированным Комиссией международного права Принципам международного права, признанным Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшим выражение в решении этого трибунала. В частности, Принцип II содержит следующее обоснование по данной ситуации: «То обстоятельство, что по внутреннему праву не установлено наказания за какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, не освобождает лицо, совершившее это действие, от ответственности по международному праву».

Из изложенного положения Принципа II видно, что такие юридические категории, как «уголовное наказание по национальному праву» и «международно-правовая квалификация деяния преступным» как бы приравниваются. С одной стороны, определение преступного характера некоторых деяний означает хотя бы возможность наказания за них. Но наиболее важно для нас то, что эти две юридические категории равнозначны по объему, то есть вызывают одинаковые правовые последствия, являясь юридическим основанием ответственности за противоправные действия.

Таким образом, анализ некоторых общих принципов уголовного права имеет свои характерные особенности в международном праве, и непосредственно для исследуемой проблемы. Однако эти особенности нельзя сводить только к установлению конкретной санкции уже после совершения соответствующих преступных действий. В связи с этим, как отмечает Ю. А. Решетов, «если преступный характер такого рода деяния уже установлен в международном праве, а сами они имеют вопиюще тяжкий и массовый характер, то уточнение объективной стороны преступления, то есть самих преступных, с точки зрения международного сообщества, деяний может быть сделано позднее». В частности, первым доказательством такого утверждения он правомерно считает Нюрнбергский процесс, когда Устав Нюрнбергского трибунала был разработан уже после фактического совершения действий, которые, однако, уже ко времени опубликования Устава признавались преступными.

Для более широкого определения объема международной уголовной ответственности физических лиц следует прежде отметить, что с теоретической точки зрения можно возразить по поводу того, что международная уголовная ответственность физических лиц является самостоятельным институтом международного права, отличным от института ответственности государства. Особенно ярко это проявляется в случае непричастности государства к совершению международного преступления. В принципе, при международной уголовной ответственности физических лиц первоначально принимаются во внимание собственные действия данного индивида как члена человеческого общества против этого сообщества вообще и основ его современной организации в частности (соответственно в случае преступлений против человечности и преступлений против мира). Лишь в процессе реализации ответственности (получения юрисдикционной власти над предполагаемым преступником, становления виновности и закрепления ее в приговоре, присуждения наказания и его исполнения) фактор связи с государством, причастности государства к преступлению играет большую роль, влияя на ее возможность, степень, способ и другие характеристики действия юрисдикционной власти в отношении преступника[25].

При этом так называемая «Доктрина государственного акта» никак не может влиять на объем международной уголовной ответственности конкретного индивида, виновного в совершении международного преступления. Еще Нюрнбергский трибунал своими решениями категорически

отверг данную доктрину, в соответствии с которой деяния, совершаемые государственными органами, инкриминируются только собственно государству, что исключает индивидуальную вину лиц, являющихся исполнителями этих деяний. В доктрине утверждалось следующее: международное право рассматривает лишь действия суверенных государств, не устанавливая наказания для отдельных лиц; там, где рассматриваемое действие является действием, совершенным государством, официальные лица такого государства, которые фактически осуществляли это, не несут личной ответственности, а стоят под защитой доктрины о суверенности государства[26]. Практически невозможным, в соответствии с доктриной, считалось привлечение к ответственности главы государства как за собственные действия, так и за действия своих подчиненных.

Именно Нюрнбергский процесс, как уже неоднократно отмечалось, полностью опроверг данную доктрину, закрепив принцип индивидуальной уголовной ответственности за преступления против международного права, указав, что такие преступления совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных индивидов, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права. При этом Нюрнбергский трибунал исходил из того, что «должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государств или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания» (ст. 7 Устава). По данному вопросу следует согласиться с утверждением Ю. А. Решетова о том, что намечается тенденция рассматривать при совершении международных преступлений высокое положение лиц в государственном аппарате в качестве отягчающего обстоятельства. Такое положение, как по мнению Ю. А. Решетова, так и ряда авторов, предполагает знание этими лицами положений международного права о преступности тех или иных актов и их обязанность принимать меры к точному выполнению этих предписаний[27].

Одной из разновидностей доктрины государственного акта во время Нюрнбергского процесса явились утверждения адвокатов главных военных преступников о том, что в случае выполнения даже преступного приказа подчиненные не несут ответственности за преступления, явившиеся следствием выполнения такого приказа, поскольку эти действия представляют собой действия государства. Тем не менее, такого рода утверждения лишены всякого смысла, так как ссылки на преступный приказ ни в одном цивилизованном государстве не считаются основанием для освобождения от надлежащей уголовной ответственности. К примеру, в самой фашистской Германии, как утверждает Алаззау, был разработан и применялся военный кодекс, согласно которому подчиненный был ответственен за приказ, если понимал преступный характер такого приказа[28]. Для сравнения отмечу, что современное уголовное законодательство Республики Казахстан по данному вопросу содержит положения, в соответствии с которыми «лицо, совершившее умышленное преступление во исполнение заведомо незаконного приказа или распоряжения, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Неисполнение заведомо незаконного приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность».

Устав Нюрнбергского трибунала однозначно утвердил принцип, в соответствии с которым «тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания, если трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия»[29].

В дальнейшем данный принцип был закреплен Комиссией международного права в нюрнбергских принципах с одним лишь исключением, что непосредственно в Принципе IV данного документа уже не упоминается возможность рассмотрения приказа как такового в качестве смягчающего обстоятельства: «То обстоятельство, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказа своего правительства или начальника, не освобождает это лицо от ответственности по международному праву, если сознательный выбор был фактически для него возможен»[30]. Таким образом, интерпретируя утверждение Нюрнбергского трибунала по поводу того, что критерием смягчающего обстоятельства является не сам факт наличия приказа, а вопрос о том, был ли практически возможен моральный выбор, Комиссия международного права в указанном Принципе IV подтвердила положение о том, что исполнение приказа правительства или

начальника не освобождает от ответственности по международному праву, если сознательный выбор был фактически для него возможен.

Многократно цитировавшийся профессор Ю. Решетов в своем исследовании вполне правомерно подвергает сомнению формулировку слова «фактически», полагая, что данная формулировка значительно снижает превентивное действие указанного принципа[31]. «Ведь если «сознательный выбор», - далее указывает он, - означает, что данное лицо понимает противоправность отданного приказа и возможность такого выбора сравнительно просто может быть доказана ссылкой на существование определенный уставов, инструкций, в частности определяющих преступный характер тех или иных действий, то виновное лицо в большинстве случаев может ссылаться на фактическую невозможность отказа от выполнения преступного приказа». В качестве доказательства вышеуказанных положений приводится дело американских военнослужащих во время войны во Вьетнаме, когда 16 марта 1968 года ими в местечке Сонг Ми было уничтожено большое количество этнических вьетнамцев из числа гражданского населения. В то время в вооруженных силах Соединенных Штатов действовал устав от 18 июля 1956 года, в соответствии с которым устанавливалась ответственность за военные преступления. В нем также содержалось положение о распространении ответственности и на командиров, в случаях когда их подчиненные совершали военные преступления.

В свою очередь, следует полностью согласиться с положением Принципа IV Нюрнбергских принципов и признать, что никакой приказ официального государственного органа или начальника, не может являться основанием для освобождения от ответственности лица, выполнившего его, если такое лицо осознавало преступный характер исполненного приказа и имело возможность отказаться от его исполнения. В данном случае лицо, исполнившее преступный приказ, не может быть освобождено от ответственности именно по международному праву, а также не может ссылаться на национальные законы и правила в случаях, когда те оправдывают такое лицо.

После Нюрнбергского процесса принцип о том, что тот факт, что обвиняемое лицо действовало по приказу правительства или начальника, не освобождает его от ответственности за совершенные деяния по международному праву, был подтвержден во многих других международных документах, посвященных международным преступлениям, среди которых следует особо отметить Конвенцию о геноциде 1948 года (ст. 4), Конвенцию об апартеиде 1973 года (Ст. 3), Конвенцию о неприменимости сроков давности 1968 года (ст. 2), проект Кодекса преступлений 1991 года (ст. 13), Уставы Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде (ст. 7, п. 4 устава югославского трибунала и ст. 6, п. 4 устава руандийского трибунала) и Статут Международного уголовного суда (ст. 28).

Так же как и в национальном уголовном праве, в международном уголовном праве **соучастие в совершении преступления против международного права** признается преступлением. Под соучастием в преступлениях против международного права следует понимать совместное, умышленное участие двух и более лиц в совершении таких преступлений. Наряду с исполнителем соучастниками преступления против международного права следует признавать организатора, подстрекателя и пособника.

Уже Нюрнбергский трибунал исходил из наличия при осуществлении преступлений против мира, человечности и военных преступлений особого вида сплоченного соучастия, заговора, в составлении или осуществлении которого принимали непосредственное участие руководители, организаторы, подстрекатели и пособники.

Позднее, данное положение нашло свое закрепление и в Принципах международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в решении этого трибунала: «Соучастие в совершении преступления против мира, военного преступления или преступления против человечности, о которых гласит Принцип VI, есть международно-правовое преступление» (Принцип VII)[32].

В 1954 году, при разработке проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, Комиссия международного права выделила три самостоятельных вида соучастия: *участие в заговоре, направленном на совершение таких преступлений; прямое подстрекательство к их совершению; соучастие в их совершении и покушение на их совершение* [33].

Все вышеуказанные составы соучастия были включены и в Международную конвенцию о пресечении преступления апартеида и наказании за него, 1973 г. Так, в статье 3 конвенции определяется, что «международной уголовной ответственности, независимо от мотива, подлежат лица, члены организаций и учреждений и представители государств, проживающие как на территории государства, где совершаются эти действия, так и в любом другом государстве, где они:

a) совершают, участвуют в совершении, непосредственно подстрекают или замышляют совершение актов, указанных в статье 2 настоящей Конвенции;

b) непосредственно содействуют, поощряют или сотрудничают в совершении преступления апартеида».

Из вышеизложенных положений рассматриваемой конвенции, ясно, что в ней непосредственно определены соучастие и подстрекательство, тогда как под термином «замышляют» следует понимать непосредственный заговор и покушение. При этом наибольшую угрозу для мирового сообщества, в случаях совершения международных преступлений, имеют именно подстрекательство и заговор. Так, помимо непосредственного подстрекательства к совершению того или иного международно-противоправного деяния, некоторые исследователи под «подстрекательством», к примеру, в отношении военных преступлений, понимают дачу лицами, занимающими положение, которое обязывает их применять меры к исполнению законов и обычаев войны, приказов вышестоящих органов, если эти приказы противоречат нормам международного гуманитарного права[34].

Довольно точным, в этой связи, является утверждение Ю. А. Решетова в отношении заговора. Так, он считает, что именно «благодаря заговору международное преступление приобретает особенно зловещую форму государственного преступления, когда группа лиц, которую во внутреннем праве назвали бы бандой, подчиняет себе государственный аппарат тех или иных стран, использует его в преступных целях»[35].

В международном праве выделяют следующие наиболее характерные признаки заговора в совершении преступлений против международного права:

- объектом заговора может быть другое государство или группа государств, в отношении которых предполагается либо совершается такое преступление;
- целью заговора является захват власти внутри государства, уничтожение вооруженных и других противоборствующих сил и внешняя экспансия, подрыв экономической и внутриполитической системы другого государства или группы государств и др.;
- заговор, как правило, осуществляется сплоченной, организованной группой руководителей и других ответственных лиц государства, осуществляющих свои полномочия в соответствии с внутренним правом такого государства;
- особенностями заговора являются очевидная конспирация, предательство интересов своего народа и грубое нарушение целей, принципов и норм международного права и, в особенности, принципов невмешательства во внутренние дела государств, суверенного равенства государств, всеобщего уважения прав человека.

Непосредственную формулировку заговора содержит, к примеру, военный план милитаристской Японии: «Япония должна оставаться нейтральной в германо-советской войне, тайно готовясь к нападению на Советский Союз, которое должно быть совершено тогда, когда станет ясно, что Советский Союз настолько ослаблен войной, что не сможет оказать эффективного сопротивления»[36]. В связи с этим, все действия военного руководства Японии в тот период были квалифицированы Токийским трибуналом как заговор против мира[37].

Как в национальном, так и в международном уголовном праве к числу соучастников относят также и **пособников в совершении преступления**. Под «**пособником в совершении преступления против международного права**» следует понимать лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, орудий или средств совершения такого преступления, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, орудия или иные средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы. К примеру, при проведении репрессий против мирного населения официальные должностные лица карательных органов ЮАР пользовались поддержкой и содействием

соответствующих западных служб.

Иная ситуация обстоит с ответственностью физических лиц за преступления международного характера. Преступления международного характера, наряду с международными преступлениями представляют собой преступления против международного права и, соответственно, определяются как «международно-противоправные деяния (с наличием иностранного элемента), нарушающие или создающие угрозу развитию международных отношений»[38]. Отличительной особенностью данной категории преступлений от других преступлений против международного права является то, что они имеют международный характер не по составу, а по обстоятельствам совершения, то есть «преступления, караемые внутренним правом, но имеющие в силу конкретных обстоятельств международный характер»[39].

За совершение таких преступлений физические лица несут ответственность только перед национальными уголовными судами, а реализация принципа неотвратимости наказания осуществляется посредством экстрадиции виновных лиц. К тому же, практически все конвенционные преступления предусмотрены нормами национального уголовного закона государств, с учетом того, что степень опасности для мирового сообщества таких преступлений намного ниже по сравнению с международными преступлениями.

С учетом того, что ответственность физических лиц за преступления международного характера реализуется национальными судами государств, к такой ответственности непосредственно применимы общие понятия и институты внутреннего уголовного права государств. Принимая во внимание международно-противоправный характер таких преступлений, в отношении них применим принцип универсальной юрисдикции, который, в свою очередь, имеет своей целью претворение в жизнь другого принципа – «неотвратимости наказания за совершенное деяние». Государства не несут никакой ответственности за преступления международного характера, и всецело способствуют наказанию лиц, виновных в совершении таких преступлений, сотрудничая друг с другом в вопросах оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам, в том числе, и в вопросах экстрадиции преступников. Принцип «либо выдай, либо суди» должен быть основополагающим при судебном преследовании и наказании физических лиц за преступления международного характера.

К вышеизложенному следует добавить, что в связи с принятием в 1991 году Комиссией международного права проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, стираются границы, разделяющие такие две категории преступлений, как международные преступления и преступления международного характера[40]. Поэтому, руководствуясь общепризнанными правилами, к преступлениям против мира и безопасности человечества отнесены некоторые, наиболее опасные международные преступления и преступления международного характера: агрессия, угроза агрессии, вмешательство во внутренние дела других государств, колониальное господство и другие формы иностранного господства, геноцид, апартеид, систематическое и массовое нарушение прав человека, исключительно серьезные военные преступления и преднамеренный ущерб окружающей среде[41].

Признание и дальнейшее развитие как института международной уголовной ответственности физических лиц, так и, в целом, международно-правовых норм в области борьбы с международной преступностью - наиважнейшая гарантия обеспечения прочной защиты мира и международной безопасности, недопущения посягательств на права и свободы человека во всем мире. Помимо этого, данный институт и рассматриваемые нормы международного права носят, безусловно, еще и превентивный характер.

Таким образом, привлечение к международной уголовной ответственности лиц, виновных в совершении тех или иных видов преступлений против международного права, будет способствовать предупреждением о неотвратимости наказания для тех, кто намеревается посягнуть в будущем:

- на безопасность и мир во всем мире;
- на основополагающие принципы международного права цивилизованных государств;
- на всю систему функционирования и поддержания нормальных международных отношений и международного правопорядка;
- на установленные принципы и систему внутреннего права и правосудия;
- на человеческое достоинство, неотъемлемые права и свободы человека.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К ГЛАВЕ 4

1) Какие понятия и институты, известные в первую очередь национальному уголовному праву, содержатся в общей теории международного уголовного права?

2) Каковы особенности определения возраста в международном уголовном праве, с которого наступает – международная уголовная ответственность за международные преступления?

3) Что является юридическим основанием международной уголовной ответственности?

4) В чем заключается сущность и значение принципа «nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege»?

5) Как можно охарактеризовать объем международной уголовной ответственности физических лиц?

6) В чем заключается несостоятельность Доктрины государственного акта?

---

[1] History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of the Laws of War. London, 1948. 38 p.

[2] Уголовный кодекс Республики Казахстан. Алматы: Жеты Жаргы, 1997. С. 274.

[3] См.: Галенская Л. Н. Право убежища. Москва, 1968. С. 46-47.

[4] Шуршалов В. М. Международные правоотношения. Москва, 1971. С. 36.

[5] Черниченко С. В. Допуск индивидов в международные суды и международная правосубъектность. М., 1969. С. 271.

[6] Колосов Ю. М. *Указ. соч.* С. 124-125.

[7] Колосов Ю. М. *Указ. соч.* С. 125.

[8] Ушаков Н.А. Основания международной ответственности государств. Москва, 1983. С. 23.

[9] Международное уголовное право. Под ред. В.Н.Кудрявцева. М.:Наука, 1999. С. 118-119.

[10] Черниченко С. В. Статус подсудимых в международных судебных органах//Советское государство и право. М., 1971. №7. С. 67.

[11] Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. Москва, 1966. С. 43.

[12] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. - Т. I. - Москва, 1955. С. 79.

[13] Ромашкин П.С. Преступления против мира и человечества. Москва, 1967. С. 255.

[14] Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. Москва, 1983. С. 169.

[15] Alazzawi V. Criminal Responsibility of Individuals under International Law. University of Tennessee, 1967. P. 145.

[16] Baade H. Individual Responsibility: The Future of the International Legal Order. Princeton, New Jersey, 1972. vol. IV. P. 307-308.

[17] Об этом подробнее см.: Kastner K. Der Nurenberger Prozeβ: Das Internationale Militartribunal 1945-56, in: JA 27 (1995), 802 ff.; Bassiouni C. Crimes against Humanity in International Criminal Law. Dordrecht/Boston/London, 1992.; Becker A. Der Tatbestand des Verbrechens gegen die Menschlichkeit zur Problematik eines volkerrechlichen Strafrechts. Berlin, 1996.

[18] Решетов Ю. А. *Указ. соч.* С. 179.

[19] Решетов Ю. А. *Указ. соч.* С. 179.

[20] Международное уголовное право в документах. Том 1. Алматы: Гылым, 1999. С. 167-168.

[21] Решетов Ю. А. *Указ. соч.* С. 179.

[22] Международное уголовное право. Под ред. В.Н.Кудрявцева. М.:Наука, 1999. С. 119.

[23] Более подробно об этом см.; Ambos Kai. Establishing an International Criminal Court and an International Criminal Code: Observations from an Internatopnal Criminal Law Viewpoint. EJIL 7 (1996), 519 ff; Kaul Hans-Peter. Towards a Permanent International Criminal Court: Some Observations of a Negotiator. HRLJ 18 (1997), 169 ff; Ziegler A. Domestic Prosecution and International Cooperation with Regard to Violations of International Humanitarian Law: The Case of Switzerland, SZIER 7 (1997), 561 ff.

[24] Международное уголовное право в документах. Том 1. С. 128.

[25] Блищенко И.П., Фисенко И.В. Международный уголовный суд. Москва, 1998. С. 43.

[26] Решетов Ю. А. *Указ. соч.* С. 184.

[27] Полторак А. И. Нюрнбергский процесс (Основные правовые проблемы). Москва, 1966. С. 196-197.

[28] Alazzawi V. Criminal Responsibility of Individuals under International Law. Tennessee, 1977. P. 147.

[29] Ответственность за военные преступления и преступления против человечества. Сборник документов. С. 30.

[30] Международное уголовное право в документах. Том. 1. С. 81.

[31] Решетов Ю. А. *Указ. соч.* С. 186.

[32] Международное уголовное право в документах. Том 1. С. 82.

[33] Department of the Army. The Law of the Land Warfare. Field Manual. №27-10. Washington, 1956. P. 83.

[34] Полторак А. И. *Указ. соч.* С. 202.

[35] Решетов Ю. А. *Указ. соч.* С. 189.

[36] Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. Москва, 1984. С. 113.

[37] Панов В.П. *Указ. соч.* С. 37.

[38] Словарь международного права. Москва, 1982. С. 168.

[39] Блищенко И.П., Жданов Н.В. Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера. Москва, 1984. С. 52.

[40] Панов В.П. *Указ. соч.* С. 56-57.

[41] Международное уголовное право в документах. Том 1. С. 100.

ГЛАВА 5. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ И ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

В целях окончательного разрешения проблемных вопросов разграничения ответственности государств и физических лиц за преступления против международного права, следует признать, что такие преступления совершаются государством в политических целях, за что оно несет соответствующую международную ответственность. Физические лица, совершающие преступления против международного права, подлежат за свои действия индивидуальной уголовной ответственности, в данном случае - международной уголовной ответственности.

Общепризнанной является точка зрения, в соответствии с которой государство, совершающее международное преступление, непосредственно соприкасается с нормами международного права. Физическое лицо же нарушает нормы международного права через посредство государство[1]. В связи с этим уже приводилось утверждение С. В. Черниченко о том, что за эти нарушения такое лицо подлежит ответственности и именно «в международном праве следует искать основания уголовной ответственности данных лиц», но «не ответственность является международно-правовой, а ее основания»[2].

Таким образом, можно предположить, что государство, как правило, совершает то или иное международное преступление в политических целях и подлежит международно-правовой ответственности. В случае совершения таких преступлений индивидами последние подлежат уголовной ответственности. Совпадение же составов преступлений индивидов и государства можно объяснить тем, что действия самого государства и есть действия его должностных лиц, хотя необходимо согласиться с утверждением В. А. Вадапаласа и П. М. Куриса о том, что «направления политики государства в целом занимают более значительное место, чем вина тех или иных должностных лиц»[3].

Непохожей по форме и объему является ответственность за такой вид преступлений против международного права, как преступления международного характера, то есть деяния, предусмотренные международными договорами и посягающие на нормальные отношения между государствами, наносящие ущерб мирному сотрудничеству в различных областях отношений (экономической, социально-культурной, имущественной и т. п.), но, при этом, не относящиеся к преступлениям против человечества, мира и безопасности[4]. Такие преступления имеют международный характер не по составу, а по обстоятельствам совершения, то есть преступления, караемые внутренним правом, но имеющие в силу конкретных обстоятельств международный характер[5]. Таким образом, государство не может рассматриваться в качестве субъекта ответственности за такие преступления, а ответственность физических лиц наступает перед национальными судами государств.

Принимая во внимание то обстоятельство, что в теории международного права при анализе режима ответственности принято различать прежде всего виды и формы ответственности государств, необходимо более подробно рассмотреть вопросы, связанные непосредственно с реализацией ответственности государств за те или иные виды международно-противоправных деяний, определить объем такой ответственности. Именно анализ правовой природы ответственности государств за международные преступления поможет более полно выявить разграничение между ответственностью государств и физических лиц по международному праву.

Еще раз следует отметить, что одной из важнейших проблем в международном уголовном праве является проблема ответственности государств, в первую очередь, за международные преступления, так как последние относятся к тягчайшим международно-противоправным деяниям, подрывающим основные принципы международного права, угрожающим международному миру и безопасности. Таким образом, установление и осуществление ответственности государства за совершенное в процессе международного общения противоправное деяние - одна из коренных задач поддержания международного правопорядка, эффективности международно-правового регулирования.

Говоря об ответственности государств, прежде всего следует отметить, что в современном международном праве действует принцип добросовестного выполнения государствами своих обязательств в отношении других субъектов международного права, который одновременно

служит основой международного общения (pacta sunt servanda). В связи с этим, важную роль в деле поддержания международного правопорядка играет институт международно-правовой ответственности государств за соблюдение ими своих обязательств по международному праву. Нарушение государством своего международного обязательства влечет за собой международную ответственность, однако ущерб, вызванный тем или иным международным правонарушением, может быть различным и именно ущерб должен обусловливать конкретные объем, вид и форму ответственности государства.

Еще в 1949 году в повестку дня первой сессии Комиссии международного права сразу же был включен для рассмотрения вопрос об ответственности государств и с тех пор было уже представлено 29 докладов. Шесть первых докладов по рассматриваемому вопросу ограничивались ответственностью государств за причинение ущерба личности или имуществу иностранцев. Именно таким образом трактовался вопрос относительно ответственности государств в международно-правовой литературе, а также и на практике. Но вскоре, стало вполне очевидным, что такой подход к рассматриваемому вопросу не совсем отвечает новому уровню развития международных отношений и международного права. В связи с этим, в 1962 году Комиссия международного права учредила специальный подкомитет, поручив ему подготовить доклад относительно сферы охвата будущего исследования, а по сути дела - о новой концепции международно-правовой ответственности. После этого началась разработка института международной ответственности государств в целом. После многих лет работы, на последней сессии Комиссия международного права приняла в первом чтении проект статей об ответственности государств, с тем чтобы он был передан правительствам для получения их замечаний к началу 1998 года[6].

Первая часть проекта озаглавлена “Происхождение международной ответственности“ и состоит из четырех глав, которые посвящены изложению общих принципов, понятиям «деяние государства» по международному праву и «нарушение международных обязательств», а также причастности одного государства к международно-противоправному деянию другого. Так, принципами проекта статей являются:

а) всякое международно-противоправное деяние государства влечет за собой его международно-правовую ответственность;

б) любое государство может рассматриваться как совершившее международно-противоправное деяние;

в) элементами такого деяния являются: 1) любое поведение, заключающееся в действиях или бездействии, которое может присваиваться государству; 2) такое поведение представляет собой нарушение международно-правовых обязательств этого государства;

г) деяние квалифицируется как противоправное лишь на основе международного права. На такую квалификацию не может влиять квалификация этого деяния внутренним правом государства как правомерного.

Вторая часть называется «Содержание, формы и степени международной ответственности» и состоит из четырех глав. Первая глава включает в себя общие положения (последствия противоправного деяния, lex specialis, понятие потерпевшего государства и др.). Вторая глава посвящена правам потерпевшего государства и обязательствам государства, совершившего международно-противоправное деяние. Глава 3 полностью посвящена институту контрмер. В ней утверждается, что за государством не предусмотрено право на «санкции», которые может применять лишь международная организация в пределах своей компетенции. Что же касается государства, то оно вправе применять контрмеры в случае, если государство, совершившее деликт, не выполняет свои обязанности, которые вытекают из правоотношения ответственности. Под контрмерами понимается отказ от соблюдения одного или нескольких своих обязательств по отношению к государству, совершившему деликт. Установлены условия применения контрмер.

Наибольший интерес представляет глава 4, которая посвящена международным преступлениям и именно это понятие явилось предметом острой дискуссии. Под таким преступлением проект понимает международное деяние, являющееся результатом нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается международным сообществом как преступление (ст.19).

Выше изложенное определение международного преступления не отличается точностью и его

задача сводится, скорее всего, лишь к закреплению самой идеи наличия особо тяжких правонарушений, влекущих за собой особую ответственность. В связи этим первоначально необходимо определиться с понятием «вид ответственности государства», рассмотреть основные критерии установления видов и форм ответственности государств за международные преступления.

Обычно в международном праве под «видом ответственности государства» понимают общее содержание последствий международно-противоправного деяния, их юридический характер. Как отмечал Ю. В. Петровский «формами такой ответственности государств являются способы осуществления ответственности в пределах данного вида»[7]. Критериями установления видов и форм ответственности государств являются характер и объем ущерба, наносимого противоправным поведением государства[8].

В свою очередь, противоправное поведение государства может нанести реальный материальный ущерб другому государству или группе государств, а также может привести к упущенной выгоде, то есть к реальным потерям пострадавшего государства или группы государств, которых не было бы, если бы не имело место противоправное поведение государства-делинквента[9]. Причинение же нематериального ущерба также выражается в отрицательных последствиях противоправного поведения государства, нарушающего международный правопорядок и нематериальные интересы других государств. В связи с этим, при определении видов и форм ответственности государства-правонарушителя должны обязательно учитываться именно характер и объем причиненного ущерба.

Как правило, при совершении государством такого наиболее тяжкого международного преступления, как агрессия, таким государством, будем его именовать государством-агрессором, помимо повышенной угрозы международной безопасности, причиняется и огромный материальный ущерб. Именно последнее обстоятельство должно учитываться другими государствами или всем мировым сообществом при определении государству-агрессору соответствующих видов и форм ответственности.

При разрешении вопроса об ответственности государства-правонарушителя, кроме объема и характера причиненного таким государством ущерба, должна учитываться и реальная степень вины такого государства. То есть, если будет установлено, что ущерб, причиненный государством-правонарушителем, есть прямое следствие заранее запланированной и целенаправленной официальной политики и противоправного умысла, то естественной реакцией должно быть установление особо режима ответственности такого государства.

Принимая во внимание выше изложенные положения относительно характера и объема ущерба, причиняемого государством-правонарушителем, следует отметить, что в современном международном праве выделяют два основных вида ответственности государств - материальную и нематериальную (политическую). Сразу заметим, и об этом будет говориться ниже, что в доктрине международного права выделяют дополнительно третий вид ответственности государств, а именно уголовную ответственность.

Материальная ответственность, выражающаяся в обязанности возместить материальный ущерб, реализуется в форме:

- реституции, то есть восстановления материального положения, существовавшего до правонарушения;

- субституции – разновидности реституции, представляющей собой замену неправомерно уничтоженного или поврежденного имущества, зданий, транспортных средств, художественных ценностей, личного имущества;

- объективной (абсолютной) ответственности, возникающей исключительно на основании договоров и вне зависимости от вины причинителя ущерба, то есть за ущерб, причиненный в процессе правомерной деятельности;

- репарации, представляющей собой денежную или иную компенсацию убытков потерпевшей стороне.

Уже в решениях Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г. и Берлинской (Потсдамской) конференции 1945 года предусматривалась уплата репарации Германией, а в мирных договорах 1947 г. - уплата репарации государствами - бывшими союзниками Германии во второй мировой войне.

Следует добавить, что в соответствии с решениями Крымской конференции на Германию был наложен объем репараций значительно меньше ущерба, который она нанесла Объединенным Нациям. Но данное обстоятельство было компенсировано мерами карательного и превентивного характера, принятыми союзниками для ограничения суверенитета Германии. Сразу после безоговорочной капитуляции фашистской Германии союзные державы, как известно, взяли на себя функции верховной власти в этой стране, полностью разоружили и демилитаризировали ее, уничтожили германский военный потенциал, ликвидировали и запретили нацистские организации. На территории всей Германии был установлен оккупационный режим. Некоторые из отмеченных мер были применены и в отношении бывших союзников фашистской Германии - Италии, Румынии, Венгрии и Финляндии.

Так называемые «контрибуции», то есть взимание победителем с побежденного своих военных издержек, имели место в период, когда войны считались законным способом разрешения межгосударственных споров и современное международное право запрещает практику их применения. Уже в Версальском мирном договоре 1919 г. нет упоминания о контрибуции, а говорится лишь о репарации как о форме возмещения ущерба, причиненного Германией и ее союзниками в ходе первой мировой войны.

Нематериальная (политическая) ответственность выражается в форме:

1) сатисфакций, выражающихся в том, что государство-правонарушитель предоставляет удовлетворение пострадавшему государству: выражает сожаления; приносит публичное извинение; заверяет в наказании виновных лиц; оказывает особые почести пострадавшему государству и т. д.;

2) репрессалий – разновидности контрмер, представляющих собой правомерные принудительные действия государства, направленные на восстановление своих прав, нарушенных другим государством, при помощи действий иных, чем применение силы или угроза силой;

3) реторсий[10] - следующего вида контрмер в виде ответных акций в связи с недружественными действиями, не составляющими правонарушения (например, отзыв посла в ответ на недружественное заявление)[11];

4) коллективных санкций, которые, согласно Уставу ООН, могут предприниматься только на основании решений Совета Безопасности в отношении государств, действия которых представляют собой угрозу миру или нарушение мира[12]. Осуществление группами государств коллективных санкций без разрешения Совета Безопасности ООН является противоправным (кроме случаев правомерной индивидуальной или коллективной самообороны)[13].

По причине того, что практически невозможно при помощи одного только института международной уголовной ответственности физических лиц предупредить совершение международных преступлений в доктрине международного права, как уже отмечалось, поднимается вопрос о применении в отношении государств, виновных в совершении международных преступлений, мер уголовного характера. Впервые этот вопрос стал подниматься при обсуждении и подготовки проекта Конвенции о геноциде 1948 г. и во время работы Комиссии международного права над проектом Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества в 50-х годах. А в 1951 г. Комитет ООН по уголовной юстиции, при обсуждении проекта статута Международного уголовного суда, указал только лишь на персональную уголовную ответственность физических лиц и отметил, что «ответственность государства за действия, составляющие международные преступления, носит в большей степени политический характер, а суд не вправе решать подобные вопросы»[14].

Упомянутый Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества ограничился пока только уголовной ответственностью физических лиц, хотя еще в 1983 году в процессе возобновления работы над Проектом, Комиссия международного права попросила Генеральную Ассамблею ООН дать официальное разъяснение по вопросу о правомерности вменения государству международной уголовной ответственности за совершение международного преступления[15]. Год спустя Комиссия все же определилась с необходимостью ограничиться пока только уголовной ответственностью физических лиц, оставив открытым вопрос о возможности международной уголовной ответственности государств[16].

Последним доказательством тому является принятие Комиссией в 1991 году проекта Кодекса

преступлений против мира и безопасности человечества, в статье 3 которого закрепляется только уголовная ответственность физических лиц. В статье 5 проекта «Ответственность государств» говорится, что «судебное преследование какого-либо лица за преступление против мира и безопасности человечества не освобождает государство от ответственности по международному праву за действие или бездействие, вменяемое этому государству»[17].

Проблема признания международной уголовной правосубъектности государств является наиболее дискуссионной в доктрине международного права. Сторонники этой концепции считают, что ее признание поможет более полно разграничить ответственность государств и физических лиц за совершение международных преступлений.

Основоположником идеи международной уголовной ответственности государств можно считать румынского юриста В. Пелла. В частности, в своей научном исследовании по данному вопросу «Коллективная преступность государств и уголовное право будущего» он доказывает наличие концепции уголовной ответственности государств за международные преступления и отмечает: «Тот факт, что не одни лишь руководители, но и государства в целом могут быть объектом применения уголовных мер, может способствовать развитию сопротивления преступникам, которые находятся во главе государства»[18].

В. Пелла обосновывает возможность и необходимость признания международной уголовной правосубъектности государства наличием особого характера правосубъектности государства вообще. Так как государства, как первичные субъекты международного права, созданы и действуют по воле нации, и существование нации не может зависеть от воли индивида. Пелла далее отмечает, что так как государство непосредственно претворяет групповую волю нации, то если такая воля является преступной, то ответственность ложится на такое государство и соответственно на нацию. К примеру, парламентская процедура одобрения и принятия актов объявления войны не должна означать, что всю вину за развязывание агрессивной войны можно возложить лишь на определенную группу политических деятелей такого государства. Государство, по его мнению, также должно нести в этом случае ответственность, поскольку парламент является высшим законодательным органом государства и состоит из народных представителей и представляет интересы всего государства.

По мнению Пелла, история показала, что такое явление как война не может быть уничтожено только посредством заключения международного договора, либо действием авторитетных международных организаций, одной из которых является ООН. Пелла убежден, что этот вопрос нужно предоставить на рассмотрение именно международного уголовного права. Как внутригосударственное уголовное право было одним из факторов, позволяющих обществу обуздать агрессивные черты индивида, так международное уголовное право может стать средством подавления империализма и других проявлений эгоистических устремлений отдельных государств[19].

Главный недостаток концепции уголовной ответственности государств, - считает Г. И. Тункин, - это наличие положения о единстве путей международного и внутригосударственного права, в соответствии с которым развитие права представляет собой единый процесс, в котором национальное право и международное право находятся лишь на различных ступенях[20].

Известные ученые-правоведы И. П. Блищенко, И. В. Фисенко считают приводимые доводы В. Пелла не безупречными с теоретической точки зрения и с их мнением следует согласиться. Они представляют весьма спорными доводы Пелла о том, что, к примеру, внутренние факторы, влияющие на преступления, совершаемые государствами, выводятся исключительно из биологических особенностей того или иного народа (уголовной наследственности, атавизмом)[21]. Кроме того, эффективность уголовной защиты мира В. Пелла связывает, в первую очередь, с великими державами, так как в их руках в рамках международного сообщества находится важнейший элемент уголовного права – сила.

Далее к уголовным санкциям против государства В. Пелла относит санкции: *дипломатические* (официальное предупреждение государства-нарушителя, прекращение поддержания официальных отношений, отзыв посла или консула); *юридические* (наложение ареста на имущество граждан государства-нарушителя); *экономические* (блокада, применение эмбарго); а также допускает применение различного рода обвинительных заявлений, порицаний, наложение штрафа, временное лишение права представительства в международных организациях, полная или

частичная оккупация территории государства-нарушителя и другие меры[22].

Выше обозначенные санкции, определенные В. Пелла, как «уголовные», на самом деле не имеют никакого отношения к таковым, так как не содержат главных элементов уголовного наказания, применимого в отношении физических лиц: принудительных действий, направленных на ограничение либо лишение свободы. Не до конца разъяснен механизм наложения штрафа, который, и это следует признать, может выступать формой уголовной ответственности.

В соответствии с концепцией уголовной ответственности государства, автором которой является Доннедье де Вабра, для признания такой ответственности необходимо признать главную цель - предупреждение агрессивных войн и нарушений норм и принципов международного права. Только суровое уголовное наказание государства-правонарушителя, по мнению этого исследователя, является основным условием реализации данной концепции, а само наказание должно осуществляться международной организацией[23]. Автор высказывает мнение о том, что осуществлению данного принципа в отношении Германии по окончании второй мировой войны помешало временное лишение Германии ее суверенитета и оккупация ее территории[24].

Более гибкой позицией по данному вопросу представляется позиция некоторых других исследователей, которые непосредственно признают за государством способность предстать перед судом за совершение международного преступления. При этом в качестве главных особенностей государства как субъекта международного уголовного процесса отмечаются его намного более долгое по сравнению с человеческим существование, более явный характер нарушения норм международного права и, следовательно, большая возможность доказательства совершения международного преступления со стороны государства, более высокий уровень гарантий возмещения причиненного ущерба по сравнению с индивидом, а также невозможность для государства укрываться от преследования в силу привязанности к определенной территории[25].

Интересны также взгляды по данной проблеме иранского ученого-юриста М. Фархада и Х. Лаутерпахта. Последний противопоставляет концепцию уголовной ответственности государств ограничению международной ответственности государств только цивилистической ответственностью. М. Фархад выделяет положения о применимости к государству-правонарушителю в основном имущественных санкций, а к официальным представителям государства-правонарушителя – персональных санкций[26].

Существуют также утверждения противников концепции ответственности государств за международные преступления, общая суть которых сводится к тому, что в случае признания такой ответственности вся тяжесть правовых последствий такого признания ложится на все население государства, а не на конкретных виновных[27]. Тогда как другие исследователи в международной уголовной ответственности государства, совершившего международное преступление, видят, прежде всего, народ такого государства. При этом поднимается вопрос о международной уголовной правосубъектности народа вообще. Только в случае признания за народом статуса субъекта международного права возможна постановка более специального вопроса[28].

Продолжая тему международной уголовной правосубъектности народа следует выделить две наиболее крайние позиции:

1) По мнению М. Фархада за совершение государством международного преступления наказанию должен подвергаться весь народ такого государства, а также последующие поколения [29].

2) По мнению американского юриста-международника Г. Глюека, изучавшего вопросы об ответственности германского народа после второй мировой войны, главным условием наступления такой ответственности является установление вины народа в результате исторического исследования[30]. Его соотечественник, ученый-юрист Г. Грил полагает, что если исходить из развития немецкой политической и философской мысли, то такая вина действительно лежит на немецком народе, национальной чертой характера которого стали жестокость и предательство, в связи с чем немецкий народ заслуживает справедливого наказания[31].

Немного иного содержания представляется практический вопрос, связанный с совершением такого опасного международного преступления как апартеид. К примеру, преступление апартеида

в ЮАР характеризуется тем, что помимо правительства участие в его совершении принимал и целый народ этой страны, так как жители ЮАР знали, что представляет из себя вообще система апартеида и, следовательно, каждого голосовавшего за политическую партию, выступавшую за апартеид, можно считать как оказывавшим непосредственную поддержку этой преступной системе[32]. То есть, в качестве доказательства необходимости распространения уголовной ответственности на весь народ выдвигаются положения о том, что народ должен был и мог предупредить совершение международного преступления, а также что такой подход к ответственности народов будет служить сдерживающим фактором для инициаторов преступления и побудительным фактором для народа принять меры для предупреждения такого преступления.

Концепция международной уголовной ответственности государств и народов за международные преступления заслуживает внимания только благодаря ее основной цели, а именно - создание условий посредством специальных действий для недопущения совершения международного преступления (превенция)[33]. С другой стороны такая концепция имеет больше моральную ценность, нежели юридическую и не имеет шансов на признание и практическое применение. Помимо этого непонятными остаются вопросы относительно специальных мер и механизмов по реализации такой ответственности, тогда как в отношении уголовной ответственности индивидов такие вопросы практически не возникают.

Все уголовные санкции может определять только орган уголовного правосудия, а в современных международных отношениях, как известно, такими функциями уголовного суда в отношении государств не обладает ни один международный орган как в системе ООН, так и в системе других международных межправительственных организаций. Таким образом, отсутствие надгосударственного механизма, который бы мог применять репрессивные санкции по отношению к государствам, можно считать основным доводом против уголовной ответственности государств за международные преступления[34].

Следует полностью согласиться с утверждением А. Н. Трайнина о том, что «под покровом уголовно-правовой формы криминализация ведет к ослаблению всей системы санкций против агрессоров, ибо уголовный процесс связан с целым рядом формальных требований, выполнение которых способно лишь осложнить и ослабить борьбу с агрессором. Государства могут являться субъектами политической, моральной, материальной ответственности, но только не уголовно-правовой»[35].

Таким образом, можно заключить, что государство может являться субъектом только международно-правовой ответственности, но не международной уголовной ответственности. Субъектом последней может быть только физическое лицо, которое совершило то или иное преступление против международного права.

При этом необходимо знать, совершено ли такое преступление лицом, действия которого представляют собой акт государства, частным лицом или группой лиц и за ними не стоит государство. Такое уточнение необходимо по той простой причине, что статус индивида-исполнителя определяет в целом круг субъектов, ответственных за международное преступление, иначе говоря, будет ли эту ответственность нести и целое государство, и индивид или только индивид[36]. В свою очередь, мы уже определили, что ответственность государств в данном случае не может носить уголовно-правового характера и сами процедуры реализации ответственности государства и индивида существенно различаются между собой.

Практически большая часть международных преступлений совершается, прежде всего, самим государством: при его прямом или косвенном участии. При этом, как полагают А. И. Полторак и Л. Н. Савинский, в случае агрессивной войны с каждой новой такой войной растет количество нарушений, имеющих государственно-организованный характер[37]. Нельзя не упомянуть и о существовании такого международного преступления, как государственный терроризм[38], в связи с чем в 1984 г. Генеральной Ассамблеей ООН принимается специальная резолюция «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах».

Можно выделить следующие формы участия государства в совершении международного преступления:

1) *прямое участие* - когда международное преступление совершается государством в лице его

полномочных органов, представителей таких органов;

2) *косвенное участие* или *соучастие* - когда государство допускает в пределах своей юрисдикции совершение международного преступления отдельными индивидами, которые, при этом, формально не имеют прямого отношения к такому государству и его органам, либо скрывают свою связь с ними.

Положения, определяющие факты прямого участия государств в совершении международных преступлений, содержатся в проекте статей об ответственности государств. Так, в статьях 5-8 проекта предусмотрены случаи, когда государству присваиваются акты действующих от его имени лиц, государственных органов и других государственных механизмов[39].

Относительно косвенного участия государств следует отметить, что каких-либо четких критериев не существует. Можно даже предположить, что невозможна выработка таких критериев, которые позволяли бы однозначно отличить преступное попустительство органов государства по отношению к международному преступлению и их неспособность его предотвратить или пресечь в ситуации, когда широкий и продолжительный характер преступления в пределах территориальной юрисдикции государства вроде бы приводит к презумпции причастности государства (особенно при использовании в качестве основы теории объективной ответственности государств)[40]. Тем не менее, некоторые черты косвенного участия государства в совершении международного преступления можно усмотреть в случае совершения акта косвенной агрессии[41].

В целом, тесная связь между преступным поведением государства и его представителей и преступным поведением других лиц может выражаться и в том, что сопротивление государства как изъятию дел из его исключительной территориальной юрисдикции, так и рассмотрению его преступных действий или действий его представителей в судах других государств или международном юрисдикционном органе примерно одинаково велико[42].

На основании всего выше изложенного можно сделать следующие выводы по исследуемому вопросу:

1) Международные преступления совершаются государствами в политических целях, за что они подлежат соответствующей международной ответственности, тогда как физические лица подлежат за совершение международных преступлений международной уголовной ответственности;

2) Международная ответственность государств может выступать в двух формах: а) в форме политической ответственности; и б) в форме материальной ответственности. Концепция особой уголовной ответственности государств не имеет под собой прочно аргументированной основы и практически не может быть реализована;

3) Одним из главных возражений против концепции уголовной ответственности государств является ее несовместимость с принципами государственного суверенитета, невмешательства, необходимости предварительного согласия государства на отправление правосудия в отношении его собственных действий, отсутствие специального международного органа, полномочного проводить расследования по установлению факта соучастия государства в каждом конкретном случае и выносить решения о последствиях для виновного государства;

4) В случае причастности государства к совершению международного преступления субъектом ответственности является как индивид - представитель государства, так и государство, представителем которого этот индивид выступает;

5) Если международное преступление совершается индивидом в частном порядке, то связь с определенным государством выражается, прежде всего, лишь нахождением этого индивида на территории такого государства или же в наличии у преступника гражданства определенного государства. Государство в таком случае обязано признать действия такого лица преступными и привлечь его к надлежащей ответственности, либо в отношении преступления, совершенного таким лицом, возможно распространение универсальной юрисдикции (например, при совершении преступления геноцида).

1) Государство не может быть субъектом ответственности за преступления международного характера, которые совершаются его гражданами. Только граждане государства подлежат соответствующей уголовной ответственности за совершение таких преступлений перед внутригосударственным судебным органом и к ним применяются нормы международного и

национального права, соответствующие международным обязательствам государства. Государства обязуются сотрудничать в борьбе с преступлениями международного характера и в случае нарушения своих договорных обязательств в этой области, они рассматриваются в качестве субъектов совершения обычного международного правонарушения - деликта.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К ГЛАВЕ 5

1) В чем заключается сущность и значение принципа добросовестного выполнения государствами своих международных обязательств?

2) Охарактеризуйте основные принципы проекта статей об ответственности государств?

3) Что следует понимать под «видом ответственности»? Каковы основные виды международно-правовой ответственности государств?

4) Охарактеризуйте основные идеи В. Пелла относительно международной уголовной ответственности государств?

5) В чем заключается несостоятельность концепции международной уголовной ответственности государств?

---

[1] Блищенко И.П., Фисенко И.В. *Указ. соч.* С. 44.

[2] Черниченко С. В. *Указ. соч.* С. 65.

[3] Вадапалас В. А., Курис П. М. Рецензия на книгу Решетова Ю. А. “Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности”.//Советское государство и право, 1984. №5. С. 133.

[4] Более подробно см.: Карпец И. И. Преступления международного характера. М., 1979; Международное уголовное право./И. П. Блищенко, Р. А. Каламкарян, И. И. Карпец и др. М., 1995; Карпец И. И. Международная преступность. М., 1988; Международное уголовное право. Под общей ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1999; Бородин С. В., Ляхов Е. Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью: Проблемные вопросы деятельности ООН в области предупреждения преступности и обращения с правонарушителями. М., 1983; Галенская Л. Н. Правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью. Изд-во ЛГУ. 1978.

[5] Блищенко И.П., Жданов Н.В. *Указ. соч.* С. 52.

[6] Лукашук И.И. Хроника 48-й сессии Комиссии международного права ООН.//Научно-теоретический и информационно-практический журнал “Московский журнал международного права”. №2. С. 186.

[7] Петровский Ю. В. О политической ответственности государств.// Советский ежегодник международного права. Москва, 1972. С. 157.

[8] Международное уголовное право. Под ред. В.Н.Кудрявцева. С. 98.

[9] См.: Василенко В. А. Ответственность государства за международные правонарушения. Киев, 1976. С. 206, 242.; Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. М., 1975. С. 21.

[10] Реторсия преследует цель восстановления принципа взаимности в отношениях соответствующих государств. При этом, меры, используемые в качестве реторсии, должны быть пропорциональны вызвавшему их акту и прекращаются с момента восстановления прежнего положения.

[11] Международное право: Учебник. Отв. ред. Ю.М.Колосов, В.И.Кузнецов. С. 260.

[12] Такие санкции могут выражаться в полном или частичном приостановлении экономических отношений, функционирования коммуникаций - транспорта и связи, в разрыве дипломатических отношений (ст. 41 Устава ООН), а также в применении вооруженной силы (ст. 42 Устава ООН).

[13] См.: Федоров В. Н. ООН и проблемы войны и мира. М., 1988.; Куэльяр Х. П. Организация Объединенных Наций: сегодня и завтра. М., 1979.; М. А. Сарсембаев. Международное право. Алматы, 1996. С. 107-119.

[14] Док. ООН А/2136. С. 11.

[15] Ежегодник Комиссии международного права. Нью-Йорк, 1983. Т. II (часть вторая). С. 17.

[16] Ежегодник Комиссии международного права. Нью-Йорк, 1984. Т. II (часть вторая). С. 19.

[17] Международное уголовное право в документах. Том 1. С. 101.

[18] Pella V. Le code des Crimes contre la Paix et la securite de l’humanite. Geneve, 1957. P. 83.

[19] Блищенко И.П., Фисенко И.В. *Указ. соч.* С. 47.

[20] Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970. С. 451.

[21] Блищенко И. П., Фисенко И. В. *Указ. соч.* С. 47.

[22] Pella V. La guerre - crime et les criminels de guerre. Geneve. Paris, 1946. P. 153-154.

[23] Donnedieu de Vabres H. Les principes modernes du droit penal international. Paris, 1928. P. 428.

[24] Donnedieu de Vabres H. Le jugement de Nuremberg. Revue de Droit penal et criminalogie, 1947, №10. P. 822.

[25] См.: M. Farhad. International Criminal Responsibility of States. Stockholm, 1985; E. Aroneanu. Vers une juridiction penale internationale. Politique ertrangere, 1955, № 4; J. Herzog. De la creation d'une juridiction penale internationale permanente. Revue internationale de droit penal, 1950. № 3.

[26] Farhad M. International Criminal Law. Uppsala, 1991. P. 36-40.

[27] Иванова И. М. Международная уголовная юстиция и преступления против человечества. (Канд. диссертация). - М., 1959. С. 258.

[28] Блищенко И.П., Фисенко И.В. *Указ. соч.* С. 51.

[29] Farhad M. International Criminal Responsibility of States. Stockholm, 1985. P. 177.

[30] Glueck G. War criminals: their Prosecution and Punishment. N. Y., 1944. P. 72.

[31] Greel G. War criminals and Punishment. N. Y., 1944. P. 178-263.

[32] Блищенко И.П., Фисенко И.В. *Указ. соч.* С. 52.

[33] См.: International Crimes of States. Ed. by Weiler J. Berlin, N. Y., 1989; Bowett D. W. Crimes of State and the 1996 Report of the International Law Commission on State Responsibility, in: EJIL 9 (1998), 163 ff.

[34] Plawski St. Etude des principes du droit international penal. Paris, 1972. P. 13, 60, 64.

[35] Трайнин А. Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества.//Защита мира и уголовный закон. Москва, 1969. С. 300-302.

[36] Бастрыкин А. И. Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права. Ленинград, 1986. С. 117-118.

[37] Полторак А. И., Савинский Л. Н. Вооруженные конфликты и международное право. Москва, 1976. С. 376.

[38] См.: Hurphy J. F. State Support of International Terrorism: Legal, Political and economic dimensions. Westview Press: London: Mansel Pub., 1989; Terrorism, protest and power /edited by Martin Warner, Roger Grisp. Brookfield, Vt., USA: Gower Pub., 1990; Lambert J. Terrorism and Hostages in International Law: a commentary on the Hostages Convention 1979.- Cambridge: Grotius Publications, 1990; Allan R. Terrorism. New York: Institute for East-West

[39] Блищенко И.П., Фисенко И.В. *Указ. соч.* С. 34.

[40] Блищенко И.П., Фисенко И.В. *Указ. соч.* С. 34.

[41] В соответствии со статьей 3(g) "Определения агрессии" от 14 декабря 1974 г. под косвенной агрессией понимается агрессия, совершаемая вооруженными бандами, группами, регулярными силами или наемниками, формально не входящими в состав регулярных вооруженных сил какого-либо государства или скрывающими свою принадлежность к ним, хотя они организуются определенным государством либо действуют от его имени или по его поручению.

[42] Toward a Feasible International Criminal Court. Ed. by Stone J. and Woetzel R. Geneva, 1970. P. 340.

ГЛАВА 6. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Прежде чем перейти к рассмотрению вопросов ответственности физических лиц за преступления против международного права необходимо вначале определиться собственно с понятием “преступления против международного права” и обосновать определение состава таких преступлений.

При анализе научных исследований многих авторов по вопросам международной преступности и международному уголовному праву, можно заметить различные подходы к классификации преступлений, признаваемых в качестве таковых в нормах международного права, что является вполне нормальным явлением, так как каждый исследователь по своему видит стоящую перед ним проблему и по своему подходит к ее разрешению[1]. Но такое положение вещей вызывает некоторые неудобства и путаницу при определении собственно того, какие же деяния относить к разряду преступлений по международному праву и как разграничить их между собой в соответствии с принципами наибольшей или наименьшей степени опасности для международных отношений и для мирового сообщества в целом.

Под “Преступлениями против международного права” следует понимать международно-противоправные деяния, имеющие в своем составе несколько уровней и подуровней, различающихся между собой по степени общественной опасности. Главное отличие преступлений против международного права от общеуголовных преступлений заключается в самом определении таких преступлений, то есть их направленность “против международного права” и того международного правопорядка, который установлен и поддерживается при помощи международно-правовых норм и принципов. Таким образом, главные условия для отнесения тех или иных деяний к разряду международно-противоправных - это их направленность против международного права и, соответственно, квалификация их в качестве преступлений по международному праву. Направленность “против международного права” заключается в совершении действий или бездействие в нарушение норм и обязательств по международному праву.

Как уже отмечалось, впервые официально определение “Преступления против международного права” употребляется в Приговоре Международного военного трибунала (МВТ) в Нюрнберге: “*Преступления против международного права* совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершивших такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права”. Так же известно, что в статье 6 Устава Нюрнбергского трибунала такие преступления были подразделены на три группы: преступления против мира; военные преступления; и преступления против человечности. Таким образом, Устав выделил наиболее тяжкие преступления против международного права - международные преступления.

В последствии перечень международных преступлений значительно расширяется и дополняется:

- Женевскими конвенциями о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительным протоколом I 1977 г. Соглашения дополняют перечень военных преступлений и преступлений против человечности, в которых они квалифицированы как “серьезные нарушения”.
- С принятием в 1968 г. Конвенции о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества выделяются в отдельную группу международных преступлений так называемые “преступления против человечества”.
- Конвенцией 1973 г. о пресечении преступления апартеида и наказании за него, в которой впервые к преступлениям против человечества причисляются расовая сегрегация и расовая дискриминация.
- С принятием Комиссией международного права ООН в 1976 году Проекта статей об ответственности государств, в котором к числу преступлений против человечества отнесены колониальное господство, рабство и работорговля, экоцид.
- Проектом Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, принятом Комиссией международного права ООН в 1991 году, в котором к «преступлениям против мира и безопасности человечества», помимо указанных международных преступлений, отнесены международный терроризм и незаконный оборот наркотических средств.

Целенаправленное применение нейтронного, бактериологического, биологического, токсинного и химического оружия во время вооруженных конфликтов образует в совокупности состав такого международного преступления, как биоцид. Следует признать преступными действиями не только применение такого наиболее опасного вида оружия массового поражения, как ядерное оружие, но и разработку такого оружия для военных целей.

Учитывая большую опасность выше обозначенных видов оружия массового поражения для всего человечества и окружающей среды, следует признавать в качестве международных преступлений как разработку, приобретение, сбыт, так и применение таких видов оружия.

Помимо международных преступлений, вторую категорию преступлений против международного права составляют **преступления международного характера**. Отличительная особенность данной категории преступлений заключается в том, что юридическая природа таких преступлений и степень опасности для человечества определяют и особый режим ответственности физических лиц, виновных в их совершении. Тем не менее, отнесение определенных деяний к разряду преступлений “международного характера” предопределяет угрозу для мирового сообщества и международных отношений, которая исходит от таких преступлений. Квалификация определенных противоправных деяний в качестве преступлений международного характера осуществляется, как правило, не законодателем, а в международных договорных нормах. Таким образом, с учетом степени опасности таких преступлений для международных отношений и их постоянным развитием и совершенствованием, неспособностью государств самостоятельно подавлять и пресекать их совершение, а также с учетом их квалификации в качестве таковых нормами международного права, преступления международного характера можно отнести ко второй категории преступлений против международного права.

Ответственность за международные преступления

В современном международном праве “международное преступление” определяется как тягчайшее международно-противоправное деяние, посягающее на основы существования государств, наций и народов, подрывающее важнейшие общепризнанные принципы международного права, угрожающее международному миру и всеобщей безопасности.

Необходимо отметить и определение, содержащееся в подготовленном Комиссией международного права ООН проекте статей об ответственности государств. Так, в статье 19 проекта подчеркивается, что “международно-противоправное деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление перед международным сообществом в целом, составляет международное преступление”. В данной статье проекта содержатся, помимо определения международного преступления, и примерный перечень тех случаев, при которых определенное международно-противоправное деяние можно квалифицировать как международное преступление.

Таким образом, объектом международного преступления могут быть всеобщий мир и международная безопасность; добрососедские отношения между народами и государствами; права народов и наций на самоопределение; законы и обычаи войны. Международное преступление тем и опасно, что угрожает безопасности и стабильности ни только отдельно взятой страны, а всему международному сообществу, подрывает основы существования и развития всех государств, наций и народов.

Субъектами международных преступлений и, следовательно, субъектами ответственности за совершение таких преступлений могут быть государства и их органы, транснациональные корпорации, а также физические, частные или должностные лица, которые конкретно и совершают эти преступления. По данному положению вполне обоснованы утверждения П. М. Куриса о том, что в связи с повышенной общественной опасностью международных преступлений субъектами претензий к делинквенту могут быть не только непосредственно пострадавшие государства, но и все остальные субъекты международного права - то есть все государства и международные организации[2]. Такого же мнения придерживается и В. А. Василенко[3].

Огромное теоретическое и практическое значение в международном праве имеют вопросы ответственности физических лиц за международные преступления. Как уже отмечалось, в ходе процессов над главными военными преступниками в Нюрнберге адвокаты пытались построить

свою защиту на основании Доктрины государственного акта, исключающую ответственность физических лиц за преступления против мира, человечности и военные преступления. При этом имели место также ссылки на принцип “nullum crimen sine lege”[4]. Тем не менее, Нюрнбергский трибунал в своем приговоре ясно подчеркнул, что “международное право налагает долг и обязанности на отдельных лиц, так же как и на государства”[5]. Выраженная в этих положениях приговора точка зрения на правовое положение физических лиц по международному праву в настоящее время общепризнанна. Индивидуальная уголовная ответственность физических лиц за международные преступления имеет своей целью и должна вести к наказанию виновных[6]. Таким образом, отклонение от Доктрины государственного акта и утверждение принципа индивидуальной уголовной ответственности физических лиц за международные преступления - важнейшие тезисы Нюрнбергского процесса[7].

Как уже отмечалось, впервые перечень международных преступлений был сформулирован в Уставах Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов. Все международные преступления в них подразделены на 3 группы:

1) Преступления против мира: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, либо участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеперечисленных действий;

2) Военные преступления: убийства, истязания, увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязание военнопленных в море; убийства заложников, ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов и деревень, разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

3) Преступления против человечности: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, которые совершены в отношении гражданского населения до или во время войны, либо преследование по политическим, религиозным, расовым мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, которое подлежит юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Формулировка этих преступлений есть результат обобщения преступных деяний немецкого (и итальянского) фашизма, японского милитаризма, ввергнувших мир во вторую мировую войну. Статья 6 Устава Нюрнбергского трибунала представляет собой действующее право, ставшее, по существу, основой понимания того, какие преступления являются международными[8].

Формулируя состав преступлений против мира Нюрнбергский трибунал выделяет прежде всего планирование агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, так как планирование такой войны было главной политической линией фашистской Германии. Вся деятельность, связанная с планированием агрессии германского нацизма, была преступной. Идеологическим обоснованием агрессии была расистская теория. В частности, в основе фашистской расовой теории лежала так называемая “евгеника” - теория о наследственном здоровье человека и путях его улучшения. Прогрессивные ученые ставили перед евгеникой гуманные цели, но тем не менее фашисты приспособили данную теорию для осуществления своих преступных целей[9]. Следует также отметить, что в современной науке многие проблемы евгеники решаются в рамках генетики человека, в том числе медицинской генетики[10].

Под «развязыванием агрессивной войны» следует понимать действия, которые совершались до момента начала войны: осуществление провокационных заявлений в адрес противной стороны по поводу ее официальной политики; концентрация вооруженных формирований на границе; провокация противной стороны на конфликт с использованием оружия и другие действия[11].

«Ведение агрессивной войны» означает непосредственные военные действия против противной стороны с целью захвата его территории либо достижения иных агрессивных политических целей. Здесь же необходимо указать на то, что ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала говорит о ведении войны в нарушение международных соглашений, договоров или заверений. Таким образом

формулировка этой части преступных деяний против мира имела целью привлечь к уголовной ответственности непосредственных исполнителей, в частности военных.

Именно преступления против мира, как они квалифицированы в Уставе Нюрнбергского трибунала, стали юридической основой для признания агрессии тягчайшим международно-противоправным деянием, посягающим на международный мир и безопасность, основополагающие принципы международного права.

Первой попыткой в рамках ООН принять единое определение этого преступления является принятие 14 декабря 1974 г. Генеральной Ассамблеей ООН “Определения агрессии” (резолюция 3314 (XXIX). В соответствии со ст. 1 документа агрессией “является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций”.

Практически аналогичное определение агрессии содержится и в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества: “Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, не совместимым с Уставом ООН”.

До сих пор отсутствует определение этого международного преступления в Статуте Международного уголовного суда, в связи с чем это ставит под угрозу вопрос о международной уголовной ответственности физических лиц за преступление агрессии. Как указано в Статуте Суда “Суд осуществляет юрисдикцию в отношении агрессии, как только будет принято в соответствии со статьями 121 и 123 положение, содержащее определение этого преступления и излагающее условия, в которых Суд осуществляет юрисдикцию касательно этого преступления. Такое положение сообразуется с соответствующими положениями Устава Организации Объединенных Наций”. В этой связи спорным остается вопрос относительно того, следует ли включать определение преступления агрессии полный перечень представляющих собой агрессию актов, содержащийся в резолюции 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 г.

В свою очередь можно предположить, что процесс разработки и внесения государствами собственных определений преступления агрессии может затянуться на многие десятки лет, что поставит под угрозу собственно и функционирование самого Международного уголовного суда и негативно скажется на функционировании всей международной уголовной юстиции в будущем. В связи с чем не следует слишком долго затягивать рассмотрение данного вопроса, а необходимо включить в Статут Международного уголовного суда в качестве отдельной статьи Части 2 “Юрисдикция. Приемлемость. Применимое право” определение преступления агрессии, как оно дается в статье 1 “Определения агрессии” от 14 декабря 1974 г.

Учитывая то обстоятельство, что резолюция 3314 была принята в другом контексте и носила больше политический характер, все же следует считать возможным использование определения агрессии и его состава, как они даются в этой резолюции, для уголовно-правовой нормы, устанавливающей личную уголовную ответственность за это преступление. К примеру, как уже было обозначено выше, разработчики проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества в качестве определения и состава преступления агрессии основывались на аналогичном определении и составе этого преступления, содержащихся в резолюции 3314 от 14 декабря 1974 г.

Следует также добавить, что в национальном законодательстве, предусматривающем ответственность за преступления против мира, возможны и иные, чем в статье 6 Устава Нюрнбергского трибунала, формулировки. Национальный уголовный закон должен быть сформулирован исходя из смысла ст. 6 и быть не менее конкретным. К примеру, статья 156 Уголовного кодекса Республики Казахстан “Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны” разделена на две части. «Ведение агрессивной войны» выделено в отдельную часть и санкции за него более суровые, чем санкции за планирование, подготовку или развязывание агрессивной войны[12]. Уголовное законодательство республики также квалифицирует в качестве преступлений против мира и безопасности человечества действия, имеющие целью пропаганду и публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 157 УК РК).

Национальное уголовное законодательство Казахстана и некоторых других стран

предусматривает смертную казнь за некоторые преступления против мира и безопасности человечества, тогда как такая мера наказания считается недопустимой в нормах международного уголовного права и, в настоящее время, многие государства отказываются от ее применения, заменяя ее на пожизненное лишение свободы. Это объясняется международной гуманизацией некоторых норм в области уголовного правосудия и прав человека, что находит свое подтверждение в принятии и проведении общей международной и национальной политики, направленной на отмену смертной казни[13].

Перечень военных преступлений и преступлений против человечности, содержащийся в Уставе Нюрнбергского трибунала, впоследствии значительно расширяется Женевскими конвенциями о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительным протоколом-1 к ним 1977 года. В указанных международно-правовых актах они определяются как “серьезные нарушения”. Так серьезными нарушениями, определяемыми в 4-х Женевских конвенциях 1949 года (статьи 50, 51, 130, 147 соответственно), являются: преднамеренное убийство; пытки и бесчеловечное обращение; преднамеренное причинение тяжелых страданий; причинение серьезного увечья и нанесение ущерба здоровью; незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, невызываемые военной необходимостью (данное положение не включено в статью 150 3-й Женевской конвенции).

Серьезными нарушениями, определяемыми в 3-ей и 4-ой Женевских конвенциях 1949 года (статьи 130 и 147 соответственно), являются: принуждение военнопленного или покровительствуемого гражданского лица служить в вооруженных силах неприятельской державы; преднамеренное лишение военнопленного или покровительствуемого гражданского лица права на беспристрастное и нормальное судопроизводство, предусмотренное Конвенциями.

Серьезными нарушениями, определяемыми в 4-ой Женевской конвенции 1949 года (статья 147), являются: незаконное депортирование или перемещение; незаконный арест покровительствуемого лица; взятие заложников.

Серьезными нарушениями, определяемыми в Дополнительном протоколе-1 1977 года (статьи 11 и 85), являются: нанесение ущерба путем какого-либо преднамеренного и неоправданного действия или упущения, физическому или психическому состоянию здоровья и неприкосновенности лиц, находящихся во власти противной стороны, или интернированных, задержанных или каким-либо иным образом лишенных свободы в результате вооруженного конфликта; в частности имеются ввиду нанесение физических увечий, проведение медицинских или научных экспериментов, удаление тканей или органов для пересадки, а также какая бы то ни было медицинская процедура, которая не требуется по состоянию здоровья указанного лица и не соответствует общепринятым медицинским нормам, применяемым при аналогичных, с медицинской точки зрения, обстоятельствах к гражданам стороны, производящей такую процедуру, которые не лишены свободы в какой бы то ни было форме.

К серьезным нарушениям Протоколом отнесены также действия, когда они совершаются умышленно и являются причиной смерти или серьезного телесного повреждения или ущерба здоровью: a) превращение гражданского населения или отдельных гражданских лиц в объект нападения; b) совершение нападения неизбирательного характера, затрагивающего гражданское население или гражданские объекты, когда известно, что такое нападение явится причиной чрезмерных потерь жизни, ранений среди гражданских лиц или причинит ущерб гражданским объектам; c) совершение нападения на установки или сооружения, содержащие опасные силы, когда известно, что такое нападение явится причиной чрезмерных потерь жизни, ранений среди гражданских лиц или причинит ущерб гражданским объектам; d) превращение необороняемых местностей и демилитаризованных зон в объект нападения; e) совершение нападения на лицо, когда известно, что оно прекратило принимать участие в военных действиях; f) вероломное использование отличительной эмблемы Красного Креста, Красного Полумесяца или других защитных знаков.

К серьезным нарушениям относятся также действия, когда они совершаются умышленно и в нарушение Конвенции и Протокола: a) перемещение оккупирующей державой части ее собственного населения на оккупируемую ею территорию или депортация или перемещение всего или части населения оккупированной территории в пределах этой территории или за ее пределы; b) неоправданная задержка репатриации военнопленных или гражданских лиц; c) применение практики апартеида и других негуманных и унижающих действий, оскорбляющих достоинство

личности, основанных на расовой дискриминации; d) превращение ясно опознаваемых исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые являются культурным или духовным наследием народов и которым предоставляется особая защита, в объект нападения, в результате чего им наносятся большие разрушения, когда такие объекты не находятся в непосредственной близости от военных объектов и не используются противной стороной для поддержки военных усилий; e) лишение лица, пользующегося защитой Конвенций и Протокола-1, права на беспристрастное и нормальной судопроизводство.

После рассмотрения военных преступлений Женевские конвенции и Дополнительный протокол-I к ним, которые в настоящее время составляют юридическую основу международного гуманитарного права, обязывают государства принять все необходимые меры для установления уголовных санкций, применяемых к лицам за отданные приказы совершить любое из вышеперечисленных преступлений[14].

Власти государства, находящихся в конфликте, обязуются привлекать к уголовной ответственности лиц, которые обвиняются в совершении нарушения или приказали его совершить, независимо от того, произошло это нарушение в результате действия или бездействия [15]. Таким образом, система Женевского права устанавливает в отношении военных преступлений обязанность всех государств-участников Женевских конвенций определять меры уголовной ответственности. Речь идет об универсальной системе уголовного преследования, обязывающей государство, которое не привлекло к уголовной ответственности перед своим судом лицо, обвиняемое в совершении военного преступления, выдать его другой стороне для осуществления судопроизводства с соблюдением всех гарантий, предусмотренных для данного судебного процесса. Правило “judicare aut dedere” гарантирует универсальность системы уголовного преследования в отношении военных преступников и способствует осуществлению принципа неотвратимости наказания за совершенное деяние. При этом установление универсальной системы уголовного преследования военных преступников не будет препятствовать возможности создания международного уголовного трибунала, правомочного рассматривать нарушения международного права и, в частности, международного гуманитарного права. Примером тому может служить создание и функционирование двух Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде.

Помимо этого, необходимо отметить, что важное значение для реализации ответственности за военные преступления имеет принцип персональной ответственности, закрепляющий действие этого права применительно к военным преступлениям. В соответствии с данным принципом не допускается освобождение от ответственности лица, действующего в качестве представителя органа государства и выполняющего его распоряжения и не делается каких-либо исключений для такого лица в плане персональной ответственности.

В целом, чтобы обеспечить реализацию норм Женевских конвенций и ответственности за их нарушение[16] необходимо чтобы такие нормы стали частью законодательства конкретного государства и обеспечивались соответствующими правовыми средствами, при помощи которых они будут приведены в исполнение. Это непременное условие (sine qua non), без него немыслима эффективная реализация норм Женевских конвенций, которые должны принимать государства в этой области[17]. Имеются в виду меры по применению в целом международного гуманитарного права на национальном уровне, которые должны приниматься государствами путем ратификации Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним. Это и будет подтверждением своего уважения к международным обязательствам, дабы не подвергаться санкциям, предусмотренным положениями о международной ответственности в этой области[18].

В целом, анализ военных преступлений и серьезных нарушений международного гуманитарного права показывает, что такие деяния должны квалифицироваться только как международные преступления и, в связи с этим, важное значение имеет именно реализация ответственности виновных в их совершении индивидов по международному праву или по национальному праву, после принятия на себя определенных международных обязательств в этой области.

Принятой в 1968 году Конвенцией о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, как уже отмечалось, выделяется новый вид преступлений, которые также отнесены к разряду международных преступлений - это

преступления против человечества: изгнание в результате вооруженного нападения или оккупации, бесчеловечные действия, являющиеся следствием политики апартеида, геноцид. В проекте статей об ответственности государств к преступлениям против человечества также отнесены рабство, колониальное господство и экоцид.

Свидетельством того, что указанный перечень преступлений против человечества и в целом международных преступлений, не является исчерпывающим и постоянно пополняется, что в свою очередь можно считать естественным процессом, является принятие Комиссией международного права ООН в 1991 году в первом чтении на ее 43 сессии проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и Уставы Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде. В последние документы, помимо указанных преступлений, включены также другие преступления, являющиеся нарушениями законов и обычаев войны: применение отравляющих веществ или других видов оружия, которые непосредственно предназначены для причинения излишних страданий людям; бессмысленное разрушение городов, поселков или деревень или разорение, не оправданное военной необходимостью; захват, разрушение или умышленное уничтожение и повреждение культовых, благотворительных, учебных, художественных, научных учреждений, исторических памятников, художественных и научных произведений и другие.

Важно отметить, что международное уголовное право исходит из неприменимости сроков давности к ответственности за международные преступления. В частности, упомянутой Конвенцией 1968 года определено, что представители государственных властей и частные лица, виновные в совершении указанных преступлений и соучастии в них, несут ответственность независимо от времени совершения преступления. О неприменимости срока давности говорится и в статье 7 проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1991 года: “На преступления против мира и безопасности человечества не распространяется действие срока давности”.

Принцип неотвратимости наказания за совершенные преступления, в данном случае - за международные преступления, подразумевает также задействование специальных норм международного уголовного права, регулирующих вопросы розыска, ареста и выдачи преступников. По данному вопросу еще в 1946 году в специально принятой Генеральной Ассамблеей ООН резолюции отмечалось, что “государствам необходимо принять немедленно все меры для того, чтобы военные преступники... были арестованы и высланы в те страны, где они совершили свои ужасные деяния, для суда и наказания согласно законам этих стран”.

Важным и существенным дополнением к определениям военных преступлений и преступлений против человечества являются “Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества”, принятые Генеральной Ассамблеей ООН 3 декабря 1973 года на 2187 пленарном заседании. Всего данный документ содержит 9 принципов:

1. Военные преступления и преступления против человечества, когда бы и где бы они ни совершались, подлежат расследованию, а лица, в отношении которых имеются доказательства в совершении таких преступлений, - розыску, аресту, привлечению к судебной ответственности и, в случае признания их виновными, наказанию.

2. Каждое государство обладает правом судить своих собственных граждан за военные преступления или преступления против человечества.

3. Государства осуществляют сотрудничество друг с другом на двусторонней и многосторонней основе в целях пресечения и предупреждения военных преступлений и преступлений против человечества и принимают в этих целях необходимые внутренние и международные меры.

4. Государства оказывают друг другу содействие в целях обнаружения, ареста и привлечения к суду лиц, подозреваемых в совершении таких преступлений, и, в случае признания виновными, наказания их.

5. Лица, в отношении которых имеются доказательства о совершении ими военных преступлений и преступлений против человечества, подлежат привлечению к судебной ответственности и, в случае признания их виновными, наказанию, как общее правило, в странах, где они совершили эти преступления. В соответствии с этим государства осуществляют сотрудничество в вопросах выдачи таких лиц.

6. Государства осуществляют сотрудничество друг с другом в деле сбора информации и следственных материалов, способствующих привлечению к судебной ответственности лиц, о

которых говорится выше, в пункте 5, и обмениваются такой информацией.

7. В соответствии со статьей 1 Декларации о территориальном убежище от 14 декабря 1967 года государства не предоставляют убежище никакому лицу, в отношении которого существуют серьезные основания полагать, что оно совершило преступление против мира, военное преступление или преступление против человечества.

8. Государства не принимают никаких законодательных или иных мер, которые могли бы нанести ущерб принятым ими на себя международным обязательствам в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества.

9. При осуществлении сотрудничества в целях обнаружения, ареста и выдачи лиц, в отношении которых имеются доказательства о совершении ими военных преступлений и преступлений против человечества, и, в случае признания виновными, наказания их, государства действуют согласно положениям Устава ООН и Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (24.10.70 г.).

Как уже отмечалось, к международным преступлениям относят и такое опасное преступление как **геноцид** (genocide), под которым понимаются действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. Само слово “геноцид” образовано из двух латинских слов: “genus”, означающего “группу”, и “caedere”, означающего “убивать”. На протяжении всей своей истории человечество становилось жертвой либо свидетелем таких преступлений, мрачно взирая на их совершение. Как правило, такие деяния совершались на религиозной или расовой почве, подкрепляемой политическими мотивами. Таковы, например, резня армян турками в Константинополе, Варфоломеевская ночь во Франции. Еще ранее, в древности, геноцид творила изуверская иудаистская секта манихейцев[19].

Именно в XX веке геноцид достигает небывалого по своим масштабам и свирепости размаха, особенно когда фашистская Германия приступила к систематическому уничтожению миллионов людей по религиозным и национальным признакам. Так, во время второй мировой войны именно посредством геноцида гитлеровцы истребили 12 млн. русских, поляков, югославов, евреев, чехов, словаков - гражданское население. Именно при нацизме геноцид возводится в разряд официальной политики Германии.

В этой связи Статут Нюрнбергского международного военного трибунала признал, что военными преступниками являются не только те, кто совершал преступления против мира и грубо нарушал законы и обычаи войны, но и те, кто совершал “преступления против человечности”, независимо от того, были ли они или не были нарушением внутреннего законодательства страны, в которой они произошли.

В последние десятилетия случаи геноцида имели место в Кампучии в 1975-1979 гг., в Руанде в 1994-1995 гг. Признаки геноцида налицо в событиях Южной Осетии, Баку, Нагорном Карабахе. Близкой к понятию геноцид является также практика “этнических чисток”, которая применялась в ходе войны на территории бывшей Югославии в 1992-1995, 1999 гг[20].

Еще на своей первой сессии, которая состоялась в 1946 году, Генеральная Ассамблея ООН приняла две резолюции, одна из которых непосредственно была посвящена вопросу о геноциде. В резолюции отмечено, что геноцид в соответствии с международным правом является преступлением и что виновные в его совершении, кем бы они ни были и какими бы соображениями они при этом ни руководствовались, подлежат наказанию. ООН обратилась ко всему международному сообществу с призывом сотрудничать в вопросах предупреждения геноцида и наказания за него и предложила государствам-членам ввести необходимые национальные законодательства.

В этом же году Генеральная Ассамблея ООН обратилась с просьбой к ЭКОСОС провести необходимые исследования, имея в виду разработку проекта конвенции по вопросу о преступлении геноцида. В 1947 году Генеральный секретарь ООН по просьбе ЭКОСОС подготовил и разослал среди государств-членов Организации первый проект такой конвенции. На следующий год ЭКОСОС учредил специальный комитет в составе семи членов для подготовки и представления ему пересмотренного проекта. Комитет провел такую подготовку и уже 26 августа 1948 года данный проект был представлен на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН. На

очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, проходившей в столице Франции, проект Конвенции вначале обсуждался Юридическим комитетом, а затем 9 декабря 1948 года был принят Генеральной Ассамблеей ООН[21].

В преамбуле Конвенции отмечено, что геноцид является преступлением, нарушающим нормы международного права и противоречащим духу и целям Организации Объединенных Наций, и что цивилизованный мир осуждает его. В соответствием со статьей 1 Договаривающиеся стороны подтверждают, что геноцид независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого они обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение.

В настоящей конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как таковую:

a) убийство членов такой группы;

b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;

d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;

e) насильственная передача детей из одной группы в другую (ст.2).

Вышеуказанный состав преступления геноцида является исчерпывающим, в связи с чем недопустимым считается его расширенное толкование. Хотя ряд исследователей намеренно расширяли перечень деяний, входящих в состав данного международного преступления и относили к геноциду уничтожение языка, религии или культуры какой-либо национальной, расовой или религиозной группы, в том числе запрещение им пользоваться национальным языком, запрещение печатания и распространения изданий на языке такой группы, а также уничтожение библиотек, музеев, школ, исторических памятников, зданий, предназначенных для нужд религиозных культов, и т. п.

К примеру, А. Н. Трайнин выделяет три основные формы геноцида: 1) физический геноцид, когда происходит непосредственное физическое уничтожение людей; 2) биологический геноцид, когда речь идет о предотвращении появления на свет человека (к примеру, путем кастрации и стерилизации лиц мужского пола); 3) национально-культурный геноцид, когда речь идет об уничтожении национальной культуры[22].

В соответствии со статьей 3 Конвенции наказуемыми признаются геноцид, заговор с целью совершения геноцида, прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида, соучастие в геноциде. Важно и то положение, что лица, которые совершают геноцид или какие-либо другие деяния, предусмотренные данной Конвенцией, подлежат наказанию, независимо от того, являются ли они соответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами (ст.4).

Для введения в силу положений Конвенции, каждое Договаривающееся государство обязуется провести необходимое законодательство в соответствии со своей конституционной процедурой и предусмотреть эффективные меры наказания лиц, виновных в совершении геноцида и других преступлений, предусмотренных данной Конвенцией (ст.5).

Конвенция одной из первых ставит вопрос о международной уголовной юрисдикции. Так еще в ходе работы Юридического комитета Генеральной Ассамблеи ООН в 1948 году именно данный вопрос обсуждался наиболее бурно и всесторонне. В конечном итоге появилась идея, которая нашла свое отражение в статье 6 Конвенции: “Лица, обвиняемые в совершении геноцида или других перечисленных статье 3 деяний, должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или таким международным уголовным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении сторон настоящей Конвенции, признавших юрисдикцию такого суда”. Впоследствии Генеральная Ассамблея ООН приняла дополнительно к Конвенции резолюцию, которая содержит следующие три положения:

1) В резолюции признано, что “по мере развития международного общения необходимость в наличии международного органа, на который возлагается рассмотрение некоторых преступлений против международного права, будет ощущаться все более и более”.

2) Генеральная Ассамблея ООН предложила Комиссии международного права рассмотреть

вопрос о желательности и возможности создания международного юридического органа с возложением на него задачи “рассмотрения дел лиц, обвиняемых в совершении преступления геноцида и других преступлений, которые будут относиться к компетенции этого органа на основании международных конвенций”.

3) Комиссии международного права было предложено в ходе выполнения ее функций обратить внимание на возможность создания уголовной камеры Международного Суда.

После рассмотрения данного вопроса, Комиссия международного права пришла к заключению, что создание международного юрисдикционного органа является одновременно и возможным и целесообразным, и рекомендовала вместо уголовной камеры Международного Суда образовать самостоятельное учреждение. Комитетами Генеральной Ассамблеи были представлены проекты статутов отдельно каждому такому суду. Путем консенсуса Генеральная Ассамблея ООН, однако, согласилась, что проблемы, заключенные в данном вопросе, тесно связаны с определением агрессии и проектом кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Таким образом, Ассамблея приняла решение отложить рассмотрение вопроса о международной уголовной юрисдикции до тех пор, пока ею не будут рассмотрены доклады по другим связанным с ним вопросам[23].

В настоящее время преступления геноцида вошло в проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1991 г., Уставные документы Международных уголовных трибуналов для бывшей Югославии и Руанды, а также в Статут Международного уголовного суда 1998 г. Причем, следует заметить, что при подготовке и принятии последнего документа не нашел никаких возражений вопрос о включении именно преступления геноцида в сферу юрисдикции Международного уголовного суда, что подтверждает, во-первых, особую общественную опасность данного преступления и, в связи с этим, необходимость привлечения к международной уголовной ответственности виновных лиц; во-вторых, международная уголовная юрисдикция в отношении преступления геноцида непосредственно признается в Конвенции 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него[24].

Международным преступлением, направленным против человечества и представляющим собой крайнюю форму расовой дискриминации, при которой целые группы населения определенного государства в зависимости от расы ставятся в неравноправное положение по сравнению с другими лицами, лишаются политических, социально-экономических и гражданских права, является **апартеид.**

Апартеид на языке африканской народности - буров (apartheid) буквально подразумевает раздельное проживание, разделение, обособление и представляет собой политику расовой сегрегации, дискриминации и угнетения, проводившейся правительством ЮАР в отношении коренного африканского и другого неевропейского населения вплоть до начала 90-х годов XX века. При совершении преступления апартеида население изолируется в специальных резервациях.

Начиная еще с 1946 года предметом острого обсуждения в ООН являлся именно вопрос об определении политики апартеида и многими решениями Генеральной Ассамблеи ООН, а также региональной международной организацией - Организацией Африканского Единства апартеид осужден как преступление против человечества.

Юридической основой борьбы с апартеидом явилась принятая в 1973 году Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него, в которой непосредственно апартеид осуждается как преступление против международного права и человечества и признается создающим угрозу международному миру и безопасности. Конвенция, направленная против апартеида в ЮАР, имеет больший смысл, так как данное международное преступление совершается и в некоторых других странах, где главенствуют националистические настроения главарей режимов.

В Конвенции в статье 2 к актам апартеида относятся следующие действия, являющиеся бесчеловечными по характеру и совершаемые с целью установления и поддержания господства и систематического угнетения одной расовой группы над другой:

1) Лишение их права на жизнь и свободу личности путем убийств, причинения серьезных телесных повреждений или умственного расстройства, посягательства на их свободу или достоинство, применения пыток или жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство обращения и наказания, а также путем произвольных арестов и незаконного содержания в

тюрьмах;

2) Умышленное создание для расовой группы или групп населения жизненных условий, рассчитанных на их полное или частичное физическое уничтожение;

3) Любые меры, в том числе и законодательного характера, рассчитанные на воспрепятствование участию расовой группы в политической, социальной, экономической и культурной жизни страны, и умышленное создание условий, препятствующих полному развитию такой группы, в частности путем лишения ее членов основных прав и свобод человека;

4) Любые меры, направленные на разделение населения по расовому признаку посредством создания изолированных резерваций и гетто для членов расовой группы, запрещение смешанных браков между членами различных расовых групп, экспроприацию земельной собственности, принадлежащей расовой группе или их членам;

5) Эксплуатация труда членов расовой группы, в частности, использования их принудительного труда;

6) Преследование организаций и лиц путем лишения их основных прав и свобод за выступления против апартеида.

Характерно, что некоторые акты апартеида, связанные с уничтожением расовой группы или групп населения и др., могут квалифицироваться и как геноцид.

Независимо от мотивов совершения субъектами преступления апартеида могут являться физические лица, члены организаций, учреждений, официальные представители органов государственной власти независимо от места совершения. Помимо исполнителей, наказанию подлежат подстрекатели, организаторы, а также лица, которые непосредственно содействуют, поощряют или сотрудничают в совершении актов апартеида (ст.3).

В отношении преступления апартеида также установлена универсальная юрисдикция. Лица, виновные в совершении преступления апартеида должны передаваться суду любого государства-участника настоящей Конвенции. Непризнание преступления апартеида политическим преступлением подразумевает, что виновные в его совершении лица, при необходимости, подлежат обязательной выдаче. Выдача таких лиц осуществляется в соответствии с национальным законодательством и специально принятыми государствами международными договорами (ст. 9).

Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 года, как и Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года предусматривает возможность учреждения Международного уголовного суда по согласию государств-участников для привлечения к международной уголовной ответственности лиц, совершивших преступление апартеида. Поскольку с ликвидацией системы расового неравенства в ЮАР проблема апартеида в значительной степени утратила актуальность для мирового сообщества, таких прецедентов пока не было. Тем не менее, преступления апартеида вошло и в проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, 1991 года (ст. 20).

Таким образом, геноцид и апартеид - как преступления, посягающие на права и свободы человека, направленные против человеческой личности и человеческого достоинства, должны жестко пресекаться и впредь. В целом, необходимо признать любую форму расовой дискриминации - расизм, национализм - международным преступлением, а на виновных в их совершении физических лиц должен распространяться принцип неотвратимости наказания без каких-либо сроков давности[25].

Экоцид - международное преступление, подразумевающее нанесение окружающей среде такого вреда, который создает непосредственную угрозу для жизни и здоровья отдельных человеческих общностей или человечества в целом. Экоцид как преступление имеет своим истоком агрессивную войну, в связи с чем его составной частью является военный экоцид, то есть принудительное использование природных условий и явлений для достижения военного преимущества над противником и победы в войне. В этой связи в международном уголовном праве выделяют:

а) геофизическую войну, под которой понимается принудительное стимулирование вулканической деятельности, землетрясений, разрушение озонового слоя, воздействие на вечную мерзлоту и другие искусственные изменения динамики, состава или структуры Земли;

б) метеорологическую войну, подразумевающую вызывание с помощью технических и других средств ураганов, цунами, бурь, градопадов, лавин, оползней, выпадения осадков в виде дождя и снега и других изменений климата в тех же целях;

в) широкое применение оружия массового уничтожения и других вооружений неизбирательного действия: ядерного, лучевого, токсинного, зажигательного, инфразвукового, радиочастотного и др.[26].

К основным международно-правовым актам, посвященным вопросам ограничения и запрета использования средств воздействия на окружающую природную среду, можно отнести: Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств 1925 года; Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 года; Конвенцию о запрещении военного или любого иного использования средств воздействия на природную среду 1977 года; Конвенцию о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющие неизбирательное действие, 1980 года; Дополнительный протокол-1 1977 года к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 года и др.

Последним документом запрещается применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде (ст.35, п. 3)[27]. Данная норма в международном уголовном праве является единственной, напрямую защищающей окружающую природную среду от каких-либо преступных посягательств.

Протоколом запрещается применение репрессалий путем причинения ущерба природной среде потому, что они наказали бы все человечество в целом. Содержатся также такие экологические нормы, как “защита объектов, необходимых для выживания гражданского населения”, “Защита установок и сооружений, содержащих опасные силы” (ст. ст.54, 56).

Существенно важно и то положение, что обычные нормы международного уголовного права запрещают превращать в объект нападения окружающую среду как таковую. В связи с этим, оговорка Мартенса предусматривает, что гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, проистекающих из установившихся обычаев, из принципов гуманности и из требований общественного сознания. Применимость и действенность данных норм в контексте обеспечения охраны окружающей среды в период вооруженного конфликта неоспорима[28].

Конвенция о запрещении применения военного или любого другого враждебного использования средств воздействия на природную среду была принята Генеральной Ассамблеей ООН 18 мая 1977 года в связи с тревогой, которую вызвало использование средств и методов ведения боевых действий, нанесших огромный ущерб окружающей среде во время войны во Вьетнаме[29]. Как отмечено в преамбуле Конвенции “Государства-участники настоящей Конвенции, руководствуясь интересами упрочения мира и желая внести вклад в дело прекращения гонки вооружений и достижения всеобщего и полного разоружения под строгим и эффективным международным контролем и в дело избавления человечества от опасности использования новых средств ведения войны, ... признают, что научно-технический прогресс может открыть новые возможности в области воздействия на природную среду... и сознают, что военное или любое иное враждебное использование таких средств могло бы иметь чрезвычайно пагубные последствия для благосостояния людей...”.

Конвенция обязывает каждое государство-участника:

1) не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику.

2) не помогать, не поощрять и не побуждать любое государство, группу государств или международную организацию к осуществлению деятельности, противоречащей положениям пункта 1 (ст.1).

В соответствии с Конвенцией термин “средства воздействия на природную среду” относится к любым средствам для изменения - путем преднамеренного управления природными процессами - динамики, состава или структуры Земли, включая ее биоту, литосферу, гидросферу и атмосферу, или космического пространства (ст.2).

Международная уголовная ответственность физических лиц за преступления экоцида

предусматривается и в Проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1991 г. В нем преступление экоцид названо как “Преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде”. Так в соответствии со статьей 26 проекта Кодекса международной уголовной ответственности подлежит любое лицо, которое преднамеренно причиняет или отдает приказ о причинении широкомасштабного, долгосрочного и серьезного ущерба природной окружающей среде. В комментариях к этой статье указывается, что защита окружающей среды имеет большое значение для человечества, поэтому особо серьезные посягательства на эти основополагающие интересы цивилизации должны влечь за собой международную уголовную ответственность индивидов-виновников.

К выше изложенному необходимо добавить, что международная уголовная ответственность возможна в случаях фактического причинения ущерба “окружающей природной среде” в широком смысле этого понятия, т.е. среде, непосредственно окружающей человека, а также районам, сохранение которых имеет важное значение для защиты окружающей среды; когда ущерб обширен, долговременен и серьезен. Серьезность такого преступления непосредственно определяется масштабами либо тяжестью причиненного ущерба, его продолжительностью во времени, а также размерами географических районов, понесших этот ущерб. Сама же постановка вопроса о такой ответственности возможна только в случаях, если ущерб окружающей природной среде причинен только умышленно, с осознанием степени опасности такого ущерба и его последствиях. При этом лицо сознательно допускает масштабы вредных последствий для окружающей среды, но тем не менее совершает такие действия для достижения победы во время непосредственной военной операции, вооруженного конфликта.

Хотя в рассмотренных документах как таковой термин “экоцид“ не употребляется, но, тем не менее, признается, что действия, входящие в состав экоцида как международного преступления, приводят к необратимым последствиям для окружающей природной среды и, как следствие, для всего человечества в целом.

В современном международном праве **биоцид** (буквально- уничтожение жизни) признается международным преступлением против человечества В отличие от экоцида биоцид направлен только против человека и других живых существ и означает преднамеренное и массовое уничтожение людей и живой природы с помощью оружия массового уничтожения в целях достижения военного преимущества над противником и победы в вооруженном конфликте. В мирное время биоцид практически исключен, так как его истоком признаются агрессивные войны.

К отличительным признакам биоцида относят целенаправленное применение оружия массового уничтожения, которое включает следующие:

1. ***Нейтронное оружие*** для уничтожения человека и сохранения материальных ценностей, оружия и боевой техники, которое до настоящего времени до сих пор не запрещено международным правом и национальным законодательством рядом государств, обладающих таким оружием[30].

2. ***Бактериологическое, биологическое и токсинное оружие***, запрещенное Конвенцией о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 года. Бактериологическое (биологическое) и токсинное оружие отнесено к категории оружия массового уничтожения, так как их действие основано на использовании в основном болезнетворных средств боевых биологических средств. Его эффективность определяется малой инфицирующей дозой, возможностью скрытного применения на значительной территории, трудностью обнаружения и избирательного действия только на человека, животных и других живых существ, а также сильным психологическим воздействием на противника и трудностью защиты войск, населения и ликвидации последствий. В соответствии с указанной Конвенцией каждое государство-участник обязуется никогда, ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать каким-либо иным образом и не сохранять: микробиологические или другие биологические агенты или токсины, каково бы ни было их происхождение или метод производства, таких видов и в таких количествах, которые не имеют назначения для профилактических, защитных или других мирных целей; оружие, оборудование или средства доставки, предназначенные для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах (ст.1).

3. ***Химическое оружие:*** боеприпасы и устройства в состав которых входят токсичные

химикаты и их прекурсоры, предназначенные для уничтожения живой силы противника в вооруженном конфликте. В соответствии с Конвенцией о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 года каждое государство-участник обязуется никогда, ни при каких обстоятельствах: a) не разрабатывать, не производить, не приобретать иным образом, не накапливать или не сохранять химическое оружие или не передавать прямо или косвенно химическое оружие кому бы то ни было; b) не применять химическое оружие; c) не проводить любых военных приготовлений к применению химического оружия; d) не помогать, не поощрять или н побуждать каким-либо образом кого бы то ни было к проведению любой деятельности, запрещаемой государству-участнику по настоящей Конвенции. Государства обязуются уничтожить химическое оружие, которое находится в его собственности или владении или которое размещено в любом месте под его юрисдикцией или контроле, в соответствии с положениями настоящей Конвенции. Государства также обязуются уничтожить любые объекты по производству химического оружия, которые находятся в его собственности или владении или которые размещены в любом месте под его юрисдикцией или контролем, в соответствии с положениями настоящей Конвенции (ст.1).

В статье 7 Конвенции “Национальные меры по осуществлению” говориться, что каждое государство-участник в соответствии со своими конституционными процедурами принимает необходимые меры по выполнению следующих своих обязательств по настоящей Конвенции:

a) запрещает физическим и юридическим лицам, находящимся где бы то ни было на его территории или в любом другом месте под его юрисдикцией, как это признано международным правом, проводить любую деятельность, запрещаемую государству-участнику по настоящей Конвенции, в том числе принимает уголовное законодательство в отношении такой деятельности;

b) не разрешает проводить в любом месте под его контролем любую деятельность, запрещаемую государству-участнику по настоящей Конвенции; и

c) распространяет свое уголовное законодательство, принятое в соответствии с подпунктом a), на любую деятельность, запрещаемую государству-участнику по настоящей Конвенции, которая проводится где бы то ни было физическими лицами, обладающими его гражданством, в соответствии с международным правом.

4. ***Удушливые, ядовитые и другие подобные газы***, предназначенные для уничтожения людей, запрещенные Протоколом о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств 1925 года. В современном международном гуманитарном праве содержатся нормы, запрещающие применение в вооруженном конфликте таких средств ведения войны, как удушливые и ядовитые газы.

К наиболее древним преступлениям против прав и свобод человека, непосредственно возникающим и развивающимся в период рабовладельческого строя, **относятся рабство и работорговля**. Ряд исследователей относят данные деяния к разряду преступлений международного характера[31], приравнивая их по степени опасности к таким преступлениям международного характера, как: эксплуатация проституции третьими лицами; пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания и др. В свою очередь следует считать верной квалификацию рабства и работорговли в качестве международных преступлений, так как степень их опасности для человечества и непосредственная направленность на личные права человека намного выше по сравнению с преступлениями международного характера.

Важное значение по исследуемому вопросу имеет Берлинская конференция 1885 года, на которой принимается Генеральный акт о Конго, где непосредственно подтвержден международно-правовой запрет этого преступления, а также запрещено использование территории в бассейне реки Конго в качестве рынка невольников или транзитных путей перевозки рабов. Комплекс конкретных мер по искоренению работорговли предусматривается Генеральным актом, принятым в 1890 году на Брюссельской конференции. В соответствии с данным Актом государства обязуются принять необходимые законы об уголовной ответственности за работорговлю, а также учредить специальные органы, которые непосредственно будут уполномочены вести борьбу с работорговлей.

Первые международные соглашения об искоренении рабства появились под влиянием Октябрьской социалистической революции в России. Среди них в первую очередь назовем подписанную 38 государствами 25 сентября 1926 г. Конвенцию относительно рабства, с

Дополнительным протоколом к ней от 7 декабря 1953 года, участником которых являлся и Советский Союз. В статье 1 Конвенции непосредственно дается само определение рабства: “Рабство есть состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них”. Государства-участники Конвенции обязуются предотвращать и пресекать торговлю невольниками и продолжать добиваться постепенно и в возможно короткий срок полной отмены рабства во всех его формах[32].

Важным этапом в области борьбы с рабством и работорговлей и их полного искоренения стало учреждение Организации Объединенных Наций. Принятая 10 декабря 1948 г. под эгидой ООН Всеобщая декларация прав человека провозгласила, что “никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах” (ст. 4)[33].

При ЭКОСОС, являющемся одним из органов ООН, создается Специальный комитет по вопросам рабства, которым, после продолжительного анализа ситуации в ряде стран, было признано, что рабство, хотя и в скрытых формах, все еще существует. В связи с этим, в 1956 году была созвана Женевская конференция по борьбе с рабством, на которой, непосредственно, была принята Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством.

Дополнительная конвенция вносит существенные изменения и дополнения в Конвенцию 1926 года. В частности, нормы Дополнительной конвенции квалифицируют в качестве уголовно-наказуемых такие преступления, как деяния лиц, способствующих обращению другого лица в рабство, либо перевозка или попытка перевозки рабов из одной страны в другую какими бы то ни было транспортными средствами, калечение, клеймение других людей, проводимые с целью закрепить их в рабстве, а также склонение других людей к отдаче себя в рабство.

В целом, в соответствии с нормами Дополнительной конвенции государства-участники обязуются принять все необходимые меры к тому, чтобы осуществить постепенно и, по возможности, в кратчайшие сроки полную отмену или упразднение таких институтов и обычаев, как долговая кабала (форма экономического рабства), крепостное состояние или любых других институтов или обычаев, в силу которых:

I) женщину обещают выдать или выдают замуж, без права отказа с ее стороны, ее родители, опекун, семья или любое другое лицо или группа лиц за вознаграждение деньгами или натурой;

II) муж женщины, его семья или его клан имеет право передать ее другому лицу за вознаграждение или иным образом; или

III) женщина по смерти мужа передается по наследству другому лицу (ст. 1).

Необходимо также уточнить, что в соответствии с резолюцией 1126, принятой ЭКОСОС 1 октября 1966 г., к рабству отнесена и практика апартеида и колониализма, хотя, состав преступлений рабства, апартеида и колониализма различен.

Работорговля есть перевозка или попытка перевезти рабов из одной страны в другую, а также продажа их либо обмен с целью получить материальную или иную выгоду. В настоящее время работорговля может иметь скрытые формы: продажа дешевой рабочей силы; похищение и последующая продажа детей для сексуальной и иной эксплуатации; торговля женщинами для сексуальной эксплуатации[34].

Наиболее опасным международным преступлением в настоящее время является именно торговля детьми. Заметим, что определение “торговли детьми” нет ни в одном международном договоре. В связи с этим рабочей группой Комиссии по правам человека в специальном докладе по вопросу о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии было дано следующее определение: “Торговля детьми” означает акт покупки и/или продажи ребенка между любым лицом и/или учреждением, осуществляющим опеку или попечение над ребенком, и любым другим лицом и/или учреждением для целей детской проституции или детской порнографии”.

В Программе действий по предотвращению торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятой в резолюции 1992/74 Комиссии по правам человека и являющейся приложением к ней, утверждается, что “контрабанда детей и торговля ими... представляют собой современные формы рабства”[35].

Основными целями торговли детьми и контрабанды детей на международном уровне могут являться:

1) Международное усыновление. Применительно к данному вопросу эта область получила

наиболее полное документальное подтверждение. Имеется значительный объем достоверных данных, касающихся торговли и контрабанды с целью усыновления из Азии в развитые страны Европы, а также между регионами, преимущественно, в странах Юго-Восточной Азии (особенно между Таиландом и Малайзией). В последнее время участились также случаи усыновления детей из государств Центральной Азии;

2) Эксплуатация детского труда (в том числе в преступных целях). Хотя объем документальных данных об этой практике несколько меньше, тем не менее она также получила широкое распространение во всем мире. Среди недавних примеров встречаются случаи перемещения мальчиков из Пакистана и других стран этого региона в государства Персидского залива для участия в качестве погонщиков в верблюжьих скачках, которые, наряду с соколиной охотой, являются очень популярными, особенно среди богатых шейхов и нефтяных магнатов арабского востока. Также распространено перемещение детей в качестве домашней прислуги из африканских стран в западную часть Азии, и из Камбоджи, Китая, Лаосской Народно-Демократической Республики и Мьянмы в Таиланд;

3) Коммерческая сексуальная эксплуатация. Исторически именно в связи с сексуальной эксплуатацией и работорговлей впервые возникла озабоченность по поводу контрабанды детей. Детей из бедных стран покупают богатые дельцы, которые наживают огромные состояния, эксплуатируя таких детей в сексуальных целях. За последние годы известны случаи небывалой трансграничной торговли и контрабанды с подобной целью в Азии (особенно, из Бирмы в Таиланд, и из Непала в Индию), а также из Азии в Западную Европу. Согласно отчетам ЮНИСЕФ примерно один миллион девочек, среди которых многие еще не достигли половой зрелости, ежегодно во всех странах мира заманивают или принуждают к занятиям проституцией[36].

Любые действия и способы, связанные с незаконным приобретением детей, являются уголовно-наказуемыми и представляют большую опасность для отдельного государства и всего мирового сообщества. Физические лица, виновные в совершении указанных деяний, подлежат международной уголовной ответственности в соответствии с нормами международного или национального права государств.

Наибольшую опасность для международного сообщества, особенно в последние годы уходящего столетия, представляет **международный терроризм**. Международный терроризм (от лат. *terror* - страх, ужас) - международное преступление, представляющее собой действия отдельных лиц и организаций, направленные на достижение каких-либо целей (обычно политических) путем применения акций насилия, террористических актов. Международный терроризм, таким образом, представляет собой совокупность общественно опасных в международном масштабе деяний, угрожающих международной и национальной безопасности государства, влекущих бессмысленную гибель людей, нарушающих нормальную дипломатическую деятельность государств и их представителей и затрудняющих осуществление международных контактов и встреч, а также транспортных связей между государствами.

Если действия террористов не выходят за рамки своей страны (национальный терроризм), то квалификация таких действий в качестве теракта и ответственность наступает по положениям национального законодательства.

Международным преступлением теракт можно квалифицировать в случаях: а) если преступники и потерпевшие являются гражданами одного государства или разных стран, но сам террористический акт совершен за их пределами; б) если теракт направлен против государства, его граждан, лиц, пользующихся международной защитой; в) если подготовка к террористическому акту ведется в одном государстве, а совершается в другом; г) если совершив теракт в одном государстве, террористы укрываются в другом, и встает вопрос о их выдаче для привлечения к уголовной ответственности.

Современный терроризм содержит в себе все признаки организованной преступности и поэтому никак не может совершаться одним лицом. Даже если преступник действует в одиночку, нередко ответственность за совершение преступления берет на себя какая-либо террористическая организация. Разоблачение различных террористических организаций и групп в разных регионах мира, потворство им со стороны политических организаций и правительственных органов, использование террористов в политических целях свидетельствуют об организованном характере этих преступлений. Сказанное позволяет выдвинуть предположение о признании террористических организаций преступными со всеми вытекающими отсюда правовыми

последствиями как для самих организаций, так и их членов[37].

Следует также отметить, что нельзя рассматривать террористов просто как “уголовников”, а в качестве мотивов совершения ими таких преступлений - только насилие, личную наживу и обогащение, месть и т. д. Современный международный терроризм преимущественно носит политическую форму и мотивы совершения террористических акций тоже в большей степени политические.

В настоящее время на универсальном уровне при ООН функционирует Специальный комитет по международному терроризму, в компетенцию которого входит координация деятельности государств в изучении и устранении причин международного терроризма и выработка конкретных рекомендаций по борьбе с ним.

Важно отметить и “Меры по борьбе с международным терроризмом”, принятые в решении VIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. В соответствии с данным документом, государствам рекомендуется разработать на международном, региональном и двустороннем уровнях эффективные меры для налаживания международного сотрудничества по предупреждению террористического насилия, а также, что не менее важно, следует содействовать обеспечению большего единообразия законов и практике государств, касающихся уголовной юрисдикции, хотя вместе с тем следует избегать чрезмерного расширения национальной юрисдикции для предупреждения нежелательных правовых конфликтов между государствами.

Государства также должны стремиться к разработке и эффективному осуществлению международных договоров о выдаче, независимо от того, являются ли они частью многосторонних региональных конвенций или двусторонних договоров. Предусмотрено также и то, что Организация Объединенных Наций должна оказывать помощь любой стране, которая страдает от терроризма или от присутствия террористических организаций на ее территории, с тем чтобы покончить с этим явлением.

Особенно важным положением в рассматриваемом документе является положение о поощрении продолжения изучения возможности учреждения международного уголовного суда, который имел бы юрисдикцию над лицами, совершившими международные теракты. В принципе, идея о создании такого органа, как уже отмечалось, выдвигалась еще в Конвенции 1937 г. о предупреждении терроризма и наказании за него.

В настоящее время к основным международно-правовым документам, посвященным регулированию вопросов предупреждения и наказания актов терроризма и других схожих с терроризмом противоправных действий, можно отнести:

- Конвенцию 1963 г. о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов;
- Конвенцию 1970 г. о борьбе с незаконным захватом воздушных судов;
- Конвенцию 1971 г. о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации;
- Конвенцию 1973 г. о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов;
- Конвенцию 1979 г. о борьбе с захватом заложников;
- Конвенция 1980 г. о физической защите ядерного материала;
- Конвенцию 1988 г. о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства;
- Декларацию ООН 1994 г. о мерах по ликвидации международного терроризма;
- Декларацию ООН 1996 г. о преступности и общественной безопасности;
- Международную конвенцию 1997 г. о борьбе с бомбовым терроризмом;
- Международную конвенцию 1999 г. о борьбе с финансированием терроризма;
- Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, 1991 г.

Из наиболее важных действующих региональных соглашений в рассматриваемой области следует указать Конвенцию 1971 года Организации американских государств о предупреждении и наказании за совершение актов терроризма, принимающих форму преступлений против лиц, и связанного с этим вымогательства, когда такие акты носят международный характер; Европейскую конвенцию о борьбе с терроризмом 1977 года; Конвенцию 1987 года по пресечению терроризма, одобренную Ассоциацией регионального сотрудничества Южной Азии.

Важное значение вышеперечисленных соглашений для исследуемого вопроса заключается в том, что в них закрепляется международное обязательство либо выдавать правонарушителя запрашивающему государству, либо передавать компетентным властям государства для судебного преследования (aut dedere aut judicare).

Учитывая все большую опасность терроризма для граждан, общественного спокойствия и национальной безопасности[38] Казахстана в Законе Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 26 июня 1998 г. в статье 19 «Обеспечение общественной безопасности» в качестве одной из приоритетных задач определено «усиление борьбы с преступностью, в том числе с ее организованными формами, коррупцией и терроризмом»[39].

Для выполнения выше обозначенной задачи 13 июля 1999 года принимается Закон Республики Казахстан «О борьбе с терроризмом». Данным законом определяются правовые и организационные основы борьбы с этим преступлением, независимо от форм собственности, а также права, обязанности и гарантии граждан в связи с осуществлением борьбы с терроризмом.

Закон довольно точно дает определения терроризма и международного терроризма. Так, под «терроризмом» понимается противоправное уголовно-наказуемое деяние, совершенное для подрыва безопасности государства, оказания воздействия на принятие государственными органами решений и достижения иных террористических целей путем:

- уничтожения (повреждения) или угрозы уничтожения (повреждения) стратегических и жизненно важных объектов и коммуникаций государства, системы жизнеобеспечения населения, имущества и других материальных объектов;
- посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенного для прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность;
- нападения на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой;
- насилия или угрозы применения насилия в отношении физических лиц;
- захвата или удержания в качестве заложника;
- иных деяний, подпадающих под понятие «террористических» в соответствии с Уголовным кодексом Республики Казахстан[40], а также общепризнанными международными правовыми актами, направленными на борьбу с терроризмом.

Под «международным терроризмом» в законе понимается террористическая деятельность, выходящая за рамки одного государства, то есть, терроризм, имеющий «трансграничные» формы.

В законе подробно и полно определены основные принципы, на которых и основывается борьба с терроризмом в Республике Казахстан. Среди них следует выделить принципы соблюдения законности и неотвратимости наказания за осуществление террористической деятельности (ст. 3, п.п. 2, 4). Последний принцип непосредственно подтверждается в статье 20 Главы 6 рассматриваемого закона: «Лица, участвующие в террористической деятельности, несут уголовную ответственность, предусмотренную законодательством Республики Казахстан».

Помимо уголовного законодательства и указанного Закона о борьбе с терроризмом, определяющих преступный характер терроризма и ответственность за его совершение, Республикой Казахстан заключены ряд двусторонних договоров по борьбе с данным преступлением, среди которых особо следует выделить:

- Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Федеративной Республики Германии о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, терроризмом и другими опасными видами преступлений от 10 апреля 1995 г. (Постановление Правительства РК об утверждении № 476 от 4 апреля 1997 г.);
- Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Венгерской Республики о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ от 7 октября 1996 г. (Постановление Правительства РК об утверждении №652 от 24 апреля 1997 г.);
- Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Чешской Республики о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, терроризмом и другими опасными видами

преступлений от 9 апреля 1998 г. (Постановление Правительства РК об утверждении №895 от 30 июня 1999 г.);

- Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Исламской Республики Иран о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью и терроризмом от 6 октября 1999 г. (Постановление Правительства РК об утверждении №1924 от 15 декабря 1999 г.).

Вышеперечисленные двусторонние договоры имеют следующие общие положения, характеризующие основные цели их заключения:

- осуществление сотрудничества с целью эффективной профилактики и борьбы с организованной преступностью и, в частности, преступностью в связи с наркотиками, незаконным въездом лиц, а также терроризмом;

- борьба с терроризмом в рамках своего внутригосударственного законодательства и для этих целей обмен информацией, в частности, о запланированных и совершенных террористических актах, формах и методах их осуществления, а также о террористических группировках, которые на территории другой Стороны планируют, совершают или совершили преступления против интересов другой Стороны;

- выдача лиц, виновных в совершении терроризма и других преступлений, предусмотренных договорами для целей выполнения принципа неотвратимости наказания за совершенные преступные деяния.

В целом, учитывая те обстоятельства, что современный терроризм несет в себе все признаки организованной преступности и представляет огромную опасность как для национальной безопасности государств, так и для всего международного правопорядка, следует согласиться с утверждением о целесообразности применения к террористам тех правил об ответственности соучастников, которые применялись в отношении нацистских военных преступников. Это означает, что каждый участник террористической организации или группы должен нести ответственность за всю преступную деятельность организации.

Такой суровый подход к тем, кто совершает это тягчайшее преступление, будет удовлетворять принципу социальной справедливости: чем более тяжкими преступными акциями характеризуется деятельность преступной террористической организации, тем более суровым должно быть наказание и конкретных ее участников[41].

Наиболее тесным образом с международным терроризмом связано и такое международное преступление, как **наемничество**. В настоящее время практически ни одна террористическая преступная организация или формирование не обходятся без помощи внешних людских сил - специально привлекаемым за соответствующее вознаграждение наемников. Следует признать преступными действия как по вербовке и использованию наемников, так и по их финансированию, подготовке и обучению.

Впервые понятие “наемник” в полной мере применительно к вооруженным конфликтам дается в Дополнительном протоколе I 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г.: “лицо, нанятое за деньги одной из сторон в конфликте и не имеющее статуса комбатанта либо военнопленного в случае его попадания в плен к противной стороне”.

Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества предусматривает международную уголовную ответственность лица, которое как агент или представитель государства совершает или отдает приказ о совершении любого из следующих деяний: вербовка; использование; финансирование; и обучение наемников для деятельности, направленной против другого государства или для цели противодействия законному осуществлению неотъемлемого права народов на самоопределение, признанного международным правом. Проект Кодекса дает более расширенное определение наемника и понимает под наемником лицо, которое:

a) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте;

b) принимая участие в военных действиях, руководствуется главным образом желанием получить личную выгоду и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и должности, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны;

c) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

d) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте; и

e) не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил (ст. 23, ч. 2).

Помимо этого, под наемником Проект Кодекса понимает любое лицо, которое в другой ситуации:

a) специально завербовано на месте или за границей для участия в совместных насильственных действиях, направленных на: 1) свержение правительства или иной подрыв конституционного строя государства; или 2) подрыв территориальной целостности государства;

b) принимая участие в таких действиях, руководствуется главным образом желанием получить значительную выгоду и которое побуждается к этому обещанием выплаты или выплатой материального вознаграждения;

c) не является ни гражданином, ни постоянным жителем государства, против которого направлены такие действия;

d) не направлено государством для выполнения официальных обязанностей; и

e) не входит в личный состав вооруженных сил государства, на территории которого совершаются такие действия.

Практически аналогичное определение содержится и в Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников, принятой резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1989 года[42]. При этом в статье 3 конвенции указывается, что наемник, непосредственно участвующий в военных или совместных насильственных действиях, в зависимости от обстоятельств, совершает преступление. А любое лицо, которое вербует, использует, финансирует или обучает наемников, также совершает преступление по смыслу настоящей Конвенции (ст. 2).

Конвенция налагает на государства обязанность не вербовать, не использовать, не финансировать и не обучать наемников и запрещать такую деятельность, а также предусматривать в национальном законодательстве соответствующие наказания за преступления по смыслу Конвенции (ст. 5).

Главными принципами данной Конвенции являются сотрудничество и неотвратимость наказания за совершение предусмотренных в ней преступлений. Неотвратимость уголовного наказания должна обеспечиваться посредством обязательства государства-участника Конвенции, на территории которого находится предполагаемый преступник и отказывающегося от выдачи такого лица, передавать дело своим компетентным органам для целей уголовного преследования посредством проведения судебного разбирательства в соответствии с внутренним законодательством (ст. 12).

Следует добавить, что между террористами и наемниками как личностями в их социально-психологической характеристике безусловно существует немало сходств. Их способ действия сопряжен в насилием над другими людьми, действия жестоки и циничны. В связи с этим, как наемники, так террористы должны подвергаться суровым наказаниям за самые тяжкие насильственные международные преступления. Такая ответственность может наступать перед национальными судами государств (принцип “aut dedere aut punire”), либо перед Международным уголовным судом, для чего необходимо скорейшее принятие Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, а также признание всеми государствами обязательности Статута Международного уголовного суда, принятого 17 июля 1998 г.

Ответственность за преступления международного характера

Преступления международного характера представляют собой международно-противоправные деяния (с наличием иностранного элемента), которые нарушают либо прямо создают угрозу развитию международных отношений. Иными словами, преступления международного характера - это предусмотренные международными договорами общественно опасные деяния, которые не относятся по своему составу к международным преступлениям, но также посягающие на нормальные международные и межгосударственные отношения и наносящие ущерб мирному сотрудничеству в различных областях. Таким образом, помимо указанных причин, преступления международного характера также входят в общий состав преступлений против международного права, так как непосредственно квалифицируются в качестве таковых именно в нормах

международного права.

В различной специализированной литературе, посвященной вопросам международного уголовного права либо международного сотрудничества в борьбе с преступностью такие преступления также именуются “международными уголовными преступлениями”, “транснациональными преступлениями”, “конвенционными преступлениями” и т.п. Однако эти различия носят только терминологический характер и перечисленные названия, в принципе, являются синонимами. Тем не менее, правильнее было бы применять к таким деяниям как пиратство, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, фальшивомонетничество, “отмывание” преступных доходов и к ряду других определение “преступления международного характера”, так как указанные преступления чаще всего посягают на внутригосударственный (национальный) правопорядок, а их “международный характер” проявляется в подрыве основ межгосударственного сотрудничества. Таким образом, данные преступления затрагивают не только внутренние интересы отдельного государства, но и интересы других государств или международного сообщества в целом.

В отличие от международных преступлений ответственность за преступления международного характера несут не государства, а только физические лица, так как такие преступления совершаются преступниками по своей инициативе, в целях личной выгоды, реализации своего частного интереса. Ответственность за такие преступления наступает на основе международного договора, но по национальному уголовному праву государств. Ущерб международным отношениям наносится постольку, поскольку это необходимо для достижения общего преступного результата: преступления против гражданской авиации угрожают жизни и безопасности пассажиров гражданских воздушных судов, нарушают нормальное и безопасное выполнение авиарейсов; контрабандой наркотиков, их изготовлением, переработкой, реализацией чаще всего занимаются граждане двух и более государств, члены международных преступных организаций, а по международным наркотрафикам переправкой наркотиков занимаются наркосиндикаты сразу нескольких государств, между которыми установлены прочные преступные связи; пиратство непосредственно нарушает осуществление нормальных международных морских сообщений между государствами.

Преступления международного характера, как уже отмечалось, больше всего посягают на внутригосударственный порядок, но одновременно представляют опасность и для всего миропорядка. По своей юридической характеристике такие преступления, осложненные, однако, “иностранным элементом”, могут быть отнесены и к общеуголовным преступлениям, так как все они предусмотрены и национальными уголовными законами государств[43]. Отнесение же таких схожих по составу деяний к разряду общеуголовных преступлений либо преступлений международного характера, в первую очередь, зависит от того, насколько четко в каждом из них выражены “иностранные элементы”. В случае, если в каком-либо из преступлений международного характера такие элементы практически не прослеживаются либо слабо выражены, так или иначе может потребоваться взаимная правовая помощь государств при проведении предварительного расследования уголовного дела международного характера, судебного разбирательства, исполнении приговора. К примеру, предположим, что лицо, совершая какое-либо преступление средней тяжести, в целях уклонения от ответственности скрывается на территории иностранного государства, которая в данном случае и только в соответствии с международным соглашением об оказании правовой помощи по уголовным делам оказывает такую помощь по просьбе запрашивающей стороны: проводит розыск такого преступника, его задержание и передачу государству, чей уголовный закон нарушен. Поэтому можно говорить и о важности уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных норм международного права[44].

Следовательно, такие преступления представляют собой деяния, не относящиеся к преступлениям против человечества, мира и безопасности, но посягающие на нормальные стабильные отношения между государствами, наносящие ущерб мирному сотрудничеству в различных областях отношений (экономической, социально-культурной, имущественной и т.п.), а также организациям и гражданам, наказуемые либо согласно нормам, установленным в международных договорах, либо согласно нормам национального уголовного законодательства в соответствии с этими договорами.

Можно заключить, что преступления международного характера имеют международный характер не по своему составу (он схож с составом аналогичных деяний по внутреннему

уголовному праву), а по обстоятельствам совершения. То есть, такие преступления в силу их международного характера, относятся к преступлениям против международного права (такой характер вытекает из норм международных договоров в силу определенных обстоятельств их совершения), а ответственность за них наступает перед национальными судами государств.

Можно также отметить, что отличительной особенностью преступлений международного характера в сравнении, к примеру, с международными преступлениями, является меньшая степень их тяжести и опасности для человечества. При этом следует согласиться и с тем, что между двумя этими видами преступлений против международного права размывается четкая разделительная граница: некоторые международные преступления (международный терроризм, рабство и работорговля, торговля женщинами и детьми и др.) могут в некоторых случаях, в зависимости от реально исходящей от них опасности, квалифицироваться и как преступления международного характера. Хотя, в целом, и те и другие входят в общий состав преступлений - преступлений против международного права. К тому же, с принятием Проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, как нами уже не раз отмечалось, стираются грани между некоторыми международными преступлениями и преступлениями международного характера - и первые, и вторые квалифицируются, соответственно, как международные преступления против мира и безопасности человечества.

Таким образом, необходимо признать, что перечень преступлений международного характера, так же как и международных преступлений не является исчерпывающим. Естественным процессом является появление новых видов преступных деяний, которые, в зависимости от степени их опасности для мирового сообщества, могут быть отнесены к разряду преступлений против международного права первой либо второй группы. Помимо этого, уже известные преступления могут менять степень своей опасности (к примеру, с ликвидацией системы расового неравенства в ЮАР проблема апартеида в значительной степени утратила актуальность для мирового сообщества). То есть, некоторые преступления могут переходить из одной категории в другую.

Следует, в этой связи, согласиться с предположениями, что при таком понимании категории преступлений международного характера ее состав становится очень подвижным (практически он сводится к преступлениям, не получившим общего признания), причисление к категориям преступлений международного характера - вопросом субъективной оценки[45]. К этому необходимо добавить, что в качестве не менее важного критерия преступлений международного характера, помимо выше указанных, можно рассматривать закрепление составов таких преступлений первоначально именно в нормах международных договоров.

Таким образом, именно в международных договорах в области борьбы с преступлениями международного характера содержится обязательная норма сотрудничества государств-участников в предупреждении и подавлении таких преступлений, принятии соответствующих национальных уголовных законов, в соответствии с которыми виновные лица могли бы понести заслуженное наказание. Неотвратимость такого наказания может обеспечиваться только путем признания универсальной юрисдикции в отношении рассматриваемых преступлений и усиления института выдачи преступников через посредство заключения многосторонних и двусторонних соглашений в этой области.

Для подтверждения всего выше сказанного следует обозначить наиболее распространенные преступления международного характера, определить их квалификацию и состав в соответствии с нормами международных соглашений, а также выяснить характер ответственности за рассматриваемые преступления. Перечень приводимых ниже преступлений международного характера не является исчерпывающим, в связи с чем допустимо отнесение к разряду преступлений международного характера и других деяний. К наиболее распространенным преступлениям международного характера можно отнести:

1) **Незаконное вмешательство в деятельность гражданской авиации.** Впервые определение одного из видов незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации, совершаемого непосредственно на борту воздушного судна (незаконного захвата воздушного судна), дается в Токийской конвенции о правонарушениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 года (для Республики Казахстан вступила в силу 16 августа 1995 года), в которой “незаконный захват воздушного судна” определен следующим образом: “Когда лицо, находящееся на борту воздушного судна, незаконно, с помощью силы или угрозы применения

силы совершило акт вмешательства, захвата или иным образом неправомерно осуществляет контроль над воздушным судном в полете или когда намечается совершение такого акта”. Однако конвенция не квалифицирует подобные действия как преступление, а только ограничивается определением самого акта незаконного захвата.

Этот пробел был устранен Гаагской конвенцией о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года (для Республики Казахстан вступила в силу 4 мая 1995 года), в которой кроме определения акта незаконного захвата, по существу совпадающего с определением, содержащимся в Токийской конвенции, такие действия квалифицируются как преступление (ст. 1) и содержится обязательство для государств-участников принимать в их отношении суровые меры наказания (ст. 2).

В соответствии с Конвенцией право уголовного преследования предоставляется либо государству, на территории которого оказался угонщик, либо государству, на территории которого приземлился или зарегистрирован самолет при выдаче ему преступника. Таким образом, обеспечивается неотвратимость наказания преступника, где бы он ни скрывался от правосудия. Ответственности подлежат и соучастники преступления, а сама ответственность должна наступать как за оконченное преступление, так и за покушение на его совершение в самых различных формах. Существенным недостатком Конвенции является ограничение круга преступлений только захватом и угоном воздушного судна.

Данный круг преступлений, совершаемых на борту воздушных судов значительно расширен Монреальской конвенцией о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 года, к которой в 1988 году был принят Дополнительный протокол о борьбе с незаконными актами в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию (Для Республики Казахстан Конвенция вступила в силу 4 мая 1995 года).

В соответствии со статьей 1 Монреальской конвенции 1971 года “любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и преднамеренно:

a) совершает акт насилия в отношении лица, находящегося на борту воздушного судна в полете, если такой акт может угрожать безопасности воздушного судна; или

b) разрушает воздушное судно, находящееся в эксплуатации, или причиняет этому воздушному судну повреждение, которое выводит его из строя; или

c) помещает или совершает действия, приводящие к помещению на воздушное судно, находящееся в эксплуатации, каким бы то ни было способом устройство или вещество, которое может разрушить такое воздушное судно или причинить ему повреждение, которое выводит его из строя, или причинить ему повреждение, которое может угрожать его безопасности в полете; или

d) разрушает или повреждает аэронавигационное оборудование или вмешивается в его эксплуатацию, если любой такой акт может угрожать безопасности воздушных судов в полете; или

e) сообщает заведомо ложные сведения, создавая тем самым угрозу безопасности воздушного судна в полете”.

Преступлением признается и покушение (попытки) совершить любое из указанных действий, а также соучастие в них.

Для предупреждения перечисленных преступлений на воздушном судне Монреальская конвенция рекомендует государствам-участникам установить в национальном уголовном законодательстве уголовные наказания за их совершение[46].

Угон воздушного судна как преступление международного характера отличается от угона воздушного судна, квалифицируемого как общеуголовное преступление против общественной безопасности в связи с незаконным управлением таким судном в полете и приземление на территории государства его регистрации, прежде всего потому, что в первом случае угон воздушного судна включает и незаконный захват и другие акты незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации. Основной целью захвата и угона воздушного судна является незаконное использование такого судна в качестве средства передвижения преступников и изменение его курса в нужном для них направлении. В соответствии с указанными конвенциями государство, в котором приземлилось угнанное воздушное судно, обязано возвратить его и весь имеющийся груз законным владельцам и как можно быстрее разрешить пассажирам и экипажу вылет и следование по маршруту.

Уже упомянутым Дополнительным протоколом 1988 года к Монреальской конвенции предусмотрены следующие дополнительные положения: “Любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и преднамеренно с использованием любого устройства, вещества или оружия:

a) совершает акт насилия в отношении лица в аэропорту, обслуживающем международную гражданскую авиацию, который причиняет или может причинить серьезный вред здоровью или смерть;

b) разрушает или серьезно повреждает оборудование или сооружения аэропорта, обслуживающего международную гражданскую авиацию, либо расположенные в аэропорту воздушные суда, не находящиеся в эксплуатации, или нарушает работу служб аэропорта, если такой акт угрожает или может угрожать безопасности в этом аэропорту”.

Таким образом, любое незаконное вмешательство в деятельность гражданской авиации, независимо от того, совершается ли такое действие непосредственно на борту гражданского воздушного судна или в аэропорту, нарушает нормальное осуществление воздушных перевозок, угрожает безопасности лиц, находящихся на борту воздушного судна и лиц, обслуживающих деятельность гражданской авиации в аэропорту (диспетчерские службы аэропорта и другие связанные с ними наземные службы). Государства должны всячески препятствовать осуществлению такого вмешательства и сотрудничать в вопросах задержания и привлечения к ответственности виновных индивидов.

2) **Хищение ядерного материала** квалифицировано как преступление международного характера Конвенцией о физической защите ядерного материала от 3 марта 1980 года. В Конвенции отмечено, что с развитием ядерной техники и ядерного производства возникает возможность его хищения, которое представляет потенциальную опасность незаконного захвата и использования ядерного материала в ущерб многим государствам и народам, а также окружающей среде.

В Конвенции определяются объект преступного посягательства и некоторые другие элементы состава преступления, порядок привлечения виновных к ответственности и их выдачи. Положения конвенции распространяются только на ядерный материал, используемый в мирных целях и находящийся в процессе международной перевозки.

В соответствии со статьей 1 Конвенции к основным видам ядерного материала относятся: некоторые концентрации изотопов цезия, плутония, урана и т. п. В связи с возможными хищениями таких материалов Конвенция устанавливает стандарты их хранения и транспортировки, которые должны строго соблюдаться всеми государствами-участниками Конвенции.

Государства-участники рассматриваемой Конвенции объявили уголовно-наказуемым любое из следующих действий, совершенных умышленно без получения соответствующего разрешения:

- получение, владение, использование, передача, видоизменение, уничтожение или распыление ядерного материала, которое влечет или может повлечь смерть любого лица или причинить серьезное увечье, либо причинить существенный ущерб собственности;
- кража ядерного материала или его захват путем грабежа;
- присвоение или получение обманным путем ядерного материала, понуждение к выдаче его путем угрозы силой или другой формы запугивания;
- угроза использовать ядерный материал с указанными выше целями, совершить его хищение путем шантажа государства, его юридических или физических лиц.

Преступлением считается также акт покушения и все виды соучастия. При этом каждое государство-участник обязуется принимать соответствующие меры наказания за совершенные правонарушения с учетом степени их общественной опасности и тяжести наступивших последствий.

В случае хищения или угрозы перечисленных деяний государства-участники в соответствии с нормами своего внутреннего законодательства обеспечивают максимальное сотрудничество, оказывая помощь в возвращении и защите ядерного материала (ст. 5). Данное преступление является экстрадиционным, а сама Конвенция может рассматриваться государствами-участниками в качестве юридической основы для выдачи преступников, что облегчает осуществление выдачи преступников для привлечения к ответственности в случае отсутствия специального международного соглашения о выдаче. В соответствии с Конвенцией государства-участники обязуются установить в своем законодательстве меры наказания расхитителям ядерного материала.

Таким образом, данное преступление представляет большую угрозу как для государств, имеющих ядерные материалы, так и для всего человечества. Опасными последствиями грозит попадание таких материалов в руки транснациональных организованных преступных группировок, которые могут использовать их для своих преступных целей (например, при совершении международных терактов).

В целом, ядерное оружие в наши дни стало главной угрозой безопасности и дальнейшего существования человечества. Некоторые государства стремятся в обладанию таким оружием, его производству для достижения мирового господства, угрозы в международных отношениях с другими государствами для проведения национальных интересов и внешней политики. Это же оружие становится гарантом обеспечения собственной безопасности. Поэтому, хищение ядерного материала из преступления международного характера может перейти в разряд международных преступлений, когда такое преступление осуществляет само государство и/или физические лица, действующие от имени или по заданию своего правительства. Таким образом, хищение ядерного материала, производство ядерного оружия и его применение государствами должны квалифицироваться только как тягчайшие международные преступления.

3) **Преступления, совершаемые на море.** В первую очередь необходимо указать на **пиратство** (морской разбой), которое считается самым древним видом преступлений, непосредственно посягающим на интересы государств, использующих морские пространства в различных целях.

Следует отметить, что пиратство в древности не всегда считалось незаконным видом деятельности. К примеру, в Древней Греции пиратство считалось одним из дозволенных способов обогащения. В период средневековья пираты не только захватывали торговые суда, но и грабили приморские города, требовали крупные выкупы, собирали с них дань. А в период известной Ливонской войны на Балтике в 1570 г. по указанию самого Ивана Грозного была сформирована каперская флотилия. Ею руководил "царский наказной капитан" датский моряк Карстен Роде, принятый на русскую службу. Перед этой флотилией стояла задача нарушения морской торговли, а также борьбы с пиратскими действиями воевавших с Россией Польши, Литвы и Швеции. Под началом Карстена было 6 кораблей, и они меньше чем за год захватили 22 торговых судна противника. Прибалтийские дипломаты были крайне возмущены действиями этого ловкого капитана, требуя у датского короля ареста пирата и конфискации его флота, базировавшегося в датских портах. Следует заметить, что ряд историков рассматривают эту каперскую флотилию как прародительницу регулярного русского военно-морского флота. И только в середине прошлого века каперство было признано противозаконным и приравнено к пиратству.

В средние века в Средиземном море, и в особенности в Черном, торговля россиян по морю часто прерывалась из-за нападений морских пиратов, а сами торговцы (купцы) часто становились жертвами наглых бесчинств дерзких преступников. В ликвидации пиратства в Средиземном море были заинтересованы главным образом такие морские державы, как Россия и Англия наряду с другими европейскими государствами. К примеру, Российская империя начинает принимать активные действия по борьбе с пиратством на Средиземном море уже с XVIII века путем заключения соответствующих соглашений с Турцией. Так, ст. 61 торгового трактата 1783 года категорически требует, чтобы "всякий россиянин, сделанный таким образом невольником, был освобожден".

Вышеуказанное требование подтверждено также и в Ясском трактате 1791 года (ст. 7). Соглашения с Турцией в начале 19 века, например, Бухарский договор 1812 года (ст. 12) и Аккерманская конвенция 1826 года (ст. 7) свидетельствуют о решительной позиции Российской империи в подавлении пиратства на море. Это находит свое отражение в призывах России в начале 19 века об объединении усилий всех европейских государств в борьбе против пиратства на Средиземном море. В конце 1816 года она предлагала также, чтобы вся Европа поддержала Россию и вооружилась на борьбу с морским разбоем на Средиземном море. Предложение это, однако, в то время не было принято из-за противодействия тому ряда европейских стран, усмотревших в нем мнимое посягательство со стороны России на турецкую независимость.

В современный период, характеризующийся бурными отношениями государств в области экономики и международной торговли, пиратство, из-за соперничества за более выгодные условия внешнеэкономических связей и, соответственно, из-за важнейших артерий международного судоходства, превратилось в очень прибыльный бизнес. Нападения современных пиратов на торговые суда государств, участившиеся в последнее десятилетие ушедшего столетия, стали основным способом осуществления конкурентной борьбы на мировом рынке сырья и

транспортных услуг.

Пиратство в наши дни развивается на фоне неумолимо растущих гигантских грузопотоков по морю. Интенсивность морского судоходства и большая ценность перевозимых товаров еще больше привлекают к морскому разбою другие структуры транснациональной организованной преступности возможностью быстрого обогащения. Морские пираты, по существу, занимаются и контрабандой наркотиков, а также незаконной торговлей оружием.

Огромный экономический ущерб, причиняемый пиратами государствам, отсутствие налаженных международно-правовых механизмов по борьбе с этим преступлением и, как следствие, безнаказанность многих членов преступных банд-формирований, промышляющих пиратством, заставили мировое сообщество приступить к разработке специальных норм по предупреждению пиратства и наказанию лиц, виновных в совершении этого преступления. Так, к основным действующим нормам по борьбе с пиратством можно отнести нормы, содержащиеся в Женевской конвенции об открытом море 1958 года (ст. 14-22) и в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (ст. 100-107). В частности, в последнем документе в статье 101 к актам пиратства приравнены следующие действия:

a) любой неправомерный акт насилия, задержания или любой грабеж, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный:

i) в открытом море против другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на их борту;

ii) против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства;

b) любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата, совершенный со знанием обстоятельств, в силу которых судно или летательный аппарат является пиратским судном или летательным аппаратом;

c) любое деяние, являющееся подстрекательством или сознательным содействием совершению действия, предусматриваемого в подпункте “a” или “b”.

Указанные пиратские действия, когда они совершаются военным кораблем, государственным судном или государственным летательным аппаратом, экипаж которого поднял мятеж и захватил контроль над этим кораблем, судном или летательным аппаратом, приравниваются к действиям, совершаемым частновладельческим судном или частновладельческим летательным аппаратом (ст. 102). Судно или летательный аппарат считается пиратским судном или пиратским летательным аппаратом, если они предназначаются лицами, имеющими над ними власть, для совершения любого из перечисленных выше действий. Это относится также к судну или летательному аппарату, которыми пользовались для совершения таких действий, до тех пор пока они остаются под властью лиц, виновных в этих действиях (ст. 103).

Все государства-участники Конвенции обязуются сотрудничать в максимально возможной степени в пресечении указанных деяний в открытом море или в любом другом месте за пределами юрисдикции какого-либо государства. В открытом море или в любом другом месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства любое государство может захватить пиратское судно или пиратский летательный аппарат либо судно или летательный аппарат, захваченное посредством пиратских и находящееся во власти пиратов, арестовать находящихся на этом судне или летательном аппарате лиц и захватить находящееся на нем имущество. Судебные учреждения того государства, которое совершило такой захват, могут выносить постановления о наложении наказаний и определять, какие меры должны быть приняты в отношении таких судов, летательных аппаратов или имущества, не нарушая прав добросовестных третьих лиц[47].

К другим преступлениям международного характера, непосредственно совершаемым на море, относятся: “Столкновение морских судов в море”[48] и “Неоказание помощи на море”; “Нарушения правового режима континентального шельфа” и “Разрыв и повреждение подводного кабеля или трубопровода”. Необходимо также указать и на такие действия, угрожающие экологии и безопасности моря, как загрязнение моря нефтью и другими опасными веществами. Государства признают универсальную юрисдикцию в отношении указанных преступлений и обязуются сотрудничать друг с другом по вопросам оказания правовой помощи: осуществлять судебное расследование и преследование, а также взаимодействовать по вопросам экстрадиции лиц, виновных в совершении указанных преступлений.

4) **Легализация преступных доходов** - преступление международного характера, наиболее распространенное в странах с рыночной экономикой. Общий принцип легализации таких средств сводится к тому, что добытые преступным путем деньги вывозятся за границу и размещаются в различных государствах на счета коммерческих банков. На эти средства законным путем приобретаются или учреждаются предприятия и банки, скупается иностранная валюта, заключаются внешнеэкономические и другие контакты. Соучастниками таких преступлений, как правило, являются работники банков, скрывающие свои действия под предлогом сохранения банковской тайны.

Процесс легализации преступных доходов, т. е. превращения "грязных денег" в законный доход получил название "отмывания" денег и впервые появился в США в 30-х годах, когда местная мафия для легализации денежных средств, полученных от разного рода незаконной деятельности (продажа наркотиков, рэкет, проституция и др.), активно вкладывали их в продажу и эксплуатацию стиральных машин-автоматов, которые пользовались в то время большим спросом. Все расчеты производились наличными деньгами, что позволяло перемешивать чистый доход от легального бизнеса с "грязными деньгами"[49].

Легализация преступных доходов - один из важных компонентов современной организованной преступности, целью которой является проникновение в экономику государства с целью установления контроля не только над экономической жизнью в государстве, но и над государственным аппаратом. К примеру, такое самое опасное организованное транснациональное преступление, как контрабанда наркотиков, остается, пожалуй, самым прибыльным видом деятельности. Доходы полученные от такой деятельности огромны и требуют надлежащей маскировки и размещения в каком-либо банке или использование в законных операциях. Так, например, имущество широко известной "Коза ностра" оценивается в 350-400 трлн. лир (около 250 млрд. долл. США) и наиболее прибыльной сферой деятельности остается именно наркобизнес, в который вложено порядка 30 трлн. лир. В последнее время мафия активно проводит операции по переработке и захоронению токсичных отходов производства и продолжает расширять свой контроль за нелегальным игорным бизнесом и активно проводит чисто финансовые махинации, в том числе операции по "отмыванию" денег, полученных от незаконной деятельности, что позволило мафии упрочить свои позиции в международной финансовой сфере[50].

Самым старым и проверенным способом "отмывания" преступных доходов является контрабандный ввоз их в страны, где "отмывание" денег не является нарушением закона. Наоборот, ряд стран специально создают благоприятные условия для подобного рода финансовых операций. К таким странам можно отнести Люксембург, Лихтенштейн, Каймановы острова и другие острова Карибского бассейна.

Для "отмывания" крупных сумм создается изощренная система, которая нередко охватывает десятки стран и представляет собой замысловатую паутину финансовых операций. Наркодельцы, например, без труда находят брокеров, которые за приличное вознаграждение готовы оказать любую услугу. Только за "отмывание" одного миллиона наркодолларов брокер может заработать до 80 000 долларов. В случае же провала операции его ждет жестокая расправа[51]. Благодаря же процессам глобализации мировой экономики современная «беловоротничковая» преступность располагает большим количеством каналов для быстрого и оперативного перемещения финансовых средств по всему миру.

Прогрессивное развитие компьютерных технологий позволяет сегодня осуществлять торговые и иные операции с контрагентами из различных стран, прямо не выходя из офиса. В частности, появление такой банковской услуги как Интернет-бэнкинг (Internet-banking) позволяет работать круглосуточно, причем законодательство многих стран медленно реагирует на новые условия, и эта услуга просто не подпадает под контроль правоохранительных органов, что, в свою очередь, существенно осложняет их деятельность по отслеживанию «грязных» денег.

В целом, заметим, что все большее количество стран предпринимают определенные меры на законодательном уровне по предупреждению и пресечению легализации преступных доходов, полученных преступным путем. А это, в свою очередь, заставляет преступников в «белых воротничка» искать такие страны, где сам закон ни только не препятствует, но, наоборот, поощряет такую деятельность: криминальный элемент широко использует возможности для рассматриваемого процесса, предоставляемые оффшорными центрами[52].

Таким образом, отмывание денег представляет собой процесс, имеющий целью скрыть любую связь между полученными средствами и совершенными преступлениями, уничтожение следов любых противозаконных действий и возврата уже «отмытых», легализованных средств в пользование криминального элемента.

В целях предупреждения такого преступления в ряде государств принимаются специальные законы[53]. Важным же международно-правовым актом в этой области является Страсбургская конвенция о розыске, получении и конфискации незаконных средств, полученных преступным путем, 1990 г. В соответствии с ней государства-участники обязуются объявить “отмывание” таких средств преступлением, принять соответствующие законы о порядке розыска, изъятия и конфискации незаконно приобретенных средств, о снятии всех ограничений от разглашения либо недобросовестного использования работниками банков информации о вкладах своих клиентов. Государства обязались юридически закрепить право доступа уполномоченным работникам правоохранительных органов к банковским операциям, позволяющим своевременное выявление этих преступлений.

5) **Фальшивомонетничество.** Подделка платежных средств восходит к эпохе, когда еще в обращении не было денежных знаков, а в их качестве выступали немонетизированные (не оформленные в виде монет) куски золота и серебра, орудия и продукты труда. О таких подделках известно со времен царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.), хотя они были весьма примитивны.

Появление монетизированных денежных знаков, то есть круглых металлических пластинок, произошло на рубеже VII - VI веков до н. э. Лидийский царь Алиатт (или его сын - легендарный Крез) заменил металлические пластинки круглыми дисками из драгоценного сплава электра, представляющего смесь золота и серебра, и начал клеймить их с обеих сторон символом царской власти - изображением головы льва. На дисках указывался также вес драгоценного металла. Историки считают, что свои несметные богатства Крез накопил не столько разграблением завоеванных земель, сколько чеканкой таких дисков, в которых по его приказанию стали занижать содержание золота и серебра по сравнению с обозначенным на денежном знаке. Это - первое государственное фальшивомонетничество, сведения о котором донесли до нас исторические документы. Таких случаев было много и в последующие эпохи[54].

Пожалуй наибольшее распространение фальшивомонетничество получило именно в XX веке. Так, во второй половине 20-х годов во Франции был отмечен небывалый наплыв фальшивых франков, которые, как стало известно позже, специально изготавливались в соседней Германии по распоряжению германского правительства, которое в то время возглавлял канцлер Г. Штреземан. Именно под его руководством был разработан план подрыва экономики Франции и Англии, которые были врагами Германии в период первой мировой войны. В эту преступную акцию Германии удалось втянуть и Венгрию. Мировой скандал разразился тогда, когда в 1926 году голландской полицией была задержана группа венгерских посыльных с фальшивыми французскими франками. За этот период было изготовлено такое большое количество фальшивых денег, что их поступление в обращение причинило бы Франции огромный экономический ущерб. Это и явилось одной из предпосылок для выступления именно Франции в Лиге наций с предложением принять многостороннее соглашение по борьбе с подделкой денежных знаков. Соглашение разрабатывалось при непосредственном участии Международной комиссии уголовной полиции и было заключено в Женеве 20 апреля 1929 года[55].

В соответствии с принятой Конвенцией по борьбе с подделкой денежных знаков государства-участники взяли на себя обязательства в борьбе с фальшивомонетничеством не делать различия между подделкой собственных и иностранных денежных знаков и ценных бумаг и с одинаковой строгостью наказывать преступников. В соответствии со статьей 3 Конвенции как уголовные преступления наказуемы:

1. Все обманные действия по изготовлению или изменению денежных знаков, каков бы ни был способ, употребляемый для достижения этого результата.
2. Сбыт поддельных денежных знаков.
3. Действия, направленные к сбыту, к ввозу в страну или к получению или к добыванию для себя поддельных знаков, при условии, что их поддельный характер был известен.
4. Покушения на эти правонарушения и действия по умышленному соучастию.
5. Обманные действия по изготовлению, по получению или по приобретению для себя орудий

или иных предметов, предназначенных по своей природе для изготовления поддельных денежных знаков или для изменения денежных знаков[56].

В соответствии с рассматриваемой Конвенцией фальшивомонетничество было объявлено экстрадиционным международным уголовным преступлением. В связи с чем государства-участники обязуются оказывать взаимную помощь все заинтересованным странам в розыске и возвращении скрывшегося за границу изготовителя, сбытчика денежных знаков или их соучастников. Дознание по таким преступлениям должно проводится в рамках национального уголовного судопроизводства специально созданным Центральным бюро, которое совместно с банками, полицией и другими органами государства, должно централизировать в масштабе такого государства все сведения, которые могут облегчить розыск, пресечение и профилактику таких преступлений.

Заметим, что Конвенция 1929 года и уголовные кодексы многих стран признают уголовно наказуемой только подделку действующих платежных средств, введенных в обращение государством, и не содержат положений о подделке золотых монет, которые давно уже изъяты из обращения. Из 188 стран мира золотые монеты имеют хождение только в 47. В некоторых странах золотые монеты до сих пор котируются на бирже, не считаясь при этом валютой, а на все операции с золотом не требуется специального разрешения.

При введении собственной национальной валюты Республики Казахстан предполагалась ее надежная защита от любых возможных подделок. Тем не менее, в настоящее время, по сообщениям правоохранительных органов и банковских органов, участились случаи обнаружения и изъятия из оборота поддельных тенге. Подделка денежных знаков возможна и, как правило, осуществляется при помощи дорогостоящей компьютерной оргтехники. Поэтому в целях защиты экономической безопасности Республики Казахстан[57], необходимо:

- усиление национальных мер по предупреждению и пресечению совершения такого преступления (обеспечение большей степени защищенности национальной валюты от подделок; введение в оборот металлических денег и другие меры по обеспечению защиты национальной валюты);
- активизация деятельности правоохранительных органов Казахстана по борьбе с фальшивомонетничеством;
- взаимодействие казахстанских правоохранительных органов с аналогичными органами иностранных государств по вопросам борьбы с фальшивомонетничеством путем проведения скоординированной политики по выявлению, разоблачению частных лиц и организаций, занимающихся подделкой денежных знаков или ценных бумаг;
- усиление роли Казахстана в системе Интерпола в вопросах борьбы с фальшивомонетничеством и в вопросах выдачи лиц, виновных в совершении такого преступления;
- обеспечение неотвратимости уголовного наказания виновных индивидов[58] с обязательной конфискацией имущества, используемого для подделки денежных знаков и ценных бумаг.

6) **Незаконные операции с наркотическими средствами и психотропными веществами.** Контрабандная торговля наркотиками прочно вышла на первое место в мире среди других не менее опасных видов преступлений международного характера, оттеснив даже фальшивомонетничество. Особую озабоченность мирового сообщества вызывает рост производства и торговых операций с опиатами - опиумом, морфином, героином.

С одной стороны, масштабы и объем потребления наркотиков находятся в прямой зависимости от их “черного рынка”. С другой стороны, чем больше потенциальных потребителей наркотиков, тем больше спрос на этот товар, а, как известно, с каждым годом число потенциальных наркоманов неумолимо растет, ряды наркоманов пополняются молодежью. Проблема наркотиков, наркомании и ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ действительно очень и очень актуальна и давно уже является глобальной, требующей глобального подхода к разрешению.

Во всем мире торговлю наркотиками давно уже прибрали к рукам международные гангстерские “синдикаты”. Распространение наркотиков поставлено на прочную международную основу. Те наркотики, которые ежегодно изымаются из оборота правоохранительными органами разных стран, являются лишь мизерной частью из того, что в действительности находится в

международном обороте. Понятно, что нет необходимости обосновывать причины отнесения наркобизнеса к числу преступлений международного характера, а проектом Кодекса 1991 года незаконный оборот наркотических средств квалифицирован как преступление против мира и безопасности человечества.

Сотрудничество государств по борьбе с наркобизнесом началось еще в начале XX века и развивалось довольно таки быстрыми темпами. Первым многосторонним международным соглашением в данной области является Гаагская конвенция по опиуму от 23 января 1912 года, в которой закреплены следующие важные положения: производство и распределение сырого опиума должно контролироваться правом; его курение должно искореняться; производство, продажа и использование наркотиков должно ограничиваться законом и исключительно в медицинских целях и т.п.

Сотрудничество довольно активно продолжалось в рамках Лиги наций, но наибольший размах оно приобрело после создания ООН. Так, в целях унификации многочисленных международно-правовых актов, а их после Гаагской конвенции 1912 года было принято около девяти, в 1961 году принимается Единая конвенция о наркотических средствах (Республика Казахстан присоединилась в 1997 году). Данная конвенция заменила все ранее принятые и действовавшие соглашения в этой области, за исключением Конвенции о запрещении торговли наркотическими средствами 1936 года.

В Единой конвенции определены 18 уголовно наказуемых деяний: культивирование, производство, изготовление, извлечение, приготовление, хранение, предложение с коммерческими целями, распределение, покупка, продажа, доставка на любых условиях, маклерство, отправка, переотправка транзитом, перевоз, ввоз и вывоз наркотиков, произведенных в нарушение норм Конвенции, и любых других действий (ст. 36). Кроме этого, в Конвенции дается толкование культивирования, ввоза и других деяний. Их перечень не может быть исчерпывающим, в связи с чем государства в нормах своего законодательства могут определять преступными другие действия, связанные с наркотиками.

Через десять лет, в феврале 1971 года, была принята Венская конвенция о психотропных веществах (Республика Казахстан присоединилась в 1997 году), в соответствии с которой устанавливается контроль над психотропными веществами, способными оказывать сильное воздействие на центральную нервную систему. В соответствии с Конвенцией, лица, виновные в ее нарушении, должны преследоваться государствами в уголовном порядке.

Спустя два года Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС) созвал в Женеве новую конференцию, которая приняла 25 марта 1972 года Протокол о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года. Протокол значительно расширил сферу действия конвенции, в том числе в части, касающейся преследования и наказания лиц, совершивших преступления.

Единая конвенция 1961 года и Конвенция 1971 года предписывают государствам, чтобы все серьезные и умышленные незаконные операции с наркотическими средствами и психотропными веществами наказывались только тюремным заключением или другими наказаниями, связанными с лишением свободы. В нарушение этих норм в Иране, Ираке, Пакистане, Малайзии, Китае и в некоторых других странах за незаконные операции с наркотиками предусмотрена смертная казнь. В Республике Казахстан максимальный срок отбывания наказания за незаконные операции с наркотиками - 15 лет.

Дальнейшее ухудшение наркоситуации во всем мире побудило ООН и ряд других международных организаций усилить сотрудничество государств в области борьбы с распространением наркотиков. Так, в 1981 году Генеральная Ассамблея ООН своей резолюцией 36/168 приняла Международную стратегию в области борьбы со злоупотреблениями наркотическими средствами. В 1983 году Генеральная Ассамблея призвала специализированные учреждения и другие организации и программы системы ООН организовать специальные мероприятия по контролю над наркотиками в своих соответствующих областях деятельности и уделять больше внимания подобным мероприятиям. В 1985 году на своей 40-й сессии Генеральная Ассамблея единогласно постановила созвать в 1987 году на уровне министров международную конференцию по вопросам борьбы со злоупотреблением наркотическими средствами и их незаконным оборотом.

Конференция, которая прошла в Вене в июне 1987 года, приняла программу сотрудничества государств по всему комплексу вопросов, касающихся борьбы с наркоманией, а также политическую декларацию по данному вопросу. Конференция 1987 года явилась своеобразной

подготовкой к конференции для принятия новой конвенции, которая состоялась в Вене в ноябре - декабре 1988 года. Конференция приняла Конвенцию ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, которая вступила в силу 11 ноября 1990 года (Республика Казахстан присоединилась в 1997 году).

К числу преступных деяний Конвенция 1988 года относит их производство, изготовление, экстрагирование, распространение, продажу, поставку на любых условиях, переправку, транспортировку, импорт или экспорт, а также культивирование опийного мака, кокаинового листа, растения каннабис в целях незаконного производства наркотиков. Наказывается и публичное подстрекательство или побуждение других к совершению таких деяний и вступление в преступный сговор в целях их совершения (ст. 3).

Конвенция 1988 года, как и две предыдущие, обязывает государства-участников за совершение указанных правонарушений, предусматривать применение таких санкций, учитывающих серьезный характер этих правонарушений, как тюремное заключение или другие виды лишения свободы, штрафные санкции и конфискация. Стороны могут в дополнение к осуждению или наказанию за указанные правонарушения предусмотреть применение в отношении правонарушителя таких мер, как лечение, перевоспитание, последующее наблюдение за ним, восстановление трудоспособности или социальная реинтеграция (ст. 3, п. 4).

В соответствии с Конвенцией государства-участники обязуются обеспечить, чтобы их суды и другие имеющие юрисдикцию компетентные органы могли принимать во внимание в качестве обстоятельств, отягчающих указанные правонарушения, такие фактические обстоятельства, как:

a) участие в правонарушении организованной преступной группы, в состав которой входит правонарушитель;

b) участие правонарушителя в других видах международной организованной преступной деятельности;

c) участие правонарушителя в других незаконных видах деятельности, которым содействовало совершение данного правонарушения;

d) применение правонарушителем насилия или оружия;

e) тот факт, что правонарушитель является должностным лицом и данное правонарушение связано с его должностью;

f) вовлечение или использование несовершеннолетних;

g) тот факт, что правонарушение совершено в исправительном учреждении или учебном заведении, или общественном учреждении, или в непосредственной близости от них, или в других местах, которые используются школьниками и студентами для проведения учебных, спортивных и общественных мероприятий;

h) предыдущее осуждение, особенно за аналогичные правонарушения, за рубежом или в своей стране, насколько это допустимо в соответствии с национальным законодательством соответствующей Стороны (ст. 3, п. 5).

Конвенцией предусматривается и выдача виновных в совершении указанных правонарушений лиц. Предусматривается обязательство государств-участников включать указанные правонарушения в качестве правонарушений, которые могут повлечь выдачу, в любой договор о выдаче, который может быть заключен между ними. Если Сторона, обусловливающая выдачу наличием договора, получает просьбу о выдаче, она может рассматривать настоящую Конвенцию в качестве юридического основания для выдачи в связи с любым указанным правонарушением. Стороны, которые не обусловливают выдачу наличием договора, признают правонарушения, к которым применяется данное положение Конвенции, в качестве правонарушений, которые могут повлечь взаимную выдачу (ст. 6).

Государства-участники обязуются предоставлять друг другу самую широкую взаимную юридическую помощь в расследовании, уголовном преследовании и судебном разбирательстве, касающихся указанных в Конвенции уголовных правонарушений.

Взаимная юридическая помощь, предоставляемая в соответствии с Конвенцией, может запрашиваться с целью: сбора доказательств или показаний; ознакомления с материалами судебного разбирательства; произведения обысков и арестов; обследования предметов и мест; предоставления информации и доказательственных предметов; предоставления оригиналов или заверенных копий соответствующих документов и материалов, включая банковские, финансовые, фирменные и коммерческие документы; определения или выявления доходов, собственности, средств или других вещей для доказательственных целей Стороны могут также предоставлять

друг другу любые другие формы взаимной юридической помощи, разрешаемые национальным законодательством запрашиваемой Стороны (ст. 7).

В Республике Казахстан, являющейся участницей всех трех Конвенций, операции с наркотическими средствами и психотропными веществами признаны незаконными и уголовно наказуемыми в Уголовном Кодексе республики[59]. Также 10 июля 1998 года был принят Закон Республики Казахстан "О наркотических средствах, психотропных веществах, прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими", основными задачами которого являются: регулирование правовых основ государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров; установление мер противодействия их незаконному обороту в целях оказания наркологической помощи и охраны здоровья граждан, общественной и государственной безопасности[60].

К основным международным договорам в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, заключенным Республикой Казахстан, необходимо отнести:

- Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Венгерской Республики о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ от 7 октября 1996 г. (Постановление Правительства РК об утверждении № 652 от 24 апреля 1997 г.);
- Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в борьбе против незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и злоупотребления ими от 12 октября 1998 г. (Постановление Правительства РК № 768 от 15 июня 1999 г.);
- Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Чешской Республики о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, терроризмом и другими опасными видами преступлений от 9 апреля 1998 г. (Постановление Правительства РК № 895 от 30 июня 1999 г.);
- Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Кыргызской Республики о сотрудничестве в области наркотиков от 8 апреля 1997 г;
- Соглашение между Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Узбекистан «О сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и злоупотреблении ими» от 5 апреля 1996 г;
- Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в борьбе с преступностью от 30 октября 1998 г.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что территория Республики Казахстан является удобной зоной для транзитной переброски наркотиков из Юго-Восточной Азии далее в Европу. В последнее время проблема борьбы с наркобизнесом приобретает все большую опасность как для национальной безопасности Казахстана, так и для соседних с республикой государствам. Основным доходным бизнесом исламских экстремистов и террористов из Афганистана, Таджикистана и других азиатских государств, помимо торговли оружием, остается именно наркобизнес. Деньги от продажи наркотиков используются для финансирования таких преступных организаций религиозного толка.

Помимо этого, мировое сообщество рассматривает Казахстан как основного поставщика наркотиков, изготавливаемых из дикорастущей конопли. Чуйская долина Жамбылской области известна всему криминальному миру и полицейским подразделениям по борьбе с наркотиками всех государств[61]. В самом Казахстане с каждым годом увеличивается число потенциальных наркоманов, а сама наркомания заметно помолодела за последние несколько лет. На фоне всего этого растет число таких преступлений как убийства, кражи, мошенничество, растет детская преступность.

В целом, для эффективной борьбы с наркобизнесом в Республике Казахстан и далее необходимо:

- развивать или расширять программы по обмену персоналом правоохранительных структур, особенно в таких областях, как сбор судебных доказательств и финансовое расследование;
- обмениваться информацией с аналогичными органами иностранных государств, полученной

при помощи судебного анализа материалов, таких как изъятые наркотики, прекурсоры и упаковочные материалы;

принять действенные меры по укреплению сотрудничества между системой уголовного правосудия и системой по охране здоровья и социального обеспечения в целях уменьшения числа злоупотреблений наркотиками и проблем, связанных со здоровьем населения республики;

- улучшать техническое сотрудничество, обучение и подготовку людских ресурсов для кадров уголовного судопроизводства;

- в большей мере использовать возможности Интерпола для борьбы с контрабандой наркотических средств.

Выше рассмотренные преступления международного характера представляют наибольшую общественную опасность, в связи с чем им было уделено особое внимание в настоящей главе. К другим деяниям, также квалифицируемым как преступления международного характера и менее опасным, обычно относят: **незаконное радио - и телевещание; контрабанду**; **нелегальную эмиграцию**; **посягательства на культурные ценности народов**; **распространение порнографии; пытки и другие виды обращения и наказания**. Ряд авторов относят к разряду преступлений международного характера также и посягательства на лиц, пользующихся международной защитой.

Для суверенного Казахстана проблема борьбы с преступностью, приобретающей «транснациональный», характер не менее актуальна. К примеру, в Указе Президента Республики Казахстан от 17 марта 1992 г. «О мерах по усилению борьбы с организованными формами преступности и коррупцией» прямо говориться о том, что в настоящее время «складываются новые формы противоправной деятельности, усиливается криминальный профессионализм, преступность приобретает организованный характер. Получают распространение международные связи преступных групп, происходит их сращивание с коррумпированными должностными лицами». А в Заявлении участников Совместного заседания по поводу рассмотрения вопросов координации усилий и повышения эффективного взаимодействия государств-участников СНГ в борьбе с преступностью от 3 декабря 1997 г. отмечается, что «преступность приняла глобальный характер и стала реальной угрозой всему человечеству. Современная преступность все более приобретает транснациональный характер, подпитываясь незаконной торговлей оружием, нелегальным оборотом наркотиков, финансовыми махинациями и другим теневым бизнесом».

В этой связи следует признать необходимость:

- формирования надежной системы антикриминального взаимодействия в рамках СНГ путем: объединения усилий всех государств-участников Содружества, государственных органов и общественности; ведения борьбы с транснациональной преступностью единым фронтом; создания всех необходимых условий для эффективной работы правоохранительных структур как в законодательном, организационном, так и финансовом обеспечении их деятельности;

- практической реализации Межгосударственной программы совместных мер борьбы с организованной преступностью и иными видами преступлений на территории Казахстана и стран Содружества;

- усиления универсальной системы сотрудничества по борьбе с международной преступностью под эгидой таких международных организаций, как Организация Объединенных Наций, Совет Европы, Европейский Совет, Интерпол;

дальнейшего совершенствования и повсеместного применения института международной уголовной ответственности физических лиц за рассматриваемые преступления и, для этих целей, расширение практики заключения двусторонних и региональных договоров об экстрадиции и оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам; полное признание и дальнейшее прогрессивное развитие международного уголовного права в Казахстане и странах Содружества.

Таким образом, к общим особенностям всех преступлений международного характера можно отнести следующее:

- такие преступления имеют международный характер не по составу, а по обстоятельствам совершения, то есть под такими преступлениями следует понимать преступления, караемые внутренним правом, но имеющие в силу конкретных обстоятельств международный характер;

- в отличие от международных преступлений ответственность за преступления международного характера несут не государства, а физические лица государств, так как международная опасность этих деяний значительно ниже, чем международных преступлений;

- государства сотрудничают друг с другом по вопросам оказания взаимной правовой помощи

по уголовным делам международного характера;

- объектом преступного посягательства в данном случае являются не международный мир и безопасность всего человечества, а только нормальные международные отношения, межгосударственное сотрудничество, права человека и другие охраняемые международным правом общечеловеческие ценности;

- уголовная ответственность физических лиц за эти преступления наступает на основании международных договоров, но реализуется по национальным нормам уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства;

- перечень указанных преступлений международного характера не может считаться исчерпывающим и неизменным, так как сама преступность, как социальное зло, подвержена постоянным видоизменениям, что, в свою очередь, ведет к появлению новых видов преступлений.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К ГЛАВЕ 6

1) Что следует понимать под «преступлениями против международного права»?

2) Каковы отличительные характеристики и состав международных преступлений?

3) Охарактеризуйте основные виды международных преступлений и международные соглашения по борьбе с ними?

4) Чем отличаются преступления международного характера от международных преступлений и общеуголовных преступлений?

5) Охарактеризуйте основные виды преступлений международного характера?

6) В чем заключается сущность универсальной юрисдикции в отношении преступлений против международного права?

7) Каковы основные особенности международной уголовной ответственности физических лиц за преступления против международного права?

---

[1] См.: Блищенко И. П., Фисенко И. В. Международный уголовный суд. М., 1998; Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983; Международное уголовное право / И. П. Блищенко, Р. А. Каламкарян, И. И. Карпец и др./ - М., 1995; Карпец И. И. Международная преступность. М., 1988; Международное уголовное право. Под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999; Панов В. П. Международное уголовное право. М., 1997; Senga L. S. The Emerging System of International Criminal Law. The Hague/London/Boston, 1997; Friedlander R. The Enforcement of International Criminal Law: Fact of Fiction? Case Western reserve journal of International Law. 1985, № 1.; International Criminal Law. Vol. III. Enforcement. Ed. by Bassiouni Ch. N. Y., 1985; Иванова И. М. Международная уголовная юстиция и преступления против человечества. (Канд. диссертация). - М., 1959; Блищенко И. П., Жданов Н. В. Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера. М., 1984; Асрат Бало Ш. Сотрудничество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями. (Автореф. дисс... к. ю. н.). - Киев, 1990.

[2] См.: Курис П. М. Международные правонарушения и ответственность государств. Вильнюс, 1973. С. 63,64, 135.

[3] См.: Василенко В. А. Ответственность государств за международные правонарушения. Киев, 1976. С. 124.

[4] Pepper C. D. Punishment of War Criminals. A Major War Aim. - “Free World”, 1944, July, vol. 8. P. 72-74.

[5] Ответственность за военные преступления и преступления против человечества. Сборник документов. С. 42.

[6] Решетов Ю. А. *Указ. соч.* С. 192.

[7] Волков А. Ф. Нюрнбергский приговор//Советское государство и право. 1976. №10. С. 14.

[8] Международное уголовное право. Под ред. В.Н.Кудрявцева. С. 126.

[9] Криминология. Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 1997. С. 444.

[10] Более подробно см.: Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика. Поведение. Ответственность. - 2-е издание. - м., 1989; Токарев А. Ф. Основные понятия криминологии. М., 1989.

[11] Акции типа переодевания своих солдат в военную форму противника и организации мнимого нападения на войска провоцирующей стороны имели место в момент нападения фашисткой Германии на Польшу. Такие действия имели непосредственной целью развязывание войны с Польшей и далее с другими государствами.

[12] В соответствии с частью 2 статьи 156 УК РК ведение агрессивной войны наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет либо смертной казнью или пожизненным лишением свободы.

[13] Ныне действующие Международные уголовные трибуналы для бывшей Югославии и Руанды ограничиваются тюремным заключением. При определении сроков тюремного заключения югославский и руандийский трибуналы

руководствуются общей практикой вынесения приговоров о тюремном заключении в судах Югославии и Руанды. Статья 77 Статута Международного уголовного суда в качестве применимых мер наказания предусматривает: 1) лишение свободы на определенный срок, исчисляемый в количестве лет, которое не превышает максимального количеств в 30 лет, или 2) пожизненное лишение свободы в тех случаях, когда это оправдано исключительно тяжким характером преступления и индивидуальными обстоятельствами лица, признанного виновным в его совершении.

[14] Статьи 5, 49 и 50, Конвенция I; статьи 50 и 51, Конвенция II; статьи 129 и 130, Конвенция III; статьи 146 и 147, Конвенция IV; статьи 11 и 85, Протокол I.

[15] Статья 86, Протокол I.

[16] Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительный протокол I к ним 1977 г. определяют основной состав преступлений, квалифицируемых как "серьезные нарушения", но не содержат конкретных санкций за их совершение. Этот вопрос остается на рассмотрение национального права государств, ставших участниками выше обозначенных международных соглашений. Так, для выполнения обязательства, закрепленного в статье 1, общей для всех четырех Женевских конвенций, где говорится, что "Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются при любых обстоятельствах соблюдать и заставлять соблюдать настоящую Конвенцию", требуется принять на национальном уровне меры, которые бы обеспечили введение в действие целого ряда конкретных положений Конвенций и Дополнительных протоколов к ним.

[17] Свинарски К. Основные понятия и институты международного гуманитарного права как система защиты человека. МККК, Москва, 1997. С. 34.

[18] Swinarski K. Studies and Essays of International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet. ICRC - M. Nijhoff, Geneva - The Hague, 1984. P. 301-313.

[19] Международное уголовное право. Под ред. В.Н.Кудрявцева. С. 130.

[20] См.: Trautwein T. Zum Gesetz uber die Zusammenarbeit mit dem Internationalen Strafgerichtshof fur das ehemalige Jugoslawien, in: NJW 48 (1995), 1658 ff; Heintschel von Heinegg W. Zur Zulassigkeit der Errichtung des Jugoslawien-Strafgerichtshofes durch Resolution 827 (1993), in: HuV-I 9 (1996), 75 ff; Helsinki Watch (Hrsg.). War Crimes in Bosnia-Hercegovina. New York/Washington/Los Angeles/London 1992.; Helsinki Watch (Hrsg.). War Crimes in Bosnia-Hercegovina. Volume II. New York/Washington/Los Angeles/London 1993.

[21] Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Опубликована Департаментом общественной информации ООН. Нью-Йорк, 1991. С. 1-2.

[22] Трайнин А. Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. С. 408.

[23] Более подробно см.: Андрюхин М. Н. Геноцид - тягчайшее преступление против человечества. М., 1961.; Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. М., 1967.

[24] Статья 6 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него гласит: "Лица, обвиняемые в совершении геноцида или других перечисленных в статье 3 деяний, должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или таким международным уголовным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении сторон настоящей Конвенции, признавших юрисдикцию такого суда".

[25] Более подробно см.: Губин В. Ф. Расовая дискриминация: реакционная сущность и международная противоправность. М., 1979.

[26] Панов В.П. *Указ. соч.* С. 62.

[27] Основные положения Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним. МККК, 1994. С. 35.

[28] См. также: Friedman L. The Law of War. A Documentary History. Vol. 2. New York, 1972.; "Меры, принимаемые государствами по выполнению международного гуманитарного права". Сборник статей и документов. МККК, Женева, 1991.; Commentary to the Draft Additional Protocols to the Geneva Conventions of August 12, 1949. Geneva, 1973.; Reports on the two sessions of the Conference of Government Experts on "Reaffirmation and Development of International Humanitarian Law Applicable in Armed Conflicts". Geneva, 1971, 1972.; Reports of the Secretary-General on chemical and bacteriological (biological) weapons and the effects of their possible use. S/9292, 1 July 1969.; ICRC/Henry Dunant Institute: "Bibliography of International Humanitarian Law Applicable in Armed Conflicts". The 2nd ed., Geneva, 1987.

[29] См.: Falk R. A. The Vietnam War and International Law. vol. 4. Princeton, 1968-1976.; Фан Ван Бать, Фам Тхань Винь, Нгуен Ван Хыонг. Война во Вьетнаме и международно-правовая ответственность американских агрессоров // Сов. государство и право. 1972. № 1.

[30] В настоящее время в международном праве еще не существует норм, полностью запрещающих разработку и применение нейтронного оружия, что является существенным недостатком и серьезно влияет на весь межгосударственный договорной процесс по разоружению и обеспечению международной безопасности.

[31] См.: Панов В. П. Международное уголовное право. М., 1997. С. 71, 113-116.

[32] Международное уголовное право в документах. Том 2. Алматы, 1999. С. 3.

[33] Международный билль о правах человека. Организация Объединенных Наций. - Нью-Йорк, 1995. С. 7.

[34] Международная конвенция 1910 г. о пресечении торга женщинами возложила на государства обязанность вести борьбу с таким преступлением, как “склонение или вовлечение в разврат несовершеннолетних женщин и девушек, даже если отдельные действия, являющиеся частями этого преступного деяния, были совершены в различных странах”. Виновные должны быть наказуемы лишением свободы и выдаваться по требованию других государств. Женевская конвенция 1921 г. о запрещении торговли женщинами и детьми рекомендовала государствам-участникам привлекать к уголовной ответственности физических лиц, вовлекающих женщин в занятия проституцией или лиц, занимающихся куплей-продажей женщин и детей.

[35] Меры по предотвращению незаконной торговли детьми. Доклад Генерального секретаря ООН. Департамент общественной информации ООН. Нью-Йорк, февраль 1997. С. 12.

[36] Положение детей в мире, 1997 г.//Кэрол Беллами – Директор-исполнитель Детского фонда Организации Объединенных Наций. Региональное бюро ЮНИСЕФ для Центральной и Восточной Европы, Содружества Независимых Государств и государств Балтии, 1997. С. 42.

[37] Международное уголовное право. Под ред. В.Н.Кудрявцева. С. 143.

[38] В соответствии с Законом Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 26 июня 1998 г. под «национальной безопасностью Республики Казахстан» следует понимать состояние защищенности национальных интересов страны от реальных и потенциальных угроз. Потенциальную угрозу для безопасности Казахстана может представлять терроризм и религиозный экстремизм. В этой связи крайне необходимо выполнение положений пунктов 2, 3 и 4 статьи 7 рассматриваемого Закона. То есть, необходимы: разработка и осуществление комплекса оперативных и долговременных мер по предупреждению и нейтрализации угроз национальной безопасности; создание и поддержание в готовности сил обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан; участие в обеспечении всеобщей и региональной безопасности в соответствии с международным договорами Республики Казахстан.

[39] См.: Юридическая Газета. № 26 (241) от 1 июля 1998 г. С. 3.

[40] Статья 233 “Терроризм” Уголовного кодекса Республики Казахстан дает следующее определение этому деянию: “Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений государственными органами, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях”. В примечании к данной статье сказано, что лицо, участвовавшее в подготовке акта терроризма освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением государственных органов или иным способом способствовало предотвращению осуществления акта терроризма и если в действиях этого лица не содержится состава иного преступления.

[41] Международное уголовное право. Под ред. В.Н.Кудрявцева. С. 143-144.

[42] По состоянию на январь 2000 года Конвенция не вступила в силу, но тем не менее ее положения имеют важное значение для международной практики сотрудничества государств по борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников.

[43] В Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 г. включены такие преступления международного характера, как: “Незаконное распространение порнографических материалов или предметов” (ст. 273); “Незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ” (ст. 259); “Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ” (ст. 260); “Склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ” (ст. 261); “Незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества” (ст. 262); “Незаконный оборот веществ, инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ” (ст. 263); “Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств” (ст. 251); “Незаконное обращение с радиоактивными материалами” (ст. 247); “Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем” (ст. 193).

[44] Панов В.П. *Указ. соч.* С. 70.

[45] Блищенко И.П., Фисенко И.В. *Указ. соч.* С. 32.

[46] Республика Казахстан к настоящему времени является участницей всех указанных международно-правовых актов в области борьбы с преступлениями на воздушном судне. В Главе 9 “Преступления против общественной безопасности и общественного порядка” в ст. 239 УК РК от 16 июля 1997 г. предусмотрена уголовная ответственность за угон и захват воздушного судна.

[47] В Уголовном Кодексе Республики Казахстан пиратство определяется как нападение на морское или речное судно с целью завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения и наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет (ст. 240).

[48] В настоящее время действуют Международные правила 1972 г. для предупреждения столкновения судов в море, которые непосредственно содержат технические нормы на сигнализацию, расхождение судов и порядок обеспечения безопасности плавания морских судов. Брюссельская конвенция об унификации некоторых правил, относящихся к

уголовной компетенции в вопросе столкновения судов и в других случаях, связанных с навигацией 1952 г. закрепила право уголовного преследования государством, под флагом которого находилось судно в момент столкновения. Кроме этого государствами принимаются национальные правила и различные инструкции в области морского мореплавания.

[49] Более подробно см.: Никифоров А. С. Гангстеризм в США: сущность и эволюция. М., 1991.; Минна Р. Закон против мафии. М., 1989.; Боровичка В. П. Мафия. Киев, 1989.; Николайчик В. М. Организованная преступность в США //США: Экономика. Политика. Идеология. - 1990. - № 4. - С. 47-57.; Преступность в США //Борьба с преступностью за рубежом. - 1992. - № 3. - С. 13-15.; Овчинский В. С. Стратегия борьбы с мафией. М., 1993.; Проблемы борьбы с преступлениями в сфере экономики /Отв. ред. В. М. Снежинский. - Киев, 1990.; Клюшников А. С. Проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики. М., 1990.

[50] Филатов В. П. Правовые аспекты борьбы с международной преступностью//Научно-теоретический и информационно-практический журнал “Московский журнал международного права”. - № 4. М., 1997. С. 63.

[51] *Здесь же.* С. 64.

[52] Off shore – небольшие государства или территории таковых, проводящие политику привлечения иностранного капитала путем предоставления налоговых льгот для финансовых операций, регистрационных льгот, сведение к минимуму бухгалтерского отчета и отчетности, а также обеспечивающие надежную конфиденциальность всех переводов и капиталовложений.

[53] В США первый такой закон был принят в 1970 году. В нем вымогательство (рэкет), коррупция и “отмывание” денег были признаны уголовно наказуемыми деяниями. В 1986 году в этой стране принимается Закон о борьбе с “отмыванием” денег. Во Франции аналогичные положения содержаться в Кодексе здравоохранения 1987 г., Таможенном кодексе и в Законах об участии финансовых органов в борьбе с “отмыванием” денег, полученных от наркобизнеса, 1989 и 1990 гг. В Республике Казахстан пока не принято специального закона по борьбе с “отмыванием” денежных средств, полученных преступным путем. В Уголовном Кодексе Казахстана предусмотрено наказание за легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем (ст. 193).

[54] Родионов К. С. Интерпол: вчера, сегодня, завтра. М., 1990. С. 127.

[55] *Здесь же.* С. 128-129.

[56] Собрание законов Союза ССР. Отд. II, № 6. М., 1932. С. 62.

[57] В Законе Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 26 июня 1998 г. «экономическая безопасность» определяется как состояние защищенности национальной экономики Республики Казахстан от внутренних и внешних условий, процессов и факторов, ставящих под угрозу ее устойчивое развитие и экономическую независимость» (ст. 1).

[58] В соответствии с УК РК к уголовной ответственности привлекаются лица, изготовляющие или осуществляющие хранение с целью сбыта, а также лица, сбывающие поддельные банкноты и монеты Национального Банка Республики Казахстан, государственные ценные бумаги или другие ценные бумаги в валюте Республики Казахстан либо иностранную валюту или ценные бумаги в иностранной валюте (ст. 206).

[59] В Главе 10 УК РК “Преступления против здоровья населения и нравственности” определены следующие статьи: “Незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ (ст.)”, “Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (ст. 260)”, “Склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (ст. 261)”, “Незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества (ст. 262)”, “Незаконный оборот веществ, инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 263)”, “Организация или содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 264)”, “Нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими или ядовитыми веществами (ст. 265)”.

[60] Об обороте наркотических средств. Нормативные акты. Алматы, 1998. С. 12.

[61] Ежемесячный журнал МВД Республики Казахстан “Казахстанская милиция”. - № 3. - 1997. С. 8.

ГЛАВА 7. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Республика Казахстан, став полноправным членом мирового сообщества, обладая полной международной правосубъектностью и вступая в различные международные правоотношения с другими государствами и международными организациями, подтвердила свою приверженность строго следовать основным принципам международного права и строить свои взаимоотношения с другими субъектами международных отношений на основе суверенного равенства и взаимоуважения.

В Стратегии развития Казахстана (Казахстан - 2030), в этой связи, точно определено, что «для обеспечения своей независимости и территориальной целостности мы должны быть сильным государством и иметь надежные и дружественные отношения с соседями»[1]. А в Законе Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» «развитие международного сотрудничества на основе партнерства» определяется в качестве одного из важных условий обеспечения национальных интересов Республики Казахстан[2].

Приверженность Республики Казахстан строго следовать основополагающим принципам международного права наиболее определенно подтверждается следующими положениями:

В статье 8 Конституции Республики Казахстан провозглашается следующее: «Республика Казахстан уважает принципы и нормы международного права, проводит политику сотрудничества и добрососедских отношений между государствами, их равенства и невмешательство во внутренние дела друг друга, мирного разрешения международных споров, отказывается от применения первой вооруженной силы.

Будучи признанной практически всеми государствами мира, Республика Казахстан установила дипломатические отношения со многими из них, а также стала членом многих авторитетных международных организаций, среди которых особо следует выделить Организацию Объединенных Наций.

Республика Казахстан строит свои взаимоотношения с другими государствами и международными организациями на основе равного партнерства, взаимоуважения и соблюдения принципа добросовестного выполнения принятых на себя международных обязательств.

В статье 3 Конституции Республики Казахстан, помимо ее норм и соответствующих ей законов, к действующему праву в Республике Казахстан отнесены и нормы международных договоров, признанных республикой[3]. При этом, международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона. То есть, в Основном законе государства признается примат международного права над национальным правом Республики Казахстан.

Международная правосубъектность Казахстана предполагает также активную интеграцию в универсальную систему сотрудничества по поддержанию мира и международной безопасности. Большую угрозу для международного правопорядка и национальной безопасности государств, в настоящее время, представляет именно преступность, в особенности международная. Поэтому вхождение Казахстана в международную систему по сотрудничеству государств в борьбе с международной преступностью является наиболее важным условием обеспечения в целом и национальной безопасности республики.

Республика Казахстан уже присоединилась к большому количеству международных договоров универсального характера в области борьбы с международными преступлениями и преступлениями международного характера. Помимо этого, Казахстаном заключено множество двусторонних и региональных соглашений в этой области, наиболее важные из которых уже указывались.

Последним наиболее важным событием является участие Казахстана в Дипломатической конференции полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда, проходившей с 15 июня по 17 июля 1998 года в штаб-квартире ФАО в Риме и подписание уставного документа этого органа. Именно Международной уголовный суд, как главный элемент международной уголовной юстиции, должен стать основным гарантом соблюдения законности и поддержания международного правопорядка путем осуществления

справедливого международного судебного преследования и наказания физических лиц, виновных в совершении наиболее тяжких преступлений против международного права и международных отношений.

Осознание Республикой Казахстан серьезной угрозы для международного мира, правопорядка и национальной безопасности республики, которая исходит от международной преступности, приверженность и готовность Казахстана пресекать и наказывать международные преступления и, тем самым, выполнять взятые на себя международные обязательства в данной области подтверждается также включением в национальное уголовное законодательство норм, определяющих уголовно-наказуемый характер наиболее тяжких международных преступлений – преступлений против мира и безопасности человечества.

Глава 4 Уголовного кодекса Республики Казахстан, принятого 16 июля 1997 года, полностью посвящена «преступлениям против мира и безопасности человечества» и включает в себя следующие преступления данной категории:

Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 156);

Пропаганда и публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 157);

Производство или распространение оружия массового поражения (ст. 158);

Применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 159);

Геноцид (ст. 160);

Экоцид (ст. 161);

Наемничество (ст. 162);

Нападение на лиц или организации, пользующиеся международной защитой (ст. 163);

Возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды (ст. 164).

В число обязательных признаков некоторых составов рассматриваемой категории преступлений входит предмет преступления. Например, в ст. 158 и ч. 2 ст. 159 УК РК – это химическое, биологическое и другие виды оружия массового поражения, запрещенного международным договором Республики Казахстан. Для одной из форм применения запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 159 УК) предметом преступления является национальное имущество. В экоциде (ст. 161 УК) предметом преступления являются растительный и животный мир, водные и земельные ресурсы, а также атмосфера. В составе нападения на лиц или организации, пользующиеся международной защитой, предметом преступления выступают служебные или жилые помещения либо транспортные средства указанных лиц[4].

Объективная сторона рассматриваемых преступлений в качестве обязательного признака включает только совершение общественно опасного деяния, а наступление общественно опасных последствий лежит за рамками состава. Исключение составляют квалифицируемые составы наемничества (ст. 162 УК), нападение на лиц и организации, пользующиеся международной защитой (ст. 163 УК), и возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды (ст. 164 УК). К смешанной конструкции можно отнести состав экоцида (ст. 161 УК), где законодатель, характеризуя объективную сторону преступления, указал, что совершение этого деяния наказуемо при условии, что оно вызвало или способно вызвать определенное общественно опасное последствие – экологическую катастрофу[5].

Субъективная сторона всех рассматриваемых преступлений, за исключением экоцида, характеризуется виной в виде прямого умысла. Для некоторых преступлений законодатель предусматривает в числе обязательных признаков субъективной стороны специальную цель их совершения (например при совершении преступления геноцида (ст. 160 УК) такой целью будет полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы) [6].

Субъектом преступления по уголовному праву признается вменяемое, физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления установленного в уголовном законе возраста[7]. Субъектом любого преступления может быть только физическое лицо, то есть человек. В свою очередь, субъектом преступления против мира и безопасности человечества в соответствии с уголовным законодательством Республики Казахстан могут быть вменяемые физические лица (граждане Казахстана, лица без гражданства и иностранные граждане), достигшие ко времени совершения такого преступления 16-летнего возраста (статьи 14, 15 УК).

Одним из необходимых признаков субъекта преступления является вменяемость физического

лица, совершившего преступление, то есть способность лица во время совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими.

За совершение любого из деяний, предусмотренных в рассматриваемой Главе 4 Уголовного кодекса Республики Казахстан, уголовной ответственности может подлежать только вменяемое лицо. Состояние вменяемости лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, определяется в порядке и в соответствии с процедурами, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством и иными законодательными актами республики. Но можно также допустить, что какое-либо из преступлений против мира и безопасности человечества может совершаться лицом, находящимся в состоянии невменяемости, а это является одним из главных оснований освобождения лица от ответственности. Так, уголовный закон республики прямо предусматривает недопустимость привлечения к уголовной ответственности лица, которое во время совершения общественно опасного деяния, находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими вследствие хронического психического заболевания, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики. К лицу, признанному невменяемым, судом могут быть применены принудительные меры медицинского характера (ст. 16 УК).

Тем не менее, уголовной ответственности за совершение любого из преступлений, предусмотренных уголовным законом республики, подлежит лицо с психическим расстройством, не исключающим вменяемости. То есть, речь идет о вменяемом лице, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ч. 1, ст. 17 УК).

При этом, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания как смягчающее обстоятельство и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера, предусмотренных уголовным законом (ч. 2, ст. 17 УК).

Также следует отметить, что уголовный закон не освобождает от ответственности лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения: «Лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванным употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, не освобождается от уголовной ответственности» (ст. 18 УК). В этой связи следует отметить следующее. В статье 163 Уголовного кодекса республики в числе обязательных признаков субъективной стороны нападения на лиц или организации, пользующиеся международной защитой, законодатель предусматривает только специальную цель их совершения, а именно – провокация войны или осложнение международных отношений. Следовательно из этого положения выходит, что, к примеру, нападение на лиц, пользующихся международной защитой (дипломатические работники, должностные лица международных организаций, члены специальной миссии) или международные организации (служебные или жилые помещения таких организаций) либо на транспортные средства таких лиц, совершенные лицом или группой лиц, находившихся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения или из любых других корыстных побуждений (грабеж, завладение имуществом), не сопряженных с целью провокации войны или осложнения международных отношений, не подпадает под действие указанной статьи 163 Уголовного кодекса.

Необходимо уточнить данное положение и отметить, что появлению данной статьи в Уголовном кодексе 1997 года способствовало присоединение Республики Казахстан к Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов от 14 декабря 1973 г. Если исходить из смысла и целей принятия данного документа, предотвращение и наказание таких преступлений преследует ни сколько цель предотвращения провокации войны или осложнения международных отношений (хотя такая цель и признается[8]), а сколько, в первую очередь, обеспечение личной безопасности лиц, пользующихся международной защитой[9], с тем, чтобы последние, с учетом их статуса, могли нормально выполнять свои функциональные обязанности.

Поэтому, следует заключить, что любые преступления против лиц, пользующихся международной защитой, предусмотренные в статье 2 Конвенции 1973 года и в статье 163

Уголовного кодекса Казахстана, должны подлежать наказанию и, при этом, не обязательно выделение только специальной цели их совершения, то есть провокации войны или осложнения международных отношений.

Другим обязательным признаком субъекта преступления, наряду с вменяемостью, является, как уже отмечалось выше, достижение физическим лицом к моменту совершения преступления установленного законом возраста. Способность лица правильно оценивать свое поведение, осознавать социальное значение совершенного действия, руководить ими появляется с достижением определенного возраста, когда оно (лицо) достигает определенной степени зрелости в физическом, нравственном и духовном развитии. Этими качествами не обладают малолетние (не достигшие 14 лет), поэтому они не признаются субъектами преступления. При этом, нами уже выделялось некоторое отличие норм уголовного закона республики и международного уголовного права, определяющих возраст уголовной ответственности за международные преступления. Так, к примеру, статья 26 Статута Международного уголовного суда прямо предусматривает, что «Суд не обладает юрисдикцией в отношении любого лица, не достигшего 18-летнего возраста на момент предполагаемого совершения преступления».

Таким образом, следует заключить, что вменяемость и достижение физическим лицом установленного законом возраста являются общими юридическими признаками субъекта преступления, в том числе и любого преступления против мира и безопасности человечества. Следовательно, данные признаки обязательны для всех составов преступлений и отсутствие одного из них означает отсутствие в деянии состава преступления.

Применять уголовный закон можно только тогда, когда он действует в конкретных пределах времени и пространства. При этом, действие уголовного закона в пространстве определяется статьями 6, 7 Уголовного кодекса республики, в которых, в свою очередь, закреплены два следующих принципа:

- Территориальный принцип заключается в том, что все лица, совершившие преступления на территории Республики Казахстан[10], несут уголовную ответственность по уголовному закону республики (ст. 6 УК);

- Принцип гражданства заключается в том, что граждане Республики Казахстан, совершившие преступление за границей, подлежат ответственности по законодательству республики, если совершенное ими деяние признано преступлением в том государстве, на территории которого оно было совершено, и если эти лица не были осуждены в другом государстве. При этом, при осуждении указанных лиц наказание не может превышать верхнего предела санкции, предусмотренной законом того государства, на территории которого было совершено преступление. На тех же основаниях несут ответственность и лица без гражданства (ч. 1, ст. 7 УК).

Иностранцы, совершившие преступление вне пределов Республики Казахстан, подлежат уголовной ответственности по уголовному законодательству республики в следующих случаях:

а) если преступление направлено против интересов Республики Казахстан (например, возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды в Республике Казахстан);

б) если они совершили преступление, предусмотренное международным договором (например, производство, приобретение или сбыт оружия массового поражения);

в) если они не были осуждены в другом государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Республики Казахстан (ч. 4, ст. 7 УК).

Как уже отмечалось, преступления против мира впервые определяются в статье 6 Устава Нюрнбергского трибунала: планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеперечисленных действий. В части 1 статьи 159 Уголовного кодекса Республики Казахстан «планирование, подготовка или развязывание агрессивной войны» также признаются в качестве наиболее тяжких международных преступлений и наказываются лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет.

Помимо этого, к категории преступлений против мира относятся также:

- пропаганда и публичные призывы к развязыванию агрессивной войны[11] (ст. 157 УК). В части 3 статьи 20 Конституции Республики Казахстан непосредственно закреплена норма о недопущении пропаганды или агитации насильственного изменения конституционного строя,

нарушения целостности Республики Казахстан, подрыва безопасности государства, войны…;

- производство или распространение оружия массового поражения (ст. 158). Квалифицируется как тяжкое преступление, общественная опасность которого заключается в том, что в случаях международных или немеждународных вооруженных конфликтов создается реальная возможность их использования в качестве средства решения такого конфликта в пользу стороны, обладающей таким оружием. Предмет преступления представляет собой химическое, биологическое оружие, а также другие виды оружия массового поражения, запрещенные международным договором Республики Казахстан[12].

Ответственность за военные преступления предусматривается статьей 159 Уголовного кодекса: «Применение запрещенных средств и методов ведения войны». В состав данного преступления входят: жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением; депортация гражданского населения; разграбление национального имущества на оккупированной территории; применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Республики Казахстан.

В выше изложенному добавим, что в настоящее время Республика Казахстан является участницей Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и двух Дополнительных протоколов к ним, 1977 г[13]. Тем не менее, следует признать, что мы не в полной мере выполнили свои обязательства по международному гуманитарному праву. Не будем затрагивать всех обязательств, а рассмотрим только обязательства по принятию соответствующих уголовных санкций за нарушение отдельных положений международного гуманитарного права. Действующая статья 159 Уголовного кодекса Республики Казахстан практически не охватывает всего состава преступлений, предусмотренных Женевскими конвенциями 1949 года и Дополнительным протоколом-I. Некоторые преступления, которые также предусмотрены нормами международного гуманитарного права, вообще не попали в указанную статью и, практически, разбросаны по всему Кодексу[14].

Целесообразнее и правильнее было бы выделение в Уголовном кодексе республики отдельной главы - “Серьезные нарушения международного гуманитарного права”. В рамках данной главы необходимо перечислить основные составы преступлений, содержащихся в Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительном протоколе I к ним, 1977 г.

К категории преступлений против человечности в Уголовном кодексе республики отнесены следующие.

Геноцид (ст. 160 УК). Республика Казахстан в настоящее время является участницей Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года [15]. Как уже указывалось, статья 6 данной Конвенции закрепляет принцип универсальной юрисдикции в отношении данной категории международного преступления: «Лица, обвиняемые в совершении геноцида или других перечисленных в статье 3 деяний, должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или таким международным уголовным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении сторон настоящей Конвенции, признавших юрисдикцию такого суда».

Экоцид (ст. 161), то есть массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы, земельных или водных ресурсов, а также совершение иных действий, вызвавших или способных вызвать экологическую катастрофу. Совершение экоцида связано с необратимыми последствиями для окружающей среды и самого существования человечества, в связи с чем это деяние в уголовном законе страны также отнесено к категории тяжких международных преступлений против мира и безопасности человечества и наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет.

Под «**Преступлениями, посягающими на принципы правового регулирования вооруженных конфликтов**» в Уголовном кодексе республики понимается **наемничество** (ст. 162). Подробно понятие и сущность данного международного преступления были раскрыты при рассмотрении вопросов ответственности физических лиц за международные преступления. Республика Казахстан, являясь участницей Женевских конвенций о защите жертв войны, 1949 года и двух Дополнительных протоколов к ним, 1977 года, также признает наемничество международным преступлением. В частности, в соответствии со статьей 162 Уголовного кодекса лишением свободы на срок от четырех до восьми лет наказывается лицо, осуществляющее

вербовку, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно использующее его в вооруженном конфликте или в военных действиях (ч. 1). Указанные деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения или в отношении несовершеннолетнего, наказываются лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой (ч. 2). Участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях наказываются в соответствии с частью 3 рассматриваемой статьи лишением свободы на срок от трех до семи лет. При этом, если такое участие наемника повлекло за собой гибель людей или иные тяжкие последствия, то такие действия квалифицируются уголовным законом как особо тяжкие и наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет с конфискацией имущества либо смертной казнью с конфискацией имущества или пожизненным лишением свободы с конфискацией имущества.

Вышеобозначенные санкции за наемничество вполне оправданы, а само преступление не может квалифицироваться не иначе как «международное преступление против мира и безопасности человечества».

Учитывая неумолимый рост терроризма, экстремизма и сепаратизма во всем мире, сопряженных с насилием, убийствами, заложничеством, пытками, угрожающих национальной безопасности и территориальной целостности многих государств, а также то, что такие преступления серьезно подрывают основы развития международного сотрудничества и международных отношений, способны привести к провокации войны между государствами и, в целом, несут в себе огромную угрозу безопасности лиц, выполняющих важные государственные и международные функции, в 1973 году принимается Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов.

Конвенция объявляет преступлениями преднамеренное совершение: а) убийства, похищения или другого нападения на личность или лишение свободы лица, пользующегося международной защитой; б) насильственного нападения на официальное помещение, жилое помещение или транспортные средства лица, пользующегося международной защитой, которое может угрожать личности или свободе последнего; в) угрозы такого нападения; г) попытки любого такого нападения; д) действий в качестве соучастника любого такого нападения (ст. 2).

Республика Казахстан, являясь участницей данной Конвенции, выполнила в полной мере обязательства, содержащиеся в части 2 статьи 2 Конвенции[16]. Так, статья 163 Уголовного кодекса республики квалифицирует как преступление против мира и безопасности человечества следующие действия: 1) Нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, или проживающих совместно с ним членов его семьи, а равно на служебные или жилые помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, а равно похищение или насильственное лишение свободы этих лиц, если эти деяния совершены с целью провокации войны или осложнения международных отношений[17]; 2) Те же деяния, совершенные неоднократно, либо с применением оружия, либо по предварительному сговору группой лиц, либо сопряженные с причинение тяжкого вреда здоровью, либо повлекшие по неосторожности смерть человека[18].

Уголовный кодекс республики относит к категории преступлений против мира и безопасности человечества деяния, направленные на возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды. В самой Конституции Республики Казахстан прямо говорится о недопустимости разжигания социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни (ч. 2, ст. 5) и пропаганды или агитации социального, расового, национального, религиозного, сословного и родового превосходства (ч. 3, ст. 20). А в стратегии развития Казахстана - «Казахстан – 2030» в качестве одного из долгосрочных приоритетов совершенно правильно определяются именно внутриполитическая стабильность и консолидация общества и выделяются их следующие основные компоненты:

- обеспечение устранения причин этнических разногласий и наделение всех этнических групп равными правами;
- уменьшение разницы между имущими и неимущими в казахстанском обществе и обращение постоянного внимания на проблемы села;

- неуклонное решение социальных проблем, возникающих в переходный и последующие периоды;

- строительство богатого Казахстана, способного обеспечить политическую стабильность, консолидацию общества в долгосрочной перспективе;

- развитие всех форм общения и коммуникационных связей между людьми;

- укрепление взаимоуважения, терпимости и доверительных отношений между различными конфессиями.

В этой связи возбуждение либо любые попытки возбуждения социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды в Республике Казахстан являются главной угрозой национальной безопасности и внутриполитической стабильности республики и должны рассматриваться только как преступные действия.

В целом, сформулированная на основании Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. и некоторых других международно-правовых актов в области обеспечения защиты прав человека[19] статья 164 Уголовного кодекса республики является важным гарантом обеспечения неотвратимости наказания за такие опасные преступления и недопущения их совершения или продолжения совершения в будущем.

В состав преступлений, предусмотренных статьей 164, входят:

- умышленные действия, направленные на возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, религиозной вражды или розни, на оскорбление национальной чести и достоинства либо религиозных чувств граждан, а равно пропаганда исключительности превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, сословной, национальной, родовой или расовой принадлежности, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации;

- выше перечисленные действия, совершенные группой лиц или неоднократно, или соединенные с насилием либо угрозой его применения, а равно лицом с использованием своего служебного положения либо руководителем общественного объединения[20].

В целом, непосредственным объектом рассмотренной категории преступлений против мира и безопасности человечества является международно-правовой и конституционный принцип недопущения разжигания социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды или розни. Субъективная сторона характеризуется только прямым умыслом: лицо сознает, что совершает указанные в диспозиции указанной статьи действия и желает совершить такие действия публично или с использование средств массовой информации[21].

Аналогичные положения содержаться и в статье 156 Уголовного кодекса Республики Узбекистан – «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды». В целом, следует добавить, что Уголовный кодекс Узбекистана, так же как и Уголовный кодекс Казахстана, содержит отдельную главу, целиком посвященную преступлениям против мира и безопасности человечества. При этом, помимо выше указанной статьи 156 и таких составов преступлений, как «Пропаганда войны» (ст. 150), «Агрессия» (ст. 151), «Нарушение законов и обычаев войны» (ст. 152), «Геноцид» (ст. 153), «Наемничество» (ст. 154), к рассматриваемой категории международных преступлений уголовный закон Узбекистана отнес и «Терроризм» (ст. 155 УК РУ) [22].

Отличительной особенностью Главы 34 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, полностью посвященной преступлениям против мира и безопасности человечества, является то, что помимо таких преступлений, как «Агрессивная война» (ст. 395), «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны» (ст. 396), «Производство или распространение оружия массового поражения» (ст. 398), «Геноцид» (ст. 398), «Экоцид» (ст. 400), «Наемничество» (ст. 401), «Нападение на лиц и учреждения, пользующиеся международной защитой» (ст. 402), в нее включены и другие составы преступлений, а именно:

- «Биоцид», то есть применение ядерного, нейтронного, химического, биологического (бактериологического), климатического или иного оружия массового поражения в целях уничтожение людей и окружающей среды (ст. 399);

- «Умышленные нарушения норм международного гуманитарного права, совершенные в ходе вооруженного конфликта» (ст. 403);

- «Умышленные нарушения норм международного гуманитарного права, совершенные во

время международного или внутреннего вооруженного конфликта с угрозой здоровью или повлекшие физические увечья» (ст. 404);

- «Иные нарушения норм международного гуманитарного права» (ст. 405)[23].

Включение в Уголовный кодекс Таджикистана преступлений, связанных с умышленным нарушением норм международного гуманитарного права, безусловно, вызвано обстановкой напряженности и внутреннего конфликта, существующей уже на протяжении нескольких лет в этой суверенной республике. Являясь участницей Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и двух Дополнительных протоколов к ним 1977 г., в настоящее время составляющих основу международного гуманитарного права, Республика Таджикистана практически без изменений включила в свое уголовное законодательство основной состав преступлений, связанных с нарушением законов и обычаев войны («Право Гааги» и «Право Женевы»).

Особенностью Главы 34 Уголовного кодекса Российской Федерации является то, что в нее не включен состав такого международного преступления, как «Возбуждение национальной, социальной, родовой, расовой или религиозной вражды». В остальном состав рассматриваемой категории преступлений российского уголовного кодекса аналогичен тому, что содержится в Главе 4 Уголовного кодекса Казахстана[24].

Таким образом, на основании рассмотренных положений можно заключить:

- преступления против мира и безопасности человечества – наиболее тяжкие международные преступления, подрывающие: основы существования государств, наций и народов; угрожающие национальной безопасности государств и международному правопорядку; дестабилизирующие внутриполитическую обстановку в стране и способствующие пропаганде культа насилия, жестокости и беззакония; нарушающие основные и неотъемлемые права человека и свободы;

- Республика Казахстан, обладая полной международной правосубъектностью и провозгласив свою приверженность строго следовать основополагающим принципам и нормам международного права, является также активным участником международного процесса по противодействию международной преступности;

- признание опасного и преступного характера некоторых деяний, квалифицируемых в международном праве как международные преступления, выражение обязательности для себя основных международно-правовых актов в области борьбы с такими преступлениями и трансформация норм таких актов в национальное уголовное законодательство – основа обеспечения в целом международного правопорядка и реализации основополагающего принципа неотвратимости наказания за совершенное преступное деяние.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К ГЛАВЕ 7

1) В чем видится необходимость более активной интеграции Казахстана в международную систему по борьбе с преступностью?

2) В чем заключается особенность Главы 4 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 16 июля 1997 года?

3) Что включает в себя объективная и субъективная сторона преступлений против мира и безопасности человечества, предусмотренных Главой 4 Уголовного кодекса Республики Казахстан?

4) Подробнее охарактеризуйте территориальный принцип и принцип гражданства, зафиксированные в статье 6 и статье 7 Уголовного кодекса республики?

5) Какова квалификация преступлений, связанных с производством или распространением оружия массового поражения, в уголовном законодательстве республики?

6) Каковы особенности ответственности физических лиц за преступления против мира и безопасности человечества по уголовному законодательству Казахстана?

---

[1] Назарбаев Н. А. Казахстан – 2030. Послание Президента страны народу Казахстана. Алматы, 1997. С. 120.

[2] См.: Статью 4 Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 26 июня 1998 г. //Юридическая газета. № 26 (241) от 1 июля 1998 г. С. 3.

[3] Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. Алматы: ТОО «Аян Эдет», 1997. С. 3.

[4] Рахметов С. М., Кременцов С. А. Преступления против мира и безопасности человечества. Алматы, 1998. С. 16.

[5] *Здесь же.* С. 16.

[6] *Здесь же.* С. 16-17.

[7] Уголовное право (право казахстанской, право международное). Учебное пособие. Под ред. М. А. Сарсембаева, И. И. Рогова. Алматы: Гылым, 1998. С. 71.

[8] В Преамбуле Конвенции указывается, что «преступления против дипломатических агентов и других лиц, пользующихся международной защитой, … создают серьезную угрозу поддержанию нормальных международных отношений, которые необходимы для сотрудничества между государствами».

[9] Здесь же указывается, что такие преступления угрожают безопасности этих лиц и в их состав входят, в первую очередь, такие преступные действия, как убийство и похищение (ст. 2 Конвенции).

[10] Преступлением, совершенным на территории Республики Казахстан, признается деяние, которое начато или продолжилось, либо было окончено на территории Республики Казахстан. Действие Уголовного кодекса распространяется также на преступления, совершенные на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Республики Казахстан (ч. 2, ст. 6 УК РК).

[11] Пропаганда войны – это распространение среди определенного круга лиц взглядов и идей, направленных на разжигание войны. Пропаганда может заключаться и в общем призыве к оправданию войны как метода решения международных споров и разногласий. Призыв к развязыванию войны определяют как лозунг, обращение, в лаконичной форме выражающее руководящую идею, политическое требование о необходимости войны.

[12] Республика Казахстан является участницей следующих международных договоров в области запрещения производства или распространения оружия массового поражения: Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г.; Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г.; Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г.

[13] 31 марта 1993 г. Верховный Совет Республики Казахстан принял Постановление “О присоединении Республики Казахстан к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительным протоколам I и II 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны”.

[14] К примеру, незаконное пользование эмблемами и знаками Красного Полумесяца и Красного Креста (ст. 332 УК РК) отнесено к разряду преступлений, направленных против порядка управления (Глава 14 УК РК).

[15] Закон РК о присоединении № 244-1 ЗРК от 29 июня 1998 г.

[16] «Каждое государство-участник предусматривает соответствующие наказания за такие преступления с учетом их тяжкого характера» (ч. 2, ст. 2 Конвенции).

[17] Такие действия наказываются лишением свободы на срок от трех до восьми лет с конфискацией имущества или без таковой (ч. 1, ст. 163).

[18] Такие действия наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой (ч. 2, ст. 163).

[19] В первую очередь имеются ввиду такие наиболее важные из них, как: Устав ООН 1945 г.; Всеобщая декларация прав человека 1948 г.; Международные пакты о правах человека 1966 г.; Заключительный акт СБСЕ 1975 г.; Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений 1981 г.; Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, 1992 г.

[20] Указанные действия, повлекшие тяжкие последствия, наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

[21] Рахметов С. М., Кременцов С. А. *Указ. соч.* С. 87-89.

[22] См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан. Тошкент, «Адолат». 1998. С. 235-238.

[23] См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Душанбе, Нашриети «Конуният», 1998. С. 373-378.

[24] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Москва, Норма-Инфра-М, 1998. С. 781-797.

ГЛАВА 8. ПРАВОВОЙ СТАТУС МЕЖДУНАРОДНЫХ УГОЛОВНЫХ ТРИБУНАЛОВ “AD HOC” ДЛЯ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ И РУАНДЫ

Международный трибунал для бывшей Югославии

После распада социалистической Югославии некоторые страны, ранее входившие в ее состав, вышли на демократический путь развития. Но демократия и независимость странами бывшей СФРЮ была завоевана кровью и бедствиями, вызванными войной за независимость с официальным правительством Югославии. Единственной страной, которая отделилась от Югославии, избежав войны, является Македония[1].

Первые шаг к войне был сделан в марте 1989 года, когда первый секретарь ЦК Компартии Сербии Слободан Милошевич лишил Косово (а заодно и Воеводину с ее венгерским меньшинством) автономного статуса. Выступления протеста, организованные косовскими албанцами, были тогда жестоко подавлены.

Для республик, входивших в то время в состав СФРЮ, это был тревожный сигнал, который мог означать только одно: власти Белграда сделали ставку на сербский национализм, жертвой которого вслед за косовскими албанцами стали: 1) 25 июня 1991 г. - словенцы[2]; 2) в августе 1991 г. - жители Хорватии[3]; 3) в апреле 1992 г. - Босния и Герцеговина[4]. В целом, война в Югославии завершилась поздней осенью 1995 г. Но мир на Балканах продлился недолго и с появлением на сцене в начале 1999 года Армии освобождения Косово, предводители которой признавали исключительно вооруженные формы борьбы за независимость Косово, пассивное сопротивление стало перерастать в партизанскую войну. В результате всех этих событий 24 марта 1999 г, как уже известно, на стороне косовских албанцев в вооруженное сопротивление с режимом Милошевича вступил Североатлантический альянс[5].

Еще в ходе военных действий на территории Боснии в целях защиты мирного населения этой страны были направлены “голубые каски” ООН. Против Югославии, обвиненной во вмешательстве в дела соседних государств и в поддержке боснийских сербов, были введены международные санкции.

В целом, ситуация в Югославии поставила вопрос о создании международного уголовного трибунала. Кроме специального решения Совета Безопасности № 780 (1992), были приняты решения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и Московского совещания по ситуации в Боснии, Герцеговине и Хорватии. На нем был представлен доклад о жестоком обращении с безоружным гражданским населением на территории бывшей Югославии[6]. В октябре 1992 г. Совет Безопасности ООН учредил Экспертную комиссию для расследования и подачи отчетов о нарушениях[7]. Экспертная комиссия подтвердила опасения мирового сообщества и предоставила документы и другие свидетельства грубейших нарушений прав человека Генеральному секретарю ООН. В мае 1993 года, следуя докладу Генерального секретаря, Совет Безопасности ООН в соответствии с главой VII ООН принял Резолюцию № 827, учреждающую Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии. Совет обосновал решения ссылкой на указанную главу Устава, в которой речь идет о его полномочиях в случае угрозы миру и актов агрессии. Принимая решение об учреждении такого органа Совет Безопасности установил, что события в бывшей Югославии представляют угрозу международному миру и безопасности и, что учреждение трибунала будет отвечать требованию восстановления и поддержания мира.

В принципе, Совет Безопасности не имел юридических оснований для учреждения такого юрисдикционного органа, поскольку все полномочия Совета относятся непосредственно к государствам, а не к индивидам. Поскольку никто не может передать прав больше, чем сам имеет, то учреждение трибунала основано на широком толковании Устава ООН[8]. На данное обстоятельство также ссылался и адвокат Душко Тадича, указывая, что Совет Безопасности не имел полномочий для учреждения подобного судебного органа и, таким образом, превысил свои полномочия. Адвокат также приводил доводы в пользу того, что основным правом обвиняемого является слушание его дела перед судом, учрежденным законным образом, а Резолюция Совета Безопасности не удовлетворяет этому требованию.

Тем не менее, Апелляционная камера Трибунала безоговорочно отвергла все доводы защиты. Камера, в частности, заявила, что решение Совета Безопасности применить главу VII Устава ООН было приемлемым к учреждению Трибунала, так как военные действия в бывшей Югославии представляли угрозу миру, и именно на Трибунал возложена задача по поддержанию и восстановлению мира на Балканах[9].

В продолжении анализа Устава Трибунала отметим, что принятый Устав состоит из тридцати четырех статей, касающихся юрисдикции, внутренней структуры, процедурных вопросов и прав обвиняемых, жертв и свидетелей. Уставом четко установлена юрисдикция в отношении рассматриваемого предмета, территориальная и временная юрисдикция, а также установлена личная уголовная ответственность. Трибунал имеет также географическую и временную юрисдикцию в отношении преступлений, совершенных на территории бывшей Югославии после 1 января 1991 года.

В Уставе определены четыре различных вида преступлений, в отношении которых Трибунал имеет право рассматривать дела. В частности, статья 2 предусматривает судебное преследование за “серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 года”; статья 3 - за нарушение законов и обычаев войны; статья 4 - за геноцид; и статья 5 предусматривает судебное преследование за преступления против человечности.

Необходимо отметить, что в отношении указанных преступлений Устав Трибунала определяет параллельную юрисдикцию самого Трибунала и национальных судов с выделением приоритета юрисдикции Трибунала по отношению к юрисдикции национальных судов. То есть, на любом этапе судебного разбирательства Трибунал может официально просить национальные суды передать производство по делу Трибуналу (ст. 9). Уставом также определяется общепризнанный в международном уголовном праве принцип “Non bis in idem”[10].

Международный трибунал по Югославии состоит из камер (две Судебные и одна Апелляционная); из Обвинителя и секретариата. Камеры состоят из 11 независимых судей[11], причем в них не может быть двух граждан одного и того же государства[12] (ст. 11, 12).

Расследование “ex-officio” начинает непосредственно Обвинитель или на основе информации, полученной из любого источника, прежде всего, от правительств, органов ООН, межправительственных и неправительственных организаций, им оценивается полученная или найденная информация и затем принимается решение в отношении того, достаточно ли оснований для разбирательства. В функции Обвинителя входит осуществление допроса подозреваемых, жертв и свидетелей, сбор доказательств и проведение расследования на месте. В процессе осуществления своих функций Обвинитель вправе, в случаях необходимости, обращаться за помощью к соответствующим государственным властям. В случае, если будет установлено, что имеются основания prima facie для судебного разбирательства, Обвинитель составляет обвинительное заключение, в котором кратко излагаются факты и преступление или преступления, в совершении которых обвиняется в соответствии с Уставом обвиняемый. Данное обвинительное заключение непосредственно направляется судье Судебной камеры (ст.18).

Судебное разбирательство начинается с момента получения судьей Судебной камеры обвинительного заключения, переданного ему Обвинителем. Если судья убедиться в том, что Обвинитель выявил основания prima facie для судебного разбирательства, он утверждает обвинительное заключение. Если он не убедится в этом, обвинительное заключение им отклоняется. Лишь после принятия утвердительного решения по обвинительному заключению, по просьбе Обвинителя судья Камеры может отдавать такие приказы и выдавать такие ордера на арест, задержание, выдачу или передачу лиц и любые другие распоряжения, которые могут быть необходимыми для проведения судебного разбирательства (ст. 19).

В случае ареста обвиняемого в иностранном государстве, Трибунал вправе делать запросы на то, чтобы дело перешло из под юрисдикции национального суда под юрисдикцию Трибунала. Первым подобным делом было дело Душко Тадича, арестованного в Германии и обвинявшегося в военных преступлениях. Трибунал потребовал передачи дела под свою юрисдикцию и в соответствии со статьями 9 и 29[13] Устава Германия была обязана выполнить данное требование.

Судебные камеры Трибунала обеспечивают справедливое и оперативное судебное разбирательство и осуществление судопроизводства в соответствии с правилами процедуры и доказывания при полном уважении прав обвиняемого и надлежащем обеспечении защиты жертв и

свидетелей. Лицо, в отношении которого вынесено обвинительное заключение, заключается под стражу на основании приказа или ордера на арест, вынесенного судьей Камеры и информируется о предъявляемых ему обвинениях и направляется в место нахождения Международного трибунала. Судебной камерой оглашается вынесенное обвинительное заключение и судьи удостоверяются в том, что соблюдены все права обвиняемого[14] и подтверждают, что обвиняемый понимает содержание обвинительного заключения, и предлагают обвиняемому сделать соответствующее заявление. После этого Судебная камера определяет дату предстоящего судебного разбирательства[15].

Наказание, назначаемое Судебной камерой, ограничивается тюремным заключением. При определении сроков тюремного заключения Судебные камеры руководствуются общей практикой вынесения приговоров о тюремном заключении в судах бывшей Югославии. Тюремное заключение отбывается в государстве, которое определяется Международным трибуналом на основе перечня государств, которые заявили Совету Безопасности ООН о своей готовности принять осужденных лиц. Такое тюремное заключение отбывается в соответствии с применимым законодательством соответствующего государства, при надзоре со стороны Международного трибунала (ст. 24, 27).

Помимо этого, в соответствии с Уставом Апелляционная камера рассматривает апелляции, поданные лицами, осужденными Судебными камерами, или Обвинителем[16].

В отношении финансовой стороны вопроса функционирования Трибунала следует указать, что все расходы Международного трибунала, относятся на счет регулярного бюджета ООН в соответствии со статьей 17 Устава Организации[17].

Последние события в Косово требуют усиления деятельности Трибунала. Такая необходимость подчеркивается и в специально принятой Резолюции Совета Безопасности № 1160 от 31 марта 1998 года, касающейся насильственных действий в Косово, которые могут подпадать под его юрисдикцию и, в этой связи, отмечает, что власти Союзной Республики Югославии обязаны сотрудничать с Трибуналом и что страны Контактной группы предоставят Трибуналу имеющуюся в их распоряжении соответствующую подтвержденную информацию. А в Резолюции № 1203 от 24 октября 1998 года Совет Безопасности в настоятельной форме требует проведения незамедлительного и полного расследования, в том числе при международном надзоре и участии, всех жестокостей, совершенных в отношении гражданских лиц, и к полному сотрудничеству с Международным трибуналом.

Таким образом, осуждая все акты насилия в отношении населения Косово, а также все террористические акты с любой стороны и ссылаясь на юрисдикцию и мандат Международного трибунала по бывшей Югославии, Совет Безопасности ООН требует, чтобы власти Союзной Республики Югославии, руководители общины косовских албанцев и все другие заинтересованные стороны, включая международное присутствие по безопасности, в полной мере сотрудничали с данным трибуналом: непосредственно выполняли просьбы о помощи или приказы, выписанные Судебной камерой в соответствии со статьей 29 устава; исполняли переданные им Трибуналом ордера на аресты; и выполняли запросы о предоставлении информации и проведении расследований.

Именно выполнение вышеуказанных требований будет в полной мере способствовать более продуктивной деятельности Трибунала. В целом же, успешная деятельность Трибунала имеет предохранительный и превентивный эффект, так как приговоры этого судебного органа способствуют большему осознанию ответственности гражданскими, политическими и военными субъектами во всем мире, которые они несут во время войны.

Согласно Отчету о работе Трибунала для Югославии, заслушанному Генеральной Ассамблеей ООН в 1999 - 2000 гг., падение режима Милошевича дает надежду на то, что Федеральная Республика Югославия также будет исполнять свои международные обязательства и содействовать миссии Трибунала. Устроители Трибунала выражают надежду на то, что высокопоставленные обвиняемые этой страны будут привлечены к ответственности за военные преступления.

Основные проблемы, возникшие перед трибуналом – это: увеличение объема работы; возможность нежелательных затяжных процессов вплоть до 2016 года; недостаточность финансовых средств для более эффективной деятельности трибунала; осуществление

необходимых реформ как по структуре, так и по процедуре расследования уголовных дел.

С августа 1999 по июль 2000 года прошло три итоговых процесса; в стадии рассмотрения находятся 13 дел, по которым проходят 25 обвиняемых; всего за Трибуналом числится 37 задержанных. В течении этого периода представители Трибунала активно работали в Косово. Первая миссия состоялась сразу после воздушной операции НАТО в Косово. 12 июня 1999 года миссия Трибунала вошла в Косово вместе с силами KFOR. С июня 1999 по февраль 2000 года ею было проинтервьюировано более трех тысяч свидетелей.

Трибуналом было предъявлено 28 публичных обвинений, в которых фигурируют 97 человек. Однако целый ряд обвиняемых пользуется полной официальной безнаказанностью. Главное достижение трибунала – это суд над бывшим руководителем этой страны С. Милошевичем.

Вместе с тем, остается непонятной позиция трибунала в отношении других преступлений, совершенных уже в период функционирования этого судебного органа. К примеру, почему трибунал оставляет без рассмотрения «агрессию» НАТО против Югославии, когда в результате жестоких бомбардировок пострадало мирное гражданское население этой страны. Правосудие должно быть справедливым, а преступления, если они действительно имели место, не должны оставаться безнаказанными, независимо от того, кто совершил их и каким иммунитетом пользуются лица, виновные в их совершении. Поэтому «политизированность» трибунала никак не может сочетаться с принципами справедливости и неотвратимости наказания в деятельности трибунала.

Международный трибунал для Руанды

Международный уголовный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 года по 31 декабря 1994 года был учрежден Советом Безопасности ООН, действующим на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций и функционирует в соответствии с положениями Устава, принятого резолюцией 955 (1994) Совета Безопасности ООН от 8.11.1994 г.[18].

Как известно, в 1994 году война в Руанде, сопровождалась геноцидом, осуществлявшимся экстремистами из племени хуту, жертвами которых были как население племени тутси, так и хуту. Число убитых ориентировочно достигает 1000000 человек[19]. В соответствии с этим, Устав Трибунала по Руанде определил наказуемыми следующие деяния: геноцид; заговор с целью совершения геноцида; прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида; покушение на совершение геноцида; соучастие в геноциде (ст. 2).

Юрисдикция Трибунала распространяется также на преступления против человечности (ст. 3) и на нарушения статьи 3, общей для Женевских конвенций и Дополнительного протокола II (ст. 4) [20].

Так же как и в случае с Трибуналом по Югославии, Уставом Международного трибунала по Руанде признается параллельная юрисдикция, с выделением приоритета юрисдикции Трибунала по отношению к юрисдикции национальных судов всех государств. Помимо этого, на любом этапе судебного разбирательства Трибунал вправе официально просить национальные суды передать ему производство по делу в соответствии с Уставом Трибунала и принятыми правилами процедуры и доказывания (ст. 8).

Структура Трибунала, состав камер, квалификация и выборы суде, сроки полномочий судей, Обвинителя, Секретаря, аналогичны тем, что указаны в Уставе Трибунала по Югославии. Практически одинаково рассматриваются и вопросы расследования, составления и рассмотрения обвинительного заключения, процедура ведения судебного разбирательства.

Наказание, назначаемое Судебной камерой Трибунала по Руанде, также ограничивается тюремным заключением и при определении сроков тюремного заключения Судебные камеры руководствуются общей практикой вынесения приговоров о тюремном заключении в судах Руанды[21]. Помимо тюремного заключения, Камеры вправе отдавать приказы о возвращении любого имущества и доходов, приобретенных в результате преступного поведения, в том числе путем принуждения, их законным владельцам (ст. 23).

Судьи, Обвинитель, Секретарь Международного трибунала по Руанде пользуются такими же

иммунитетами и привилегиями, что и судьи, Обвинитель и Секретарь Международного трибунала по Югославии. Персонал Обвинителя и Секретариата пользуется привилегиями и иммунитетами, предоставляемыми должностным лицам ООН в соответствии со статьями V и VII Конвенции о привилегиях и иммунитетах ООН от 13 февраля 1946 года.

Расходы Международного трибунала по Руанде, так же, как и в случае с расходами Международного трибунала по бывшей Югославии, рассматриваются как расходы Организации в соответствии со статьей 17 Устава ООН.

В целом, с момента начала функционирования Трибунал вынес свой первый приговор 2 сентября 1998 года: Жан Поль Акаесу был признан по восьми пунктам обвинения из пятнадцати, включая обвинение в геноциде, прямом и публичном подстрекательстве к геноциду и преступлениях против человечности. Сразу за ним последовала приговор по делу Жана Камбанды, который был Премьер-министром Временного Правительства Руанды в 1994 году. Следует признать, что эти приговоры имели огромное значение для международного уголовного правосудия, так как Трибунал впервые вынес их за совершение преступления геноцида – наиболее тяжкого международного преступления против человечества.

В завершении всего вышеизложенного необходимо выделить следующее:

1) Хотя деятельность рассмотренных Международных трибуналов и вызывает критику со стороны многих государств в связи со слабыми темпами работы, все же следует признать их необходимость на данном этапе в условиях отсутствия постоянного Международного уголовного суда для судебного преследования физических лиц, виновных в совершении рассмотренных и других видов преступлений против международного права.

2) Деятельность Международных трибуналов имеет огромное значение и для всего процесса признания и дальнейшего развития международного уголовного правосудия за преступления против международного права, независимо от того, кем совершаются такие преступления.

3) Функционирование рассмотренных трибуналов немыслимо без активного содействия государств-членов ООН. По мнению Генерального секретаря ООН решения Совета Безопасности, принятые в соответствии с главой VII Устава ООН, обязывают все государства принимать меры для реализации этих решений[22]. Уставы трибуналов обязывают государства оказывать помощь, включая розыск и опознание, снятие показаний и выявление доказательств, арест и задержание, передачу обвиняемого трибуналу. Все это требует внесения соответствующих положений в уголовное и уголовно-процессуальное право государств.

4) Помимо этого, создание и деятельность международных трибуналов являются важным шагом в развитии международного уголовного права, особенно таких его отраслей как судоустройство и процесс. Их значение состоит также в том, что они прокладывают путь к учреждению общего международного уголовного суда, действующего на постоянной основе и обладающего универсальной юрисдикцией в отношении преступлений против международного права.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К ГЛАВЕ 8

1) Назовите основные причины учреждения Советом Безопасности ООН Международного уголовного трибунала для бывшей Югославии и аналогичного органа для Руанды?

2) В отношении каких преступлений правомочны проводить судебное расследование и осуществлять наказание виновных лиц Международные уголовные трибуналы для бывшей Югославии и Руанды?

3) Охарактеризуйте основные принципы деятельности югославского и руандийского трибуналов?

4) В чем заключается сущность параллельной юрисдикции?

5) Как в соответствии с уставом трибуналов разрешаются вопросы, касающиеся применимых мер наказания?

---

[1] Лабэнда М. Кто хочет войны? //Деловая неделя. 18 декабря 1998. С. 3.

[2] Официальный Белград попытался удержать Словению силой, в результате чего в июне 1991 г. на столицу Словении город Любляны двинулись части Югославской народной армии. Война в Словении продлилась всего неделю благодаря упорному сопротивлению словенских отрядов самообороны.

[3] Наиболее ожесточенные бои шли за город Вуковар в Восточной Славонии, получивший название “хорватский Сталинград”. Осада Вуковара продолжалась два месяца. 18 октября 1991 г. сербы захватили город. Число жертв с обеих сторон превысило двадцать тысяч человек. Сербы захватили почти всю Хорватию, а хорватское население было изгнано. Самопровозглашенная республика “Сербская Краина” со столицей в городе Книн объявила об отделении от Хорватии.

[4] Именно в связи с событиями в Боснии и Герцеговине впервые появляется термин “этнические чистки”. В 1994 г. боснийские сербы совершили одно из самых страшных своих преступлений - при взятии мусульманского анклава Сребреница ими были расстреляны 6 тыс. человек.

[5] М. Юсин. Хроника десяти лет балканского конфликта.//Известия. 10 апреля 1999. С. 8.

[6] Proposal for an International War Crimes Tribunal for former Yugoslavia. Geneva, 1993. P. 12.

[7] См.: UN Doc. S/1994/674, от 24 мая 1994. Приложение. Окончательный отчет Экспертной комиссии, учрежденной в соответствии с Резолюцией № 780 Совета Безопасности ООН (1992).

[8] Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть. М., 1997. С. 249.

[9] UN Doc. S/25704. New York, 1993. P. 20-23.

[10] Ни одно лицо не может быть судимо национальным судом за деяния, представляющие собой серьезные нарушения международного гуманитарного права в соответствии с Уставом Трибунала, за которые оно уже было судимо Международным трибуналом.

[11] В мае 1998 г. в связи с увеличением объема работы Трибунала Совет Безопасности ООН увеличил число судей с одиннадцати до четырнадцати и учредил третью судебную камеру. В июне 1999 года судьями Трибунала являлись: Председатель Габриеэль Кирк Макдональд (США); Вице-председатель Мохаммад Шахабуддин (Гайана); Антонио Кассесе (Италия); Лал Чанд Вохра (Малайзия); Клод Джорда (Франция); Фуад Абдель-Монейм Риад (Египет); Тийя Ванг (Китай); Рафаэль Ньето Навия (Колумбия); Ричард Джордж Мей (Великобритания); Флоренс Ндепеле Мвачанде Мумба (Замбия); Альмиро Симонес Родригес (Португалия); Давид Энтони Хант (Австралия); Мохамед Бенноуна (Марокко); и Патрик Липтон Робинсон (Ямайка).

[12] См.: Квалификация и выборы судей (ст. 13); Должностные лица камер и члены камер (ст. 14); Обвинитель (ст. 16); Секретариат (ст. 17) //Международное уголовное право в документах. Том 1. Алматы, 1999. С. 137-139.

[13] В данной статье предусмотрено, что все государства «сотрудничают с Международным трибуналом в вопросах расследования и судебного преследования лиц, обвиняемых в совершении серьезных нарушений международного гуманитарного права».

[14] В Уставе подробно изложены основные права обвиняемого (ст.21). С учетом того, что все лица равны перед Международным трибуналом, обвиняемому предоставляется целый ряд прав, среди которых такие основные как право при рассмотрении уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство своего дела; право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно положениям Устава Трибунала; право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником и др.

[15] Слушания в Трибунале могут носить публичный характер только в том случае, если Судебная камера, огласившая обвинительное заключение, не примет решения о проведении закрытого разбирательства в соответствии с ее правилами процедуры и доказывания.

[16] Пересмотр в апелляционном порядке может осуществляться: a) в случае ошибки в вопросе права, в результате которой решение утрачивает юридическую силу; или b) в случае ошибки в вопросе факта, которая привела к вынесению неправосудного решения. Апелляционная камера полномочна подтверждать, отменять или пересматривать решения, принятые Судебными камерами Трибунала (ст.25).

[17] Бюджет трибунала составил: в 1993 г $ 276.000; в 1994 г. эта сумма возросла до $ 10.800.000; в 1995 г. - до $ 25.300.000; в 1996 г. - до 35.430.622; в 1997 г. - до 48.587.000; в 1998 г. - до $ 64.775.300; в 1999 г. - до $ 94.103.800 (ICTY Fact Sheet, ICTY Doc. PIS/FS-49, 2 Aug. 1999).

[18] Работа Комиссии международного права ООН. Пятое издание. Нью-Йорк, 1997. С. 33-34.

[19] Более подробно см.: Madelein K. Albright. UN Security Council Established International Tribunal for Rwanda. US Department of State Dispatch. November 21, 1994, vol. 5, N 47. P. 780-781.; Wang, Marian Meier. ‘The International Tribunal for Rwanda: Opportunities for Clarification, Opportunities for Impact’. *Columbia Human Rights Review.* Vol. 27:189.

[20] К таким нарушениям отнесены следующие: a) посягательство на жизнь, здоровье и физическое или психическое благополучие лиц, в частности убийство, а также жестокое обращение, как например, пытки, увечья или любые формы телесного наказания; b) коллективные наказания; c) взятие заложников; d) посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение, изнасилование, принудительная проституция и любые формы непристойного нападения; e) мародерство; f) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями; g) угрозы совершения любого из вышеперечисленных

деяний.

[21] Трибунал обладает юрисдикцией судить главных преступников (организаторов) и привлекать их к пожизненному заключению. Преступники поменьше (исполнители) привлекаются к ответственности местными национальными судами Руанды и так как по законам этой страны допускается вынесение смертных приговоров, то такие лица могут быть приговорены к высшей мере наказания.

[22] См.: Официальные отчеты Генерального секретаря ООН. VII сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Дополнение № 11. (A/2136).

ГЛАВА 9. ИНЫЕ СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ ДЛЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ОТДЕЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Еще одним органом международной уголовной юстиции является Специальный суд по Сьерра-Леоне (*далее по тексту* - Суд), учрежденный для осуществления судебного преследования и наказания лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права и некоторых норм национального законодательства Сьерра-Леоне, совершенные на территории этого государства начиная с 30 ноября 1996 года. Как известно, в ходе внутреннего вооруженного конфликта, происходившего на территории этого государства, имели место случаи серьезных нарушений международного гуманитарного права.

Особенностью правового статуса Суда является то обстоятельство, что Суд создан на основании двустороннего международного договора, заключенного между правительством Сьерра-Леоне и Организацией Объединенных Наций (ООН) 16 января 2002 года. Приложением к договору и его неотъемлемой частью является сам уставной документ Суда. Заключение двустороннего соглашения о создании судебного органа – это новая, но вместе с тем, вполне приемлемая форма сотрудничества, предусматривающая учреждение специального суда «ad hoc». Вопросы заключения международных договоров между первичными и вторичными субъектами международного права регулируются в рамках Конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями, 1986 г.

В Уставе суда особо подчеркнута юрисдикция в отношении лидеров (руководителей основной повстанческой группировки «Revolutionary United Front») и миротворцев (в большей степени, это касается миротворческого контингента Группы военных наблюдателей Экономического сообщества западноафриканских государств), принимавших участие в военных действиях на стороне законного правительства без соответствующей на то санкции Совета Безопасности ООН и совершавших преступления против мирного гражданского населения. При этом в отношении последних приоритетной является юрисдикция национальных судов государств, пославших такой миротворческий контингент, тогда как юрисдикция самого Суда распространяется на совершенные преступления в случае, если посылающее государство не в состоянии провести должное расследование уголовных дел.

Юрисдикция Суда распространяется на следующие международные преступления:

1. Преступления против человечности, совершаемые в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население: убийство, истребление, порабощение, депортация, заключение в тюрьму, пытки, изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность и любые другие формы сексуального насилия, преследования по политическим, расовым, этническим или религиозным мотивам и совершение других бесчеловечных деяний.

2. Нарушения статьи 3, общей для Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 года, и Дополнительного протокола II к ним от 8 июня 1977 года, включающие: посягательство на жизнь, здоровье и физическое или психическое благополучие лиц, в частности, убийство, жестокое обращение (пытки, увечья или любые формы телесного наказания), коллективные наказания, взятие заложников, акты терроризма, посягательство на человеческое достоинство (оскорбительное и унижающее обращение), изнасилование, принуждение к проституции и любые формы непристойного нападения, мародерство, осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом законным судом.

3. Другие серьезные нарушения международного гуманитарного права: умышленные нападения на гражданское население как таковое или отдельных лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях, умышленные нападения на персонал, объекты, материалы, подразделения или транспортные средства, задействованные в оказании гуманитарной помощи или в миссии по поддержанию мира в соответствии с Уставом ООН, призыв или вербовка детей, не достигших 15-летнего возраста, в вооруженные силы или группы с целью их использования для активного участия в военных действиях.

4. Преступления по национальному законодательству Сьерра-Леоне. Первая группа – уголовные преступления, квалифицируемые на основании Закона 1926 года «О предотвращении жестокого обращения с детьми» (Глава 31); надругательства над девочками, не достигшими 13-

летнего возраста; надругательства над девочками в возрасте от 13 до 14 лет; похищение девочек с низменными целями. Вторая группа – правонарушения, квалифицируемые в соответствии с Законом об умышленном причинении вреда, 1861 года: поджог жилых домов с любыми находящимися в них лицами; поджог общественных зданий; поджог других зданий.

В отношении указанных преступлений определена личная уголовная ответственность, при этом Суд обладает юрисдикцией над лицами, которые на момент предполагаемого совершения преступления достигли 15-летнего возраста (к примеру, Римский статут Международного уголовного суда устанавливает личную уголовную ответственность лиц, достигших 18-летнего возраста на момент совершения преступления).

Установлена также преимущественная юрисдикция Суда по Сьерре-Леоне по отношению к национальным судам этой страны.

Суд состоит из Судебной и Апелляционной камеры, Обвинителя и Секретариата.

В состав Судебной камеры включаются трое судей, из которых один назначается правительством Сьерра-Леоне, а два оставшихся судей – Генеральным секретарем ООН сроком на три года с правом повторного назначения.

В состав Апелляционной камеры входят 5 судей, из которых трое назначаются Генеральным секретарем ООН, а двое – правительством Сьерра-Леоне сроком на три года с правом повторного назначения.

Обвинитель (прокурор Суда), назначаемый Генеральным секретарем ООН сроком на три года с правом повторного назначения, правомочен проводить уголовное преследование в соответствии с юрисдикцией Суда и действует независимо в качестве отдельного органа Суда.

Секретариат, также как аналогичный орган в Трибуналах по бывшей Югославии и Руанде, выполняет административные функции, связанные с обслуживанием Суда. Секретарь Суда назначается Генеральным секретарем ООН из числа сотрудников Организации после консультаций с Председателем Суда.

Суд по Сьерре-Леоне – это еще один шаг мирового сообщества в лице ООН на пути противодействия международной преступности, преступности, посягающей на международный мир и безопасность, на права и свободы человека, как высшие ценности, подлежащие соответствующей правовой защите.

Еще одной формой коллективного реагирования на недопустимые факты нарушения, прежде всего, прав человека, является создание так называемых «общественных» трибуналов. Одним из таких органов является Общественный трибунал по расследованию военных преступлений, совершенных во Вьетнаме. Инициатором создания данного трибунала является всемирно известный философ Бертран Рассел.

В состав трибунала вошли многие не менее известные личности, поддержавшие задачи, которые поставил перед трибуналом Б. Рассел: Леллио Бассо (международный адвокат, депутат итальянского парламента и член комиссии по иностранным делам, профессор Римского университета), Джеймс Болдуин (американский писатель), Мехмет Али Айбар (международный адвокат, член Турецкого парламента, президент рабочей партии Турции), Гюнтер Андерс (философ, писатель), Вольфганг Абендрот (доктор права Марбургского университета, профессор политических наук), Владимир Дедьер (Председатель и ведущий сессии трибунала) и сам Бертран Рассел (почетный президент Трибунала).

Цели трибунала были сформулированы на Учредительной сессии в Лондоне 15 ноября 1966 года: «мы учреждаем Трибунал, который пусть не имея власти применять какие бы то ни было санкции, должен, среди прочего, дать ответы на следующие вопросы:

1. Совершило ли Американское правительство (а также правительства Австралии, Новой Зеландии и Южной Кореи) акты агрессии в соответствии с международным правом?
2. Применяла ли, испытывала ли американская армия новые вооружения или оружие, запрещенное законами войны?
3. Имели ли место бомбардировки сугубо гражданских объектов, как то госпиталей, школ, санаториев, дамб и т. д. В каких масштабах это происходило?
4. Подвергались ли вьетнамские заключенные негуманному обращению, запрещенному законами войны и, в особенности, подвергались ли они пыткам и увечьям? Имели ли место незаконные репрессии против гражданского населения и, особенно, казни и взятие заложников?
5. Создавались ли принудительные трудовые лагеря, производились ли депортации населения, совершались ли какие-либо иные акты геноцида?».

Хотя решения трибунала не имеют никакой юридической силы и не направлены на привлечение к международной уголовной ответственности конкретных индивидов, тем не менее, сама идея и факт создания такого общественного органа заслуживают должного внимания со стороны сообщества. Устроители трибунала полагали, что публикация всех материалов рассматриваемых дел окажет действенное влияние, прежде всего, на американское общество, так как рядовому американцу чужда приверженность к насилию: «Мы не судьи. Мы – свидетели. Наша задача сделать человечество свидетелем ужасных военных преступлений и объединить человечество на стороне справедливости в войне во Вьетнаме».

По модели Трибунала Рассела в декабре 2000 года в Токио был организован Международный Женский Трибунал (*далее* - Трибунал). Цель создания Трибунала – расследовать преступления, совершенные военными японских частей в отношении женщин, принужденных оказывать сексуальные услуги японским военным в годы Второй мировой войны.

Инициаторами создания такого общественного органа выступили ряд неправительственных организаций, среди которых выделяется известная в Японии женская организация «Violence Against Women in War-Network».

Как известно, Токийский военный трибунал 1946-1948 гг. не вынес ни одного приговора за сексуальное рабство, поэтому Женский трибунал - это первое публичное разбирательство по фактам такого рода военных преступлений, совершенных во время Второй мировой войны.

Решения Трибунала, так же как и решения Трибунала Рассела не имеют юридической силы. Вместе с тем, значение этого Трибунала для международного уголовного права состоит в том, что Трибунал квалифицировал факты сексуального рабства как военные преступления.

В заседаниях Трибунала участвовали опытные юристы, взявшие на себя роль общественных судей, были заслушаны свидетельские показания жертв "сексуального рабства", которое было санкционировано японским правительством. В намерения обвинителей входило установить ответственность более 30 лиц, - высших военных чинов японской армии, включая императора Японии, - за совершение этого преступления. На заседание Трибунала прибыли более 60 женщин из Китая, Восточного Тимора, Индонезии, Нидерландов, Северной Кореи, Филиппин, Южной Кореи и Тайваня, многие из которых дали необходимые свидетельские показания по фактам совершения в отношении них сексуальных преступлений.

Более 600 женщин, в большей степени, из стран Юго-Восточной Азии признались в том, что они являлись жертвами «сексуального рабства», практиковавшегося японскими военными в годы Второй мировой войны.

Хотя жертвы такого насилия, даже после установления всех фактов самим Трибуналом, так и не смогли добиться какой-либо компенсации в судах Японии, тем не менее, на весь мир было заявлено о недопустимости впредь любых актов насилия (включая, и сексуальное) в отношении женщин.

Общественные трибуналы преследуют бескорыстную и гуманную цель, которая полностью совпадает с важным принципом международного уголовного права – преступления не должны оставаться безнаказанными, а сами факты совершения таких преступлений не должны забываться и умалчиваться. Неотвратимость справедливого наказания – вот главный принцип международного правосудия. А деятельность общественных трибуналов еще раз подтверждает важность другого принципа международного уголовного права – неприменимость сроков давности в отношении международных преступлений.

Правительствам государств следует поддерживать идеи и деятельность общественных трибуналов, воспринимать их как «беспристрастные» общественные комиссии по установлению фактов, сотрудничать с ними. В данном случае правительству Японии следовало признать состоятельность процессов, прошедших в Женском трибунале, и принять меры по восстановления справедливости и выплате компенсаций всем жертвам, признанным таковыми трибуналом. Власти ФРГ и руководители крупных промышленных компаний, на которые в годы Второй мировой войны на принудительные работы были сосланы тысячи жителей оккупированных стран, до сих производят выплаты компенсаций родственникам жертв этих трагических событий. Хотя никакие деньги и компенсации не смогут в равной мере сгладить ту боль и те страдания, которые причинили военные преступники миллионам людей на Земле в годы самой ужасной в истории человечества войны.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К ГЛАВЕ 9

1) Каковы основные причины и правовые основания создания Суда по Сьерре-Леоне?

2) Какие преступления подпадают под юрисдикцию Суда по Сьерре-Леоне?

3) В каких случаях Суд по Сьерре-Леоне вправе привлекать к ответственности военнослужащих из состава миротворческих сил?

4) В чем заключается международно-правовое значение Трибунала Рассела?

ГЛАВА 10. ПОСТОЯННЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД: ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

История попыток создания постоянного органа международной уголовной юстиции насчитывает уже несколько десятилетий. При этом следует согласиться с тем, что сама идея учреждения такого органа получает наибольшее распространение и поддержку после окончания второй мировой войны и проведения международного уголовного процесса над главными военными преступниками[1]. Именно Нюрнбергский процесс продемонстрировал возможность и необходимость привлечения к международной уголовной ответственности физических лиц, виновных в совершении наиболее тяжких преступлений против международного права (агрессия, военные преступления и преступления против человечности).

В связи с тем, что невозможно полностью искоренить преступность и, в особенности, международную преступность, международное сообщество должно иметь механизм правосудия в случае серьезных нарушений своих интересов. Само право на суд за преступления против международного права должно принадлежать, на наш взгляд, не какому-либо государству или группе государств, а всему международному сообществу. Это право может и должно реализовываться таким сообществом через посредство специально созданного на постоянной основе Международного уголовного суда[2].

Процесс разработки уставного документа такого суда непосредственно начинается в рамках Организации Объединенных Наций – универсальной международной межправительственной организации, основная деятельность которой всецело направлена на поддержание международного мира и безопасности и с этой целью принятие эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру … (Статья 1 Устава ООН). Именно международная преступность в настоящее время представляет большую угрозу миру и международному правопорядку. Поэтому Объединенные Нации должны иметь в своем распоряжении орган, который реально мог бы противодействовать совершению наиболее тяжких международных преступлений, осуществлять справедливое международное судебное преследование и наказание и, таким образом, реализовывать принцип неотвратимости наказания за совершенное деяние.

В этой связи уже в специальной резолюции 206 (III) от 9 декабря 1948 года Генеральная Ассамблея ООН предложила Комиссии международного права «рассмотреть вопрос о желательности и возможности создания международного юридического органа, на который бы возлагалось обязанность по рассмотрению дел лиц, обвиняемых в совершении преступлений геноцида и других преступлений, которые будут относиться к компетенции этого органа на основании международных конвенций» и указала Комиссии на необходимость при рассмотрении этого вопроса «обратить внимание на возможность создания уголовной камеры Международного суда»[3].

После рассмотрения первых докладов по данному вопросу[4] Комиссия международного права пришла к выводу, что создание такого органа являлось желательным и возможным. Однако она рекомендовала не создавать такой орган в качестве камеры Международного суда, хотя это можно было сделать путем изменения Статута Международного суда, в статье 34 которого указывается, что сторонами по делам, разбираемым Судом, могут быть только государства[5].

Два года спустя Генеральная Ассамблея ООН принимает по данному вопросу резолюцию 489 (V), в соответствии с которой был учрежден Комитет в составе представителей семнадцати государств-членов ООН для разработки конкретных предложений, касающихся создания и статута международного уголовного суда. На специальном заседании в 1951 году Комитет завершает разработку проекта уставного документа будущего суда, главной особенностью которого явилось определение положений о постоянной структуре органа и о том, что его деятельность будет проводиться только на основе представляемых ему дел[6].

По причине неадекватной реакции правительств некоторых государств-членов ООН[7] Генеральная Ассамблея в 1952 году в резолюции 687 (VII) постановила учредить новый комитет с аналогичными функциями, состоящий, как и прежний, из представителей семнадцати государств-

членов, заседания которого состоялись в Центральных учреждениях ООН летом 1953 года. Новый Комитет внес ряд изменений в проект статута 1951 года, а по ряду статей подготовил альтернативные тексты, один из которых предназначался на случай действия суда независимо от ООН, а другой – на случай принятия решения об установлении тесных связей между судом и ООН. Доклад Комитета был представлен на рассмотрение Ассамблеи на сессии 1954 года.

По причине отсутствия точного определения преступления агрессии рассмотрение данного доклада было отложено на определенное время и только после принятия в 1974 году такого определения Комитет вновь продолжил работу над подготовкой статута.

Поворотным моментом в истории создания постоянного Суда стало учреждение Советом безопасности ООН международных уголовных трибуналов ad hoc по бывшей Югославии и Руанде. В этой связи в 1993 году Генеральная Ассамблея ООН предложила продолжить свою работу над составлением проекта Статута Международного уголовного суда с тем, чтобы выработать этот проект уже на 46-й сессии Комиссии международного права 1994 года[8].

Именно на 46-й сессии в 1994 году Комиссия международного права постановила создать Рабочую группу по проекту устава суда, которая, в последующем, рассмотрела предварительный проект устава и подготовила новый проект устава с учетом, в частности, замечаний правительств по упомянутому докладу и мнений, высказанных в ходе прений в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН во время ее 48-й сессии, по докладу Комиссии международного права о работе ее предыдущей 45-й сессии.

Новый проект устава включал в себя 60 статей, которые были поделены на 7 основных частей: часть 1 – об учреждении Суда; часть 2 – о составе Суда и об административном управлении Судом; часть 3 – о юрисдикции Суда; часть 4 – о расследовании и уголовном преследовании; часть 5 – о судебном разбирательстве; часть 6 – об обжаловании и пересмотре; часть 7 – о международном сотрудничестве и судебной помощи; и часть 8 – об исполнении приговоров.

Важным представляется то обстоятельство, что при разработке данного документа Рабочая группа не пыталась ориентироваться на какую-либо конкретную уголовно-правовую систему; вместо этого она попыталась свести воедино наиболее подходящие элементы, позволяющие достичь поставленных целей, с учетом действующих договоров, ранее представленных предложений, качающихся учреждения международного суда или трибуналов, и соответствующих положений национальных систем уголовного правосудия, относящихся к различным традиционным правовым концепциям. Должным образом также были приняты во внимание различные положения, регулирующие работу Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года. Рабочая группа, в целом, решила придать уставу международного уголовного суда форму своего рода приложения к будущей международной конвенции по этому вопросу и соответствующим образом разработала положения этого устава.

Таким образом, Комиссия международного права приняла проект устава вместе со своими комментариями и постановила в соответствии со статьей 23 своего Положения рекомендовать Генеральной Ассамблее созвать международную конференцию полномочных представителей государств для изучения проекта устава и заключения конвенции о создании международного уголовного суда.

Так, важным историческим событием можно считать созыв Дипломатической конференции полномочных представителей под эгидой Организации Объединенных Наций по учреждению Международного уголовного суда. Конференция начала свою работу 15 июня 1998 года в Риме (Италия) в штаб-квартире ФАО и продлилась до 17 июля 1998 г. В работе конференции приняли участие представители 156 стран мира, в числе которых и Республики Казахстан, и около 260 неправительственных организаций. По итогам конференции, в ее заключительный день, и был принят Римский Статут Международного уголовного суда.

Одной из причин, как указано в преамбуле Статута, побудившей мировое сообщество государств создать такой международный орган, является то, что «серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего мирового международного сообщества, не должны оставаться безнаказанными и что их действенное преследование должно быть обеспечено как мерами, принимаемыми на национальном уровне, так и активизацией международного сотрудничества»[9]. Также подчеркивается, что «Международный уголовный суд, связанный с

системой Организации Объединенных Наций, обладает юрисдикцией в отношении самых серьезных преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества» и «учрежденный на основании настоящего Статута, дополняет национальные органы уголовной юстиции».

Подтверждая изложенные положения, Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан еще раз отметил, что такой суд непременно должен стать сильным и независимым институтом, орудием правосудия, способным предоставить защиту слабым против сильных, спасать человеческие жизни, быть прочным заслоном против зла. А в свое приветственном слове к участникам конференции Президент Итальянской Республики О. Л. Скальфаро, обратив внимание на то, что до сих пор существовавшие международные трибуналы – Нюрнбергский, Токийский, Гаагский и Арушский были учреждены в одностороннем порядке и после тех злодеяний, которые совершили главные обвиняемые на процессах в этих судах. Поэтому уголовный закон, по убеждению Скальфаро, должен быть принят до совершения преступления, за которые он предусматривает наказание, и право вершить правосудие, даже если факт преступлений налицо, не может принадлежать одним победителям.

В своем выступлении на этой конференции представитель казахстанской делегации, доктор юридических наук, профессор И. Рогов очень точно подметил то обстоятельство, что Конституция Республики Казахстан закрепила положение об абсолютности и неотчуждаемости прав и свобод человека, которые принадлежат ему от рождения и определяют содержание и применение законов и иных нормативных актов. «Именно исходя из осознания необходимости защиты этих основополагающих институтов Казахстан однозначно поддерживает идею создания международного уголовного суда. При этом должны быть максимально учтены интересы не только общечеловеческого плана, но и обеспечены суверенитет и независимость каждого государства».

В целом, Республика Казахстан однозначно выступает в поддержку создания Международного уголовного суда как независимого от постороннего влияния судебного органа с четко определенными юрисдикцией и механизмом уголовного преследования. Казахстан поддерживает позицию, согласно которой суд должен дополнять, а не подменять национальные судебные системы, и задействование суда возможно только в том случае, когда такие системы либо отсутствуют, либо не в состоянии или не готовы преследовать преступников.

При этом не все государства выступили в поддержку создания такого судебного органа. Одним из ярых противников создания такого органа являются Соединенные Штаты Америки. Так, официальные власти США, констатирую факт создания такого органа, подвергают сомнению следующие положения Статута суда:

1) Учреждение поста «обвинителя», который сам возбуждает уголовные дела, что по мнению США, станет причиной исков в суде и приведет к политизации обвинителя. Это положение вызвало глубокую озабоченность США, поскольку оно может коснуться американских военнослужащих за рубежом, которые могут оказаться во власти политически настроенного обвинителя.

2) Применение положений договора в отношении стран, не ратифицировавших его, в то время как страны – участницы не подпадают под действие его положений в течение семи лет. Как полагает американский представитель на данной конференции, посол по особым поручениям по вопросам военных преступлений при госдепартаменте США Дэвид Шеффер, «де-факто он распространяется на всех независимо от того, сколько государств фактически ратифицировало договор. И из-за этого положения американские войска за рубежом могут стать объектом преследований».

3) Отсутствие «переходного периода» в реализации договора. Соединенные Штаты хотели бы видеть договор, который предоставил бы государствам-участникам шанс увидеть, как суд работал на практике, и это позволило бы им уклоняться от привлечения за военные преступления и преступления против человечества в течение десяти лет.

В целом, после завершения конференции и принятии Статута Международного уголовного суда, выступая на специальном заседании подкомитета сенатского комитета по международным отношениям, посол Шеффер однозначно дал понять, что Статут в его теперешнем виде абсолютно неприемлем для Соединенных Штатов. Ряд сенаторов Конгресса США охарактеризовали Статут как «непродуманный», «изобилующий ошибками» и «реально угрожающий для американских

граждан и военных»[10].

Тем не менее, 120 стран-участниц римской конференции, в том числе и Казахстан, проголосовали за создание постоянного Международного уголовного суда. Семь стран, включая Соединенные Штаты Америки, оказавшиеся в меньшинстве, проголосовали против создания такого суда.

Позиция Соединенных Штатов и некоторых других стран, выступивших против создания такого суда, представляется однобокой и крайне близорукой, учитывающей только собственные интересы, а не интересы всего международного сообщества. Не скрытая обеспокоенность по поводу возможности привлечения к ответственности международным уголовным судом, в случае его создания, американских военнослужащих в иностранных государствах, только подтверждает возможность совершения последними военных преступлений, международная уголовная ответственность за которые и предусматривается таким Статутом суда.

Переходя к рассмотрению основных положений Статута необходимо отметить, что Статут включает 128 статей и состоит из следующих разделов: Часть 1 “Учреждение Суда”; Часть 2 “Юрисдикция, приемлемость и применимое право”; Часть 3 “Общие принципы уголовного права”; Часть 4 “Состав и управление делами Суда”; Часть 5 “Расследование и уголовное преследование”; Часть 6 “Судебное разбирательство”; Часть 7 “Меры наказания”; Часть 8 “Обжалование и пересмотр”; Часть 9 “Международное сотрудничество и судебная помощь”; Часть 10 “Исполнение”; Часть 11 “Ассамблея государств-участников”; Часть 12 “Финансирование”; Часть 13 “Заключительные положения”.

В соответствии с Частью 1 “Учреждение Суда”, статьей 4, Суд обладает международной правосубъектностью. Он также обладает такой правоспособностью, какая может оказаться необходимой для осуществления его функций и достижения его целей. Также отмечено, что суд уполномочен осуществлять функции и полномочия, предусмотренные Уставом, на территории любого государства-участника и, по специальному соглашению, на территории любого государства.

Часть 2 определяет юрисдикцию Суда и вопросы приемлемости и применимого права. Так, юрисдикция Суда ограничивается самыми серьезными преступлениями, которые непосредственно вызывают озабоченность всего международного сообщества. К таким преступлениями Статутом отнесены преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии. Причем выделено следующее положение: “Суд осуществляет юрисдикцию в отношении преступления агрессии, как только будет принято в соответствии со статьями 121”Поправки” и 123 “Пересмотр Статута” положение, содержащее определение этого преступления и излагающее условия, в которых Суд осуществляет юрисдикцию касательно этого преступления. Такое положение сообразуется с соответствующими положениями Устава Организации Объединенных Наций”[11] (ст. 5).

Вопрос о включении в перечень преступлений геноцида практически с самого начала обсуждения Статута Суда, ни у кого не вызывал споров. В статье 6 Статута использовано определение геноцида, содержащееся в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года, в уставах югославского и руандийского трибуналов, а также в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества[12].

При рассмотрении Комиссией международного права проекта Статута в части, касающейся преступлений против человечности, было определено, что для определения и включения таких преступлений в Статут необходимо исходить от формулировки преступлений против человечности, изложенной в ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала, которая, в свою очередь, получила развитие в ст. 5 Устава Трибунала для бывшей Югославии.

В целом, Международный уголовный суд обладает юрисдикцией в отношении указанных преступлений только в случае их совершения после даты вступления силу его Статута. Государство, которое становится участником настоящего Статута, признает тем самым юрисдикцию Суда в отношении указанных преступлений. (ст. 11, 12). В любом случае, Суд может осуществлять свою юрисдикцию в отношении какого-либо из указанных преступлений, в случаях если:

1) ситуация, при которой как представляется, были совершены одно или несколько таких преступлений, передается Прокурору государством-участником Статута. В свою очередь,

государство-участник может передать Прокурору такую ситуацию с просьбой провести расследование этой ситуации для определения того, следует ли предъявить обвинение одному или нескольким конкретным лицам за совершение таких преступлений. По возможности, при передаче такой ситуации должны указываться конкретные соответствующие обстоятельства и прилагаться вся необходимая подтверждающая документация;

2) ситуация, при которой, как предполагается, были совершены одно или несколько таких преступлений, передается Прокурору Советом Безопасности, действующим на основании Главы VII Устава ООН; или

3) Прокурор начал расследование в отношении такого преступления на основе информации о предполагаемых преступлениях в рамках юрисдикции Суда. Прокурор должен оценить серьезность полученной информации, для чего им непосредственно запрашивается дополнительная информация у государств, органов ООН, межправительственных и неправительственных организаций или из других источников. Если Прокурор делает вывод о наличии достаточных оснований для возбуждения расследования, он или она обращается в Палату предварительного производства с просьбой дать санкцию на проведение расследования. Только после получения такой санкции Прокурор правомочен возбуждать расследование по имеющейся информации (ст. 13, 14, 15).

В процессе своей деятельности Суд применяет, во-первых, Статут, Элементы преступлений и свои Правила процедуры и доказывания; во-вторых, в соответствующих случаях, применимые международные договоры, принципы и нормы международного права, включая общепризнанные принципы международного права вооруженных конфликтов; в-третьих, если это невозможно, Суд применяет общие принципы права, взятые им из национальных законов правовых систем мира, включая, соответственно, национальные законы государств, которые при обычных обстоятельствах осуществляли бы юрисдикцию в отношении данного преступления, при условии, что эти принципы не являются несовместимыми с настоящим Статутом и с международным правом и международно-признанными нормами и стандартами (ст.21).

В Части 3 Статута Суда рассмотрены общие принципы уголовного права и, в частности, указаны такие важнейшие принципы, как: “Nullum crimen sine lege”[13] и “Nulla poena sine lege”[14] (ст. 22, 23); принцип отсутствия обратной силы “ratione personae”[15]; принцип неприменимости сроков давности[16]; принцип индивидуальной уголовной ответственности[17]. Статут подтвердил: несостоятельность и недопустимость ссылки на должностное положение (ст. 27); недопустимость привлечения к международной уголовной ответственности лиц, не достигших 18-летнего возраста (ст. 26); обязательную ответственность командиров и других начальников (ст. 28).

Необходимо также указать на удачное определение состава и вопросов управления делами Суда. Так, в соответствии с Частью 4 Статута, Суд состоит из Президиума; Апелляционного отделения, Судебного отделения и Отделения предварительного производства; Канцелярии Прокурора и Секретариата[18]. Определены следующие вопросы: выполнение судьями своих функций; требования, предъявляемые к судьям, выдвижение и выборы судей; вакансии судей; освобождение или отвод судей; привилегии и иммунитеты[19]. В частности определено, что суд пользуется на территории каждого государства-участника такими привилегиями, какие являются необходимыми для достижения его целей. Судьи, Прокурор, заместители Прокурора и Секретарь пользуются, когда они участвуют в деятельности суда или в отношении такой деятельности, теми же привилегиями и иммунитетами, которые предоставляются главам дипломатических представительств; судебно-процессуальный иммунитет любого рода в отношении всего сказанного, написанного ими и действий, совершенных ими в официальном качестве, продолжает предоставляться им и после истечения срока их полномочий (ст. 48).

Часть 5 Статута содержит основные положения, относящиеся к процедуре расследования и уголовного преследования. В частности, определена процедура возбуждения расследования Прокурором и основные его обязанности и полномочия при расследовании; права лиц в ходе расследования; основные функции и полномочия, а также роль Палаты предварительного производства в отношении уникальной возможности для расследования.

В статье 58 непосредственно регулируются вопросы выдачи Палатой предварительного

производства ордера на арест или приказа о явке в Суд. Так, в любое время после начала расследования Палата предварительного производства выдает, по заявлению Прокурора, ордер на арест того или иного лица, если рассмотрев это заявление и доказательства или другую информацию, представленные Прокурором, она удостоверилась в том, что имеются разумные основания полагать, что это лицо совершило преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда и арест данного лица представляется необходимым.

Государство-участник, которое получило просьбу о предварительном аресте или об аресте и передаче какого-либо лица, должно незамедлительно предпринять шаги для ареста соответствующего лица в соответствии со своим законодательством. Лицо, подвергнутое аресту, незамедлительно доставляется в компетентный судебный орган в государстве места содержания под стражей, который в соответствии с законодательством этого государства определяет, что: ордер на арест выдан в отношении данного лица; это лицо арестовано с соблюдением надлежащей процедуры; были соблюдены и права этого лица.

Особенно подробно следует рассмотреть Часть 6 Статута, посвященную самой процедуре судебного разбирательства. Установлено, что судебное разбирательство может проходить в любом государстве, определяемом соответствующим решением Суда, либо по месту пребывания Суда и при обязательном присутствии самого обвиняемого (обвиняемых).

Одно из главных требований к Суду сводится к неукоснительному обеспечению Судебной палатой справедливого и быстрого разбирательства дела:

1) ***При полном соблюдении прав обвиняемого***. Обвиняемый, в свою очередь, имеет право: на справедливое и публичное слушание своего дела, проводимого беспристрастным образом; быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает в полной мере и на котором говорит, о характера, основании и содержании предъявленного ему обвинения; иметь достаточное время и возможность для подготовки своей защиты через посредство назначенным адвокатом, либо защищать себя лично; быть судимым без неоправданной задержки; допрашивать показывающих против него участников процесса; бесплатно пользоваться помощью квалифицированного переводчика; не быть принуждаемым к даче показаний; быть свободным от бремени доказывания (ст. 67).

2) ***С должным учетом необходимости защиты потерпевших и свидетелей***. Так, в соответствии со статьей 68 Статута Суд принимает надлежащие меры для защиты безопасности, физического и психического благополучия, достоинства и неприкосновенности личной жизни потерпевших и свидетелей. Государство имеет право обратиться с просьбой в Суд о принятии необходимых мер, обеспечивающих защиту его служащих или представителей, а также мер по защите конфиденциальной и чувствительной информации.

Отметим также, что Суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений против отправления им правосудия, совершенных преднамеренно:

1) дача ложных показаний после принятия обязательства давать правдивые показания;

2) представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств;

3) противоправное оказание воздействия на свидетеля, создание помех или препятствий присутствию свидетеля или даче им показаний, воздействие на свидетеля в качестве возмездия за дачу им показаний или уничтожение доказательств, их фальсификация или препятствие их сбору;

4) создание препятствий, запугивание или противоправное воздействие на должностное лицо Суда с целью принудить или убедить должностное лицо не выполнять или выполнять ненадлежащим образом его обязанности;

5) оказание воздействия на должностное лицо Суда в качестве возмездия за то, что это или иное должностное лицо выполняло свои обязанности;

6) вымогательство или получение взятки в качестве должностного лица Суда в связи со своими официальными обязанностями[20] (ст. 70).

Часть 7 рассматриваемого документа содержит положения о применимых мерах наказания, определения меры наказания и предусматривает учреждение так называемого “Целевого фонда”. Последний учреждается на основании решения Ассамблеи государств-участников в интересах потерпевших от преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, и семей таких потерпевших (ст. 79).

В соответствии со статьей 77 Статута Суд может назначить одну из следующих мер наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления, предусмотренного в статье 5 Статута

Суда:

a) лишение свободы на определенный срок, исчисляемый в количестве лет, который не превышает максимального количества в 30 лет, или

b) пожизненное лишение свободы в тех случаях, когда это оправдано исключительно тяжким характером преступления и индивидуальными обстоятельствами лица, признанного виновным в его совершении.

Помимо лишения свободы, Суд может назначить штраф и конфискацию доходов, имущества и активов, полученных прямо или косвенно в результате преступления, без ущерба прав bona fide третьих сторон.

В целом, при определении той или иной указанной меры наказания Суд принимает во внимание, прежде всего, такие факторы, как тяжесть преступления и личность осужденного. А при назначении наказания в виде лишения свободы Суд засчитывает срок предварительного содержания под стражей по постановлению Суда при наличии такого срока. Суд также может засчитать любой срок, иным образом отбытый под стражей в связи с деянием, лежащим в основе преступления (ст. 78).

Как и в национальном уголовном процессе, международный уголовный процесс также предусматривает в качестве обязательной процедуру обжалования решения об оправдании, решения о признании виновным и приговора. Для этих целей Апелляционная палата обладает всеми полномочиями Судебной палаты[21]. При этом, если Апелляционная палата приходит к заключению, что обжалуемое судебное разбирательство было несправедливым таким образом, что это ставит под сомнение доверие к решению или приговору, или что при вынесении обжалуемого решения или приговора были допущены существенные ошибки в факте или праве или имело место процессуальное нарушение, она вправе: a) отменить или изменить такое решение или приговор; или b) распорядиться о проведении нового судебного разбирательства другой судебной палатой (ст. 83).

Государства-участники Статута обязуются всесторонне сотрудничать с Судом в проведении им расследования преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, и осуществлении уголовного преследования за эти преступления. Это положение имеет очень важное значение, так как не исключено, что некоторые государства могут препятствовать процессу судебного разбирательства и всему судебному производству, уклоняясь от сотрудничества, к примеру, по таким вопросам, как: оказание правовой помощи суду; содействие в розыске, задержании виновного лица и передачи его Суду и т. п. Поэтому в Статуте закреплено обязательство для всех государств-участников сотрудничать с Судом, а за самим Судом закреплено право обращаться к таким государствам с просьбами о сотрудничестве.

Необходимо дать некоторые пояснения к пункту 1-а статьи 87 Статута. В этом пункте, в частности, указывается, что когда это целесообразно и без ущерба процедуре направления просьб о сотрудничестве, осуществляемым по дипломатическим каналам, такие просьбы могут направляться и через Международную организацию уголовной полиции (Интерпол). Помимо этого, Статут предусматривает сотрудничество Суда и с международными организациями, в том числе и с Интерполом, так как эта организация может оказать большое содействие и помощь Суду в вопросах розыска, задержания и передачи для привлечения к ответственности обвиняемых. Для того, чтобы это положение было практически применимо уже после начала функционирования Суда необходимо расширить компетенцию Интерпола, которая, согласно Уставу 1956 года, ограничивается пока только общеуголовными преступлениями. Таким образом, необходимо чтобы в компетенцию организации входило рассмотрение также преступлений против международного права либо, по крайней мере, тех из них, что предусмотрены Статутом Международного уголовного суда.

Очень удачно определены в Статуте Суда вопросы исполнения наказания. Главная роль в исполнении наказания в виде лишения свободы отводится государству. В частности, наказание в виде лишения свободы отбывается в государстве, определяемом Судом из перечня государств, уведомивших Суд о своей готовности принять лиц, которым вынесен приговор (ст. 103). Вместе с тем, суд может в любое время принять решение о переводе лица, которому вынесен приговор, в тюрьму другого государства, любо лицо, которому вынесен приговор, может в любое время обратиться в Суд с ходатайством о его переводе из государства исполнения приговора.

Исполнение наказания в виде лишения свободы осуществляется под надзором Суда и должно

соответствовать широко признанным международным договорным стандартам обращения с заключенными (ст. 104, 106). Важно также отметить и то обстоятельство, что государство исполнения приговора не вправе освобождать лицо до истечения срока наказания по приговору, вынесенному Судом. Только Суд имеет право принимать решение о каком-либо уменьшении срока наказания и выносит постановление по этому вопросу, заслушав лицо (ст. 110).

В связи с тем, что во многих странах, включая и Республику Казахстан, условия содержания заключенных оставляют желать лучшего и не соответствуют международным стандартам и минимальным правилам, принятым в этой области, в Статуте определяется, что, в принципе, условия лишения свободы регулируются внутренним право государств, но, тем не менее, они должны соответствовать широко признанным международным договорным стандартам обращения с заключенными (ст. 106, п. 2).

В вышеизложенных положениях неоднократно упоминалась Ассамблея государств-участников, которая состоит из представителей государств-участников, причем каждое государство имеет в Ассамблее только одного представителя. Ассамблея полномочна рассматривать и, в соответствующих случаях, принимать рекомендации Подготовительной Комиссии, представлять Президиуму, Прокурору и секретарю административный обзор по вопросам управления делами Суда, рассматривать и принимать бюджет Суда, а также выполнять все другие функции, предусмотренные Частью 11 Статута Суда. Официальными и рабочими языками Ассамблеи являются языки Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ст. 112, п. 10).

Все расходы Суда и Ассамблеи государств-участников, включая заседания ее Бюро и вспомогательных органов, покрываются за счет средств Суда. В свою очередь, все средства Суда и Ассамблеи государств-участников образуются за счет начисленных взносов, производимых государствами-участниками. Суд может также получать и использовать в качестве дополнительных средств добровольные взносы правительств, международных организаций, отдельных лиц, корпораций и других образований согласно соответствующим критериям, принятым Ассамблеей государств-участников (ст. 113, 114, 115, 116).

В последней части Статута “Заключительные положения” в статье 120 определено, что к Статуту суда не могут делаться никакие оговорки. Предусматривается лишь внесение поправок в Статут по истечении семи лет с момента вступления его в силу. Текст любой предлагаемой поправки должен быть представлен Генеральному секретарю ООН, который, в свою очередь, немедленно распространяет его среди всех государств-участников Статута. (ст. 121). В целом, по истечении семи лет после вступления в силу Статуту Суда Генеральный секретарь ООН созывает Обзорную конференцию по рассмотрению любых поправок к Статуту. Такое рассмотрение может включать в себя - но не ограничиваться им, - перечень преступлений, содержащийся в статье 5 (ст. 123).

Как определено в статье 125 Статута “настоящий Статут будет открыт для подписания всеми государствами в Риме в штаб-квартире Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН 17 июля 1998 года. Затем он будет открыт для подписания в Министерстве иностранных дел Италии в Риме до 17 октября 1998 года. После этой даты Статут будет открыт для подписания в Центральных учреждениях ООН в Нью-Йорке до 31 декабря 2000 года. Статут Суда подлежит ратификации, принятию или утверждению государствами, подписавшими Статут. Ратификационные грамоты или документы о принятии или утверждении должны быть сданы на хранение Генеральному секретарю ООН”. Статут Международного уголовного суда открыт для присоединения всех государств. Документы о присоединении сдаются на хранение Генеральному секретарю ООН.

Статут Суда вступает в силу в первый день месяца, следующего после 60- го дня после сдачи на хранение Генеральному секретарю ООН 60-й ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении. Для каждого государства, ратифицирующего, принимающего, утверждающего или присоединяющегося к Статуту после сдачи на хранение 60-й ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении, Статут вступает в силу в первый день месяца, следующего после 60-го дня после сдачи таким государством своей ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении.

1 июля 2002 года считается официальной датой вступления Статута суда в силу. ООН уже произведено избрание 18 судей Международного уголовного суда.

Официальная инаугурация судей Суда прошла 11 марта 2003 года в Гааге. Прокурор суда был

избран 21 апреля 2003 года.

Римский статут уже подписали 139 стран и ратифицировали 88. Как ожидается, вскоре уставной документ намерен ратифицировать и Афганистан.

По прежнему жесткую позицию по отношению к суду занимают США, которые подписали Статут суда 31 декабря 2000 года, но позже официальный Вашингтон отозвал свою подпись, тем самым окончательно утвердив свое недоверие этому юрисдикционному органу. С мая 2002 года администрация Дж. Буша проводит активную кампанию по привлечению на свою сторону как ратифицировавшие устав суда государства, так и не ратифицировавшие государства. Суть такой политики сводится к заключению с США двусторонних соглашений, которые предусматривали бы полный иммунитет граждан договаривающихся сторон от юрисдикции суда.

В ожидаемой последовательности и при значительной поддержке Администрации Президента США, в одном из комитетов Конгресса был одобрен документ «**Hague Invasion Clause**» (внесен конгрессменом-республиканцем Томом Делэй), призывающий Президента Соединенных Штатов использовать силу в случае угрозы американским гражданам со стороны Международного уголовного суда, а также не помогать оружием тем государствам, которые уже признали юрисдикцию этого органа. Затем Конгресс США принял документ под названием «**American Servicemembers Protection**» (подписан Президентом США 3 августа 2002 года), который предоставляет возможность силового воспрепятствования аресту граждан США и их содержанию в предварительном заключении по санкции Международного уголовного суда.

Подготовлен соответствующий проект двустороннего соглашения между Казахстаном и США [22], что необходимо расценивать, как нежелательный шаг, который не позволит Республике стоять в одном ряду с передовыми странами, осознающими важность и ценность Международного уголовного суда в деле борьбы с особо опасными проявлениями международной преступности.

Такие договоры не позволят суду достичь главной цели – осуществлять справедливое судебное расследование и привлекать к международной уголовной ответственности всех тех, кто совершает международные преступления против мира и безопасности человечества. Принципы неотвратимости наказания и неприменимости сроков давности в отношении таких преступлений должны, по праву, стать императивными принципами международного уголовного права.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К ГЛАВЕ 10

1) На какие преступления распространяется юрисдикция Международного уголовного суда?

2) Каковы структура и общие принципы уголовного права, закрепленные в Статуте Международного уголовного суда?

3) Охарактеризуйте процедуру расследования и уголовного преследования.

4) Каким образом осуществляется судебное разбирательство в соответствии с Частью 6 Статута Международного Уголовного суда?

5) Охарактеризуйте меры наказания, применимые Международным уголовным судом в соответствии с Частью 7 Статута.

6) В чем видится необходимость признания Республикой Казахстан юрисдикции Международного уголовного суда?

7) Каковы перспективы развития постоянного Международного уголовного суда?

8) Каковы основные причины непризнания статуса суда Соединенными Штатами и некоторыми другими странами, выступившими против юрисдикции этого судебного органа?

---

[1] Jules Deschenes. Toward International Criminal Justice. Criminal Law Forum. Vol. 5, 1994. № 2-3. P. 272.

[2] Satu Suikkari. Debate in the United Nations on the International Law Commission. Draft Statute for an International Criminal Court./Nordic Journal of International Law. - 1995. - Vol. 64, № 2. P. 205.

[3] Работа Комиссии международного права ООН. Пятое издание. Нью-Йорк, 1997. С. 33-34.

[4] На первой сессии Комиссии специальными докладчиками по этому вопросу были назначены Рикардо Х. Альфаро и А. Е. Ф. Сандстрем, которым было поручено представить на рассмотрение Комиссии один или несколько рабочих документов по указанному вопросу.

[5] Yearbook of the International Law Commission, 1950, vol. II, document a/1316, paras. 128-145.

[6] Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН. 7-я сессия. Дополнение № 11 (A/2136).

[7] Доклад Комитета и проект статута суда были направлены правительствам государств-членов ООН для представления замечаний и лишь несколько правительств прислали свои замечания по проекту.

[8] United Nations Documents. General Assembly. Res. 48/31 (1993).

[9] См.: Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. с исправлениями, распространенными Депозитарием 25 сентября 1998 г. и 18 мая 1999 г. //Подготовительная комиссия для Международного уголовного суда. ООН, Нью-Йорк. PCNICC/ 1999/ INF/ 3. - 17 August 1999.

[10] Дэвид Питтс (USIA). США голосовали против учреждения Международного уголовного суда. «Деловая неделя». № 31. 14 августа 1998 г.

[11] В настоящее время в Подготовительную комиссию для Международного уголовного суда до сих пор поступают от государств, подписавших Римский Статут, предложения по преступлению агрессии. К 6 августа 1999 г. такие предложения уже поступили от Германии, Египта, Италии, Армении, Алжира, Бахрейна, Ирака, Исламской Республики Иран, Йемена, Катара, Кувейта, Ливана, Ливийской Арабской Джамахирии, Объединенных Арабских Эмиратов, Омана, Саудовской Аравии, Сирийской Арабской Республики, Судана, Российской Федерации.

[12] См.: Международное уголовное право в документах. Том 1. Сост. М. Б. Кудайбергенов. Алматы, 1999. С. 86, 100, 117, 131.

[13] Лицо не подлежит уголовной ответственности в соответствии со Статутом, если только соответствующее деяние в момент его совершения не образует преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда.

[14] Лицо, признанное Судом виновным, может быть наказано только в соответствии с положениями его Статута.

[15] Лицо не подлежит уголовной ответственности в соответствии со Статутом Суда за деяние до вступления Статута в силу.

[16] В отношении преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, не устанавливается никакого срока давности. Впервые норма о неприменимости срока давности к некоторым категориям преступлений против международного права устанавливается Конвенцией о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, 1968 г.

[17] В соответствии со Статутом Международный уголовный суд обладает юрисдикцией в отношении физических лиц (ст. 25).

[18] Для сравнения отметим, что в состав Международных уголовных трибуналов “ad hoc” для бывшей Югославии и Руанды входят: две Судебные камеры и Апелляционная камера; Обвинитель; и Секретариат.

[19] См.: Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. Часть 4., ст. 36 -48.

[20] В случае вынесения Судом решения о признании какого-либо лица виновным совершении указанных преступлений Суд может назначать наказание в виде лишения свободы на срок не более пяти лет или штрафа в соответствии с Правилами процедуры и доказывания, или того и другого одновременно (ст. 70).

[21] Статут закрепил следующие положения: “Пересмотр обвинительного приговора или наказания по приговору” (ст. 84); “Компенсация арестованному или лицу, признанному виновным” (ст. 85).

[22] Проект Соглашения одобрен Указом Президента Республики Казахстан от 13.09.03 г. N 1188.

ГЛАВА 11. ПРИЗНАНИЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПРОГРЕССИВНОЕ РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Институт международной уголовной ответственности физических лиц является одним из основных в международном уголовном праве. В этой связи более широкое признание и прогрессивное развитие именно международного уголовного права представляется наиболее важной задачей, к выполнению которой должны стремиться все государства.

Прежде следует указать на необходимость признания института международной уголовной ответственности физических лиц в качестве отдельного института именно международного уголовного права, а не общего международного права, отличного от института международно-правовой ответственности государств, который, в свою очередь, является институтом общего международного права. Международное уголовное право не содержит принципов и норм, налагающих уголовную ответственность на государства-правонарушителей[1]. Как было определено ранее, государства могут являться субъектом только международно-правовой (материальной и политической) ответственности, а не уголовной. Поэтому нормы международного уголовного права направлены на признание международной уголовной правосубъектности только виновных физических лиц и, в этой связи, на привлечение таких лиц к международной уголовной ответственности.

Поэтому, в принципе, правильно утверждение Ю. М. Рыбакова о том, что «общепризнанный в настоящее время в международном праве принцип международной уголовной ответственности индивидов за преступления против мира и человечества является важным и необходимым дополнением института международной ответственности государств за агрессию как тяжкое международное преступление»[2]. При этом, являясь дополнением к институту международно-правовой ответственности (так как нормы, касающиеся ответственности государств и физических лиц за агрессию рассматриваются в неразрывной связи) нормы и принципы международной уголовной ответственности физических лиц образуют отдельный институт в рамках международного уголовного права.

Таким образом, что же представляет из себя данная отрасль общего международного права и в чем видятся основания для утверждений о необходимости признания международного уголовного права в качестве новой полноценной отрасли. Следует привести следующие наиболее признанные определения международного уголовного права:

1. Международное уголовное право есть совокупность норм, создаваемых в процессе согласования воль государств. Его можно определить как отрасль, включающую принципы и нормы, созданные с целью охраны международного правопорядка от преступных посягательств со стороны субъектов международного права путем установления уголовной ответственности виновных физических лиц и ответственности государства за совершение международных преступлений и преступлений международного характера[3].

2. Международное уголовное право представляет собой совершенно новую самостоятельную отрасль права, не входящую ни в международное публичное, ни во внутригосударственное право [4].

3. Международное уголовное право – это ветвь международного публичного права, которое определяет нарушения, устанавливает наказания и фиксирует условия международной уголовной ответственности государств или отдельных лиц[5].

4. Международное уголовное право является комплексной отраслью, включающей материальные и процессуальные нормы. Эти нормы относятся либо к международному публичному праву, либо к международному частному праву (уголовному) и, наконец, к национальному уголовному праву[6].

Действительно, учитывая специфику норм рассматриваемой отрасли и рассматриваемые в ее рамках вопросы, можно сказать, что международное уголовное право – самостоятельная отрасль. Но самостоятельность международного уголовного права заключается только именно в ее специфике. Тогда как ошибочно предположение о том, что международное уголовное право не является отраслью общего международного права.

Нормы международного уголовного права, так же как и нормы международного права,

создаются в процессе сотрудничества, в первую очередь, государств, как основных субъектов международного права. Создаются они посредством добровольного волеизъявления участников международного общения. Необходимость кооперации усилий и создания действенных международно-правовых норм обуславливается наличием общей острой проблемы. В данном смысле именно невозможность самостоятельного противодействия росту международной преступности и необходимость совместного согласованного противодействия ее распространению – вот суть самые важные причины, побуждающие государства и межгосударственные органы принимать правовые нормы и механизмы и только посредством доброй воли.

Основополагающие принципы общего международного права также признаются в качестве таковых и в международном уголовном праве. Но в последнем, помимо общих принципов, содержатся и специфические. При этом ошибочно мнение некоторых юристов-международников о том, что создание специального международного уголовного суда и его деятельность прямо противоречат важным международно-правовым принципам суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела.

Данное мнение ошибочно по той простой причине, что такой орган никак не может признаваться и функционировать как «надгосударственный», так как сама идея о необходимости в таком органе будет признаваться противоречащей самой сути и сущности международного права. Международный уголовный суд – это межгосударственный юрисдикционный орган, но, с учетом своей компетенции, правомочный распространять свою юрисдикцию на уголовные дела, в принципе, рассматриваемые национальными судами государств.

В учет надо брать прежде всего саму идею о необходимости проведения совместных мер по предупреждению, пресечению и наказанию наиболее тяжких международных преступлений. А сам суд должен создаваться не насильственным или навязчивым образом, а путем добровольного волеизъявления цивилизованных государств.

Помимо этого следует полностью признать тот факт, что международное уголовное право не будет столь актуальным и действенным до тех пор, пока не будет создан именно такой судебный орган. Именно международный уголовный суд должен стать главным элементов международной уголовной юстиции. А на последнюю, как известно, возложены все надежды человечества в связи с необходимостью постоянного поддержания стабильного международного правопорядка.

Таким образом, вопросы поддержания мира и безопасности, должного международного правопорядка тесным образом связаны с вопросами о необходимости, в этой связи, дальнейшего прогрессивного развития международных отношений и сотрудничества государств в области борьбы с международной преступностью. В свою очередь, в процессе такого сотрудничества естественно рождаются нормы и правила, которые и составляют основу и оправдывают цель такого сотрудничества. Именно нормы, направленные на борьбу государств с международной преступностью и, в частности, с преступлениями против международного права, составляют основу и содержание специфической отрасли общего международного права – международного уголовного права.

То есть, международное уголовное право представляет собой отдельную отрасль международного права и содержит в себе совокупность международно-правовых принципов и норм (материальных и процессуальных), возникающих и применяемых в процессе международного сотрудничества в области борьбы с преступлениями против международного права.

Нормы и принципы этой отрасли непосредственно регулируют отношения между государствами и межгосударственными объединениями в сфере сотрудничества в борьбе именно с международной преступностью, в составе которой наиболее тяжкими представляются именно преступления против международного права. Именно те обстоятельства, что нормы международного уголовного права возникают в процессе международного сотрудничества, основанного и проводимого в строгом соответствии с общепризнанными международно-правовыми принципами и направлены на борьбу именно с преступлениями, посягающими на такие принципы и нарушающими международный правопорядок, дают нам полное основание утверждать о том, что международное уголовное право является неотъемлемой частью общего международного права, его специфической отраслью.

С учетом той роли, которую призвано играть международное уголовное право, а она, бесспорно, очень важна для всего человечества, - можно говорить о необходимости окончательного признания данной международно-правовой отрасли и создания благоприятных

условий для ее развития и практического применения.

Для суверенного Казахстана, так же как и для любого другого государства, вопросы обеспечения собственной безопасности и интеграции в международную систему по сотрудничеству в области борьбы с преступностью представляются одними из наиболее насущных и актуальных. Одним из важных способов обеспечения выполнения международных обязательств в сфере борьбы с преступностью, достижения более полной интеграции в международную систему по сотрудничеству в рассматриваемой области можно считать окончательное признание международного уголовного права и создание в Казахстане всех условий для ее благоприятного развития. В частности, важным представляется введение специального учебного курса по международному уголовному праву на всех международно-правовых и юридических факультетах страны.

Знать основы международного права и международного уголовного права должны все практикующие юристы, особенно те, кто работает в правоохранительных, судебных органах, занимается адвокатской деятельностью.

В целом, важность и необходимость международного уголовного права, актуальность вопросов окончательного признания и распространения знаний об этой отрасли права не вызывают каких-либо сомнений.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К ГЛАВЕ 11

1) Каково определение международного уголовного права?

2) В чем заключаются отличительные особенности международного уголовного права?

3) В чем видится необходимость окончательного признания и дальнейшего прогрессивного развития международного уголовного права?

---

[1] Ранее уже отмечалось о несостоятельности концепции международной уголовной ответственности государств. В частности, такой сторонник данной концепции, как Г. Шварценбергер ошибочно не подразделяет международное уголовное право на нормы, касающиеся индивидуальной международной ответственности физических лиц за международные преступления, и на нормы о международно-правовой ответственности государств за эти преступления.

[2] Рыбаков Ю. М. Вооруженная агрессия – тягчайшее международное преступление. М., 1980. С. 182.

[3] Международное уголовное право. Учебное пособие. Под ред. В. Н. Кудрявцева. С. 12, 15-16.

[4] См.: Карпец И. И. Преступления международного характера. М., 1979. С. 27.

[5] Pella V. Op. cit.. p. 83.

[6] Решетов Ю. А. *Указ. соч.* С. 209.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Александров Г.Н.** Нюрнберг вчера и сегодня. М., 1971.
2. **Алексеев Н.С.** Ответственность нацистских преступников. М., 1968.
3. **Алексеев Н.С.** Злодеяния и возмездие. М., 1986.
4. **Алексеев Н. С.** Приговоры по делам о преступлениях против человечества: (Нюрнбергский и Токийский процессы)//Смертная казнь: за и против. – М., 1989. – С. 444-458.
5. **Alazzawi V.** Criminal Responsibility of Individuals under International Law. University of Tennessee, 1967.
6. **Аваков М. М., Шестаков С. Б.** Организация Объединенных Наций и сотрудничество государств в международной борьбе с терроризмом//Вопросы международного права в деятельности ООН. М., 1985. С.40-53.
7. **Александрович Т.** Выдача преступников и ее значение в борьбе с международным терроризмом: Автореферат дис. канд. юр. наук/МГИМО. – М., 1986.
8. **Атливанников Ю. Л., Энтин М. Л.** Преступления против мира и человечества: проблема кодификации и институциализации международной юстиции//Международные суды и международное право: Сб. обзоров. – М., 1986. – С. 37-85.
9. Библиография работ о Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками/Сост. Д. И. Васильев; ИГПАН. – М., 1986.
10. **Барсегов Ю. Г.** Актуальные вопросы разработки проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества//Советский ежегодник международного права. М., 1989.
11. **Барсегов Ю. Г.** Геноцид армян – преступление против человечества: О правомерности термина и юридическая квалификация. Ереван, 1990.
12. **Блищенко И.П., Фисенко И.В.** Международный уголовный суд. М., 1998.
13. **Блищенко И.П., Жданов Н.В.** Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера. М., 1984.
14. **Бородин С. В., Ляхов Е. Г.** Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. М.: Международные отношения, 1983.
15. **Блатова Н. Т.** Основные направления и формы борьбы с преступностью в международном праве//Актуальные вопросы теории современного международного права. М., 1985. С. 3-18.
16. **Баженов Н.** Принципы Нюрнберга//Соц. Законность. – 1985. - № 12. – С. 6-10.
17. **Богатырев А. Г.** Международное сотрудничество государств по борьбе с преступностью: Учебное пособие/Моск. высш. шк. милиции. М., 1989 (1990).
18. **Бушуев Г.** Суд народов в Токио//Агитатор. – 1986. - № 15. – С. 46-48.
19. **Baade H.** Individual Responsibility: The Future of the International Legal Order. vol. IV. Princeton, New Jersey, 1972.
20. **Валеев Р.М.** Выдача преступников в современном международном праве. Казань, 1976.
21. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т 1. М., 1946.
22. **Вадапалас В. А.** Реализация ответственности государств за международные преступления: проблема индивидуальных ответных мер//Изв. вузов. Правоведение. – 1987. - № 4. – С. 26-33.
23. **Вадапалас В. А.** Кодификация норм международно-правовой ответственности государств//Учен. зап. вузов ЛитССР. Право. – 1985. – Вып. 20. - С. 113-119.
24. **Вадапалас В. А., Василенко В. А., Курис П. М.** Ответственность в международном праве//Курс международного права. – М., 1990. – Т. 3, гл. 6. – С. 189-254.
25. **Василенко В. А.** Ответственность государств за международные правонарушения. Киев, 1976.
26. **Волков А. Ф.** Нюрнбергский приговор//Советское государство и право. - 1976. - №10.
27. **Гроций Г**. О праве войны и мира. Кн.3, Гл. 10, п.4. – М., 1956.
28. **Гуценко К. Ф., Сидоров В. Е.** Борьба с преступностью и международное сотрудничество//Советское государство и право. – 1986. - № 4. – С. 133-136.
29. **Галенская Л. Н., Кузьмин С. В.** Современные тенденции развития договорного сотрудничества государств в борьбе с преступностью//СЕМП, 1986. – М., 1987. – С. 319-323.
30. **Гришаев П. И.** Международная преступность и ее причины: Лекция//ВЮЗИ. – М., 1987.
31. Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны. М., 1949.
32. **Ежов В. Д.** Не забывать нюрнбергские виселицы//Молодой коммунист. -–1986. - № 9. – С.

75-82.
33. **Иванова И. М.** Международная уголовная юстиция и преступления против человечества. (Канд. диссертация). - М., 1959.
34. **Карпец И. И.** Преступления международного характера. М., 1979.
35. **Карпец И. И.** Международная преступность. М., 1988.
36. **Кудайбергенов М.Б.** Международное уголовное право: Учебное пособие. Алматы: Гылым, 1999.
37. **Ковалев А. А.** Борьба с пиратством и другими преступными действиями на море//Современное морское право и международное судоходство. – М., 1988. – С. 38-44.
38. **Красов С.И.** Международная уголовная ответственность индивидов (правовые проблемы). Диссертация на соискание ученой степени канд. юр. наук. Москва, 1985.
39. **Красов С. И.** Международное право об уголовной ответственности физических лиц//Тезисы докл. на теорет. конф. Аспирантов Института государства и права Ан СССР и юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1984. – С. 165-166.
40. **Красов С. И.** Наука международного права об уголовной ответственности физических лиц: (Из истории вопроса) //Методологические проблемы государства и права. – Куйбышев, 1986. – С. 130-136.
41. **Крылов Н. Б, Решетов Ю. А.** Государственный терроризм – угроза международной безопасности//Сов. государство и право. – 1987. - № 2. – С. 78-84.
42. **Колосов Ю.М.** Ответственность в международном праве. М., 1975.
43. **Курис П. М.** Международные правонарушения и ответственность государств. Вильнюс, 1973.
44. **Костенко Н.И.** Международный уголовный суд. М., 2002.
45. **Кулжабаева Ж.О.** Международное публичное право. Алматы, 2002.
46. **Латыпов У. Р**. К вопросу об определении международного терроризма//СЕМП, 1988. М., 1989. – С. 133-141.
47. **Латыпов У**. **Р**. Об определении понятия «государственный терроризм»//СЕМП, 1986. – М., 1987. – С. 324-329.
48. **Левин Д.Б.** Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966.
49. **Лебедева Н. С.** Суд народов в Нюрнберге: история и современность//Новая и новейшая история. – 1986. - № 5. – С. 38-55.
50. **Лебедева Н. С.** Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975.
51. **Ляхов А.** Политические корни воздушного терроризма//Коммунист. -–Вильнюс, 1984. - № 12. – С. 71-75.
52. **Манийчук Ю. В**. Последствия международного правонарушения. – Киев: Вища шк., 1987.
53. **Мелешников А. В., Пушмин Э. А.** Международно-правовая ответственность: понятие, процессуальные вопросы реализации//Сов. государство и право. – 1988. - № 8. – С. 83-90.
54. **Моджорян Л. А.** Терроризм на море. М., 1991.
55. **Моджорян Л. А**. Терроризм: правда и вымысел. – 2-е изд., доп. – М.: Юрид. лит., 1986.
56. **Моджорян Л**. **А**. К вопросу о сотрудничестве государств в борьбе с международным терроризмом//Сов. государство и право. – 1990. - № 3. – С. 116-126.
57. Международное уголовное право//Н. П. Блищенко, Р. А. Каламкарян, И. И. Карпец. М.: Наука., 1995.
58. Международное уголовное право в документах. 3 тома. Алматы, 1999.
59. **Николаев А. Н.** Токио: суд народов: По воспоминаниям участника процесса. М., 1990.
60. **Нагнойный Я., Мартыненко В.** Нюрнбергский процесс – его значение и уроки//Сов. право. – Киев, 1986. - № 10. – С. 68-73.
61. **Немятый В. Н.** Уроки Нюрнберга предостерегают//Коммунист Вооруж. Сил. -–1986. - № 10. – С. 64-72.
62. Нюрнбергский процесс и современность/ИГПАН. – М., 1986.
63. **Панов В.П.** Международное уголовное право: Учебное пособие. - М.: ИНФРА-М, 1997.
64. **Полторак А. И.** Нюрнбергский процесс (Основные правовые проблемы). М., 1966.
65. **Pella V.** Le code des Crimes contre la Paix et la securite de l’humanite. Geneve, 1957.
66. Proposal for an International War Crimes Tribunal for former Yugoslavia. Geneva, 1993.
67. **Решетов Ю. А.** Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983.

68. **Ромашкин П.С**. Преступления против мира и человечества. М., 1967.
69. **Родионов К. С.** Интерпол: вчера, сегодня, завтра. М., 1990.
70. **Рахметов С. М., Кременцов С. А.** Преступления против мира и безопасности человечества. А., 1998.
71. **Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б.** Суд в Токио. М., 1984.
72. **Сарсембаев М. А.** Международное право. Общая и особенная части. Алматы, 1999.
73. **Трайнин А. Н.** Защита мира и борьба с преступлениями против человечества.//Защита мира и уголовный закон. М., 1969.
74. Toward a Feasible International Criminal Court. Ed. by Stone J. and Woetzel R. Geneva, 1970.
75. **Ушаков Н.А.** Основания международной ответственности государств. М., 1983.
76. Уголовное право (право казахстанской, право международное). Учебное пособие. Под ред. М. А. Сарсембаева, И. И. Рогова. Алматы: Гылым, 1998.
77. Ferencz B. B. From Nuremberg to Rome: Towards an International Criminal Court. Bonn, 1998. - 12 p.
78. **Филатов В. П.** Правовые аспекты борьбы с международной преступностью.//Научно-теоретический и информационно-практический журнал “Московский журнал международного права”. - № 4. - М., 1997.
79. **Ха Хунг Кыонг.** К принципу ответственности гсоударства за агрессию в современном международном праве//Тезисы докл. на теорет. конф. Аспирантов Института государства и права АН СССР и юр. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1985. – С. 192-193.
80. **Черниченко С. В.** Статус подсудимых в международных судебных органах//Советское государство и право. - М., 1971. - №7. - С. 65.
81. **Энтин М. Л**. Сотрудничество государств в борьбе с международным терроризмом: некоторые новые тенденции//Новое политическое мышление и процесс демократизации: Ежегодник Советской ассоциации политических наук, 1990. – М., 1990. – С. 24-35.

М. Б. Кудайбергенов

Международная уголовная ответственность физических лиц

Генеральный директор
ТОО «Юридическая литература»
Жансеитов Н.Н.

Оператор: Г. О. Умурова

Издательство «Юридическая литература»
050057 г. Алматы, ул. Озтюрка, д. 12.
Тел./факс: (3272) 747-833, 742-650.
E-mail: law_literature@nursat.kz